

The background of the entire image is a detailed ancient Egyptian wall painting. It depicts the deities Osiris and Isis. Osiris, on the right, is shown in a dark red tunic and a long pleated skirt, holding a crook and flail. Isis, on the left, is shown in a similar style, holding a lotus flower. Between them is a large, stylized symbol, possibly representing the djed or a similar sacred object. The entire scene is surrounded by hieroglyphs and other smaller figures. The painting is on a textured, aged surface, possibly stone or plaster, with some visible wear and tear.

ТОМ КОВАЛИ

Воплотить ОСИРИСА

Том Ковали

ВОПЛОТИТЬ ОСИРИСА

Москва
2018

Том Ковали

ВОПЛОТИТЬ ОСИРИСА

М.: Клуб Касталия. 2018. — 208 с.

Перевод: Ирина ЗАХАРОВА

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ
«КАСТАЛИЯ»
ЮНГИАНСТВО. ОККУЛЬТИЗМ.
ТРАНСГРЕССИЯ.**

«Касталия» — это грандиозный культурный просветительский

проект, не имеющий аналогов в информационном пространстве. Цель нашего проекта — дать вам знания. Знания в области глубинной психологии и серьёзных оккультных традиций.

«КАСТАЛИЯ» — ЭТО:

- Постоянно издаваемые **НОВЫЕ КНИГИ**.
- **ЛЕКЦИИ И СЕМИНАРЫ**, которые проходят в Москве (еженедельно по пятницам), Санкт-Петербурге (дважды в месяц) и других городах, куда нас довольно часто приглашают.
- **САЙТ** с ежемесячно обновляющейся информацией из эксклюзивных переводов и авторских материалов. Большое количество ценной информации мы выкладываем в открытый доступ, то есть предоставляем совершенно бесплатно: это видеозаписи, книги и переводы книг, статьи и прочее. Поэтому, даже если у вас нет денег для участия в собраниях нашего клуба или приобретения всех изданных нами книг, очень многое вы можете почерпнуть совершенно бесплатно!
- **ВИРТУАЛЬНЫЙ ЛЕКТОРИЙ**, где вы можете получать уникальные видеолекции, посвящённые юнгианской психологии, арканам таро, рунам, астрологии и другим духовным наукам. Находясь в любой точке мира, вы можете связаться с нашим координатором и заказать заинтересовавшие вас лекции и курсы.
- **ЛУЧШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ**, готовые помочь вам пройти духовный кризис. Консультации психолога, таролога и астролога — тот спектр услуг, которые мы готовы вам предложить.

Наш проект — это, кроме того, **ЗНАК КАЧЕСТВА**. Сейчас, когда эзотерика в сознании даже образованных людей с трудом отличается от шизотерики, а «духовный эфир» заполнили лазаревы, трехлебовы, ахинеичи, торсуновы и прочие шарлатаны и мошенники, наш проект даёт уникальную возможность соприкоснуться с серьёзными и аутентичными духовными и психологическими школами.

CASTALIA

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

Содержание

1. НА ЗЕМЛЕ ЕГО РОЖДЕНИЯ	5
2. АЛХИМИЯ, МАГИЯ И ОСИРИС	28
3. СБОЙ В МАТРИЦЕ.....	51
4. ДЕЛА ТЁМНЫЕ	64
5. СОУЧАСТИЕ В УБИЙСТВЕ.....	75
6. ПОДНИМИСЬ!	91
7. ИСИДА, ХЕКА И АЛХИМИЯ	107
8. SOLVE ET COAGULA.....	118
9. СМЕНА БОГОВ	140
10. СУД БОГОВ: КОМУ ДОСТАНЕТСЯ ТРОН?.....	151
11. МА'А-КНЕРУ	164
12. ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	188

1.

НА ЗЕМЛЕ ЕГО РОЖДЕНИЯ

В действительности ночью над этой землей нависает такая тьма, что ночь становится не просто ночью, а тьмой души, вековой ночью, которая сегодня та же, какой была миллионы лет. И желание увидеть свет — это желание обрести сознание.

*К.Г. Юнг. «Воспоминания, сновидения,
размышления*

Лишь относительно недавно Запад прочувствовал традиции Востока и признал их колоссальный вклад в развитие мирового сознания. Но нам еще предстоит постичь мудрость, которая зиждется на древних цивилизациях. Вопрос о том, какое общество представляет самую раннюю цивилизацию остается открытым, частично в виду того, что археологи продолжают раскапывать остатки древних городов и поселений. Человеческое сознание проснулось от своего забвения, длившегося около двухсот тысяч лет, и великие цивилизации возникли в Месопотамии, долине Инда, Анатолии, Китае и Центральной Америке примерно в то время, когда Египет расцвел как господствующая культура около 3000 г. до н. э.¹ Все они внесли значительные, уникальные вклады в развитие сознания. И пока археологи продолжают свои раскопки, психологи бессознательного также пытаются постичь мудрость веков, исследуя цивилизации Древнего Мира. В этой книге мы обращаемся к мифу об Осирисе, чтобы научиться у людей Древнего Египта

проникать в суть. Так же как каждой новой выкопанной мумии есть, что рассказать, так и каждое свежее прочтение этого удивительного мифа раскрывает все более глубокие тайны. Определенно, Египет стоял на пороге коллективного сознания, когда мир впервые открыл свои глаза и обнаружил порядок в великом множестве звезд и в бескрайних песках. Египтяне сознавали и ценили красоту своей земли, благоприятное расположение звезд и планет, а также то священное место, отведенное людям во вселенной.

Рассматриваемый период датируется 2300 г. до н.э.² В основном интерес к этому периоду времени крайне ограничен поверхностным восхищением мумиями и пирамидами. Музеи все еще привлекают небывалые толпы каждый раз, когда выставляются мумии, и люди едут в Египет и испытывают благоговейный трепет перед пирамидами, на самом деле ничего не зная ни о фараонах, которые их построили, ни о богах, что обитают здесь. Чтобы полностью воплотить наше понимание о Древнем Египте, требуется не просто пересказ старых мифов; особенно это касается Осириса, чей дух пронизывал династический период Египта от начала до конца, мы должны описать его историю, принимая во внимание его географическое, историческое, мифологическое, и философское окружение.

Подавляющее большинство данных свидетельствует в пользу Африки как земли, где зародилась человеческая жизнь, где одна из самых стойких цивилизаций пустила корни в огромном пространстве. Точно неизвестно, как из племенных общин выделились династии фараонов, но из всех африканских стран, Египту удалось остаться недостижимым для иностранных держав в течение трех тысяч лет. Вообразите на мгновение дату происхождения любой существующей сегодня страны: перенеситесь мысленно вперед на три тысячи лет, и вы ощутите на себе вес истории Египта. Само время и пространство делают Египет уникальным. Даже сегодня Египет своего рода географическая аномалия. Расположенный на африканском субконтиненте, бок о бок с Ближним Востоком, он многое унаследовал у обоих регионов, сохраняя свою собственную уникальную идентичность;

в культурном плане он не принадлежит ни Африке, ни Ближнему Востоку. В то же время, Египет сформировал естественный перешеек между этими разноликими областями. Многими факторами можно объяснить невероятное долголетие Египта, но прежде всего сама земля позволила ему господствовать на Ближнем Востоке в течение удивительно долгого времени. Египет при непрерывающемся правлении тридцати одной династии выдержал экологические проблемы, междоусобицы и бесчисленные атаки традиционных девяти врагов.³ Сама Земля породила египетскую космологию, государственную структуру, религию и общественные работы.

Прежде чем Египет объединил «Две Земли», северо-восточная часть Африки, включая территории современных Судана, Сомали и эритрейское побережье Эфиопии, считалась мистической Землей Пунта. Ее так же называли «Земля Богов», потому что она обеспечивала большую часть поставок, используемых в Египетских храмах. Ладан, ароматная древесина, шкуры, и возможно даже бог-карлик Бес были ввезены из Пунта. Эта область была также известна как сад удовольствия Амона. Хотя мы знаем о нескольких масштабных экспедициях фараонов в эту дивную невиданную страну, точное местоположение остается неизвестным.

Ближайший сосед Египта с юга, Нубия, был также очень важен из-за обширных поставок древесины и золота, ресурсов, дефицитных в Египте. Нубия доставляла золото, используемое для ювелирных украшений, регалий фараонов и погребальных объектов. Египтяне рассматривали золото как кожу Солнца. Отношения между этими двумя странами чередовались между борьбой в качестве союзников и борьбой друг с другом; наконец, Нубия даже управляла Египтом в течение относительно короткого периода времени. Как ни странно, идея царя в виде фараона, вероятно, появилась из нубийских племенных царств. И оригинальное представление об Осирисе, возможно, зародилось в нубийском туманном прошлом.

До объединения Египет был разделен на две земли: Верхний Египет на юге распространялся и на Нубию, и Нижний

Египет — от Асуана на север к Средиземноморью (Зеленому Морю). Впервые страна была объединена около 3000 г. до н. э. при правлении Нармера; впоследствии Египет разделился и посредством искусных политических и религиозных махинаций был вновь объединен. Однако война и политические средства оказались недостаточными для объединения страны в стабильную, сплоченную нацию. Мойсова пишет: «Необходимо было изобрести новый эпос, чтобы помочь преобразовать доисторическое племенное общество в единое государство. Племенные мифы должны были преобразиться в Великий государственный Миф».⁴

Эти мифы описывают божественного царя, который, в конечном счете, рассматривается либо как сын бога, либо сам является богом. Царями, решительно, были мужчины, так как источник власти, по-видимому, исходил от трех основных мужских божеств — Амон, Ра, Птах. Даже одна из самых могущественных женщин Хатшепсут, чтобы управлять Египтом, объявила себя царем, а не царицей; чтобы соответствовать своим предшественникам мужского пола, она носила ложную бороду, символ царской власти, и была захоронена в Долине Царей в Фивах. На стенах ее храма с западной стороны изображена первая крупномасштабная экспедиция в Пунт.

Египтяне называли свою страну Та-Кемет, что означает «Черная Земля». Современное название не использовалось вплоть до греческой оккупации тысячи лет спустя. К тому времени ритуалы превратились в утвержденные государством мифы, и, в конечном счете, египетская религия приняла довольно четкие очертания. Тинис был основан как первая столица, далее последовал Мемфис, который стратегически расположен в дельте Нила на севере. Богом покровителем Мемфиса был Птах, Бог Творец, демиург и защитник ремесленников и мастеров — истинный алхимический бог. Невозможно переоценить его значительную роль, которая была запечатлена в работах живописи, резьбе по камню и строительстве. Масоны начинают свою историю с ранних гильдий, которые, в конечном счете, вышли из этого античного искусства.

«Религиозные центры», — объясняет египтолог Джон Энтони Уэст, — «в Гелиополе, Мемфисе, Фивах и Гермополе не представляли собой отдельные и соперничающие культы или политический и социальный союз. Скорее каждый показывает одну из принципиальных ступеней или аспектов генезиса».⁵ Ссылаясь на труды Рене Шваллера де Любича, Уэст описывает оба Египта и многие его храмы как живых существ. Таким образом, Гелиополь представляет собой «исконный творческий акт», породивший Эннеаду или Девятку, которая включает Осириса и других богов (Нетеру), играющих важную роль в мифе об Осирисе. Мемфис был посвящен Птаху, «творцу и художнику форм». Фивы особенно важны в теории де Любича. Он потратил двенадцать лет интенсивных исследований и сбора данных, чтобы доказать, что Луксорский храм был «живым» и в точности имитирует человеческую фигуру и нервную систему, пронизывающую всю его структуру. Как человек соединяет воедино верх и низ, так и Фивы считаются «воссоединением того, что было разрозненно». Наконец, Гермополь был «творением Проявленной Вселенной» посредством слова, это земля магии, где господствовал бог с головой ибиса Тот.

Большинство ранних богов возникли в результате непосредственных наблюдений за окружающей средой и только позже приобрели божественный статус. Первоначально, Осирис был обычным богом мертвых, духом природы, который был связан с Нилом. Египтяне находились в тесной связи с землей и еще больше с рекой, которая способствовала самой жизни. Они не были людьми, которые осваивали открытые моря; только в редких случаях они плавали в Средиземноморье или Красном Море. Нил предложил им безопасность и изобилие, а Осирис осуществлял контроль над его течениями и потоками жизни и смерти. Даже сегодня большой процент населения теснится вокруг его оживленных берегов. До постройки Асуанской Верхней Дамбы примерно сорок лет назад Нил ежегодно выходил из своих берегов, оплодотворяя бесплодную землю и смывая вредные отложения. Из Нила вытекают основные элементы цивилизации:

сельское хозяйство, торговля, религия, налогообложение, математика, язык, строительство и средства передвижения. Геродот, греческий историк пятого века до н. э., оправданно сказал: «Египет — дар Нила».

Трудно вообразить, как египтяне выжили в таких суровых условиях пустыни, где температура повышалась до 120 градусов, а горячие ветры походили на доменные печи. Несомненно, без Нила просто не было бы Египта. Эта священная река, самая длинная в мире, покрывает расстояние в 4148 миль. Не имея никаких притоков, она плавно движется к северу от Озера Виктория (Белый Нил) в Уганде и Озера Тана (Голубой Нил) в Эфиопии, протягиваясь в северном направлении к Дельте, где разветвляется, словно дерево и, в конце концов, впадает в Средиземное море.

Наряду с богатыми пахотными полями, окаймляющими берега Нила, большая часть выдающихся памятников, храмов, святилищ и пирамид расположена близ его вод. Созерцать Нил — это что-то исключительное. Особенно на юге можно легко предаться грезам, воскрешающим те времена, когда украшенные венками лодки, везущие золотые статуи Хатхор и Хора, плыли вверх и вниз по течению чтобы соединить в объятьях этих божеств любви и силы. Другой беглый взгляд назад открывает перед нами грузовые судна, перевозившие на борту красный гранит из Асуана в Каир для постройки пирамид Гизы, флотилию военных кораблей, транспортирующих огромные армии в иностранные земли. Даже сегодня удивительно видеть людей со всего мира, путешествующих из Асуана в Луксор, по речному пути, который является достопримечательностью сотни лет. Настроившись на нужную волну, можно услышать голоса богов. Они повсюду.

Почти все в Египте названо в честь какого-нибудь бога. Богом Нила был Хапи, а Осирис был его духом. Осирис символизировал отливы и приливы, от чего зависела жизнь. Ежегодный разлив реки оживлял землю и способствовал сельскому хозяйству. Осирис учил людей возделывать земли.

Сельское хозяйство преобразовало Египет экономически,

в военном отношении и духовно. Закон, торговля и математика были необходимы, поскольку пропитание общества все больше и больше зависело от окружающей среды. Достаточные доказательства поддерживают ту точку зрения, что, прежде чем Египет стал аграрным обществом, люди там практиковали каннибализм по ряду причин. Одно лишь выживание не объясняет эту практику; они верили, что поедание человеческой плоти было магическим средством получения сил жертв. Главный приз за накопление достаточной силы был бессмертием. Благодаря сельскому хозяйству, стали доступны новые источники пищи, а дополнительные ресурсы позволили создать кодекс закона, порядка и постоянной армии.

Однако появление сельского хозяйства не было достаточным для того, чтобы остановить нецивилизованную деятельность. Фактически, потребовался бог, чтобы «окультурить» землю. Культ Осириса запрещал есть человеческую плоть или, по крайней мере, соотечественников египтян; потребление сырого мяса и каннибализм иностранцев продолжалось в течение некоторого времени. Людоедство, в конечном счете, прекратилось и преобразовалось в метафору, используемую длительное время в Каннибальских Гимнах. В этом тексте фараон Унас «поедает волшебную силу» и «проглатывает души».⁶

Ежегодный разлив Нила способствовал развитию сельского хозяйства. Новый год начинался, когда Нил выходил из своих берегов в июле, и первый сезон года был назван *Половодье*. Вскоды, второй сезон, следовал, когда собирали зерновые культуры, и наконец, наступало лето, «*Время, Когда Земля Суха*». Каждый из этих трех сезонов состоял из четырех тридцатидневных месяцев. Но из-за того, что этот 360-дневный календарь был неточен, разлив Нила наступал позже каждый год, ошибка эта разоряла фермеров. Чтобы исправить неточность, фараон объявил, что к году будут добавлены пять дней, и получится 365-дневный год. Объяснить, как была внесена корректировка, достаточно просто, но так как наша цель — понять египетскую душу, мы добьемся большего успеха, обратившись к мифу, объясняющему, как эти пять дополнительных дней были

добавлены к календарю. В следующей главе я расскажу, как Тот обманывает Ра и требует эти дополнительные дни, во время которых появляются на свет боги Осириса.

Как я упоминал ранее, Абидос — очень древний город, бесспорно, имеет огромное значение для Осириса. Его дух все еще жив в Храме Сети I в Абидосе. На первый взгляд, храм Осириса не такой как остальные. У него нет обычных внушительных пилонов (массивных ворот), что стоят перед большинством египетских храмов. До Абидоса добираются караваном приблизительно шесть миль вглубь страны от берегов Нила. Этот затерянный в пустыне город был традиционным кладбищем старых царей; там находится гробница Нармера среди одиннадцати царских гробниц. Большие пиры и церемонии проводились в Абидосе в течение тысяч лет. Это было кладбищем для Тиниса, столицы древнего Египта. Погребальный храм, начатый фараоном Сети I, был построен в Абидосе — в честь великого воина. Храм Сети I был построен перед статуями — «здания Ка» — который первоначально служил для того, чтобы оставлять там царей после их физической смерти. Абидос считался местом перехода для мертвых, куда духи возвращались за пищей, приюта и контакта с живыми. Здесь также находится Ростау, предполагаемый вход в Дуат.

Как только Осирис стал известным богом, он заменил собой Ра, а возможно, соединился с ним в солнечной ладье, перевозившей свет Солнца (сознание) через Дуат. Со временем образ Осириса меняется от космического божества, которое сдерживает хаос и врагов творения (Сет, Апоп), в бога, сопереживающего трудностям и испытаниям, с которыми сталкиваются люди. В этой более поздней роли он осажден злом, обучает людей земледелию, и вершит суд над каждой душой. Но что отличает Осириса от других египетских богов, так это то, что он единственный, кто страдает и умирает. Обойдемся же здесь без рациональности, так как разум сам диктует, что бог бессмертен. А вновь обратимся к мифическому воображению, чтобы по-настоящему оценить все значение смерти Осириса. Безусловно, мы охотно можем представить себя богом, который разделяет

Рис. 1.1. Ра в солнечной ладье

с нами самое значимое событие нашей жизни в бренном мире — смерть. Но, помимо умирания, Осирис еще и воскресаает, и в его воскрешении мы находим надежду на то, что жизнь не заканчивается завершением физического существования. Таким образом, каждый человек стремился «стать Осирисом», и в момент смерти усопший сочетал свое имя с именем бога.

Осирис олицетворяет новый порядок богов, сознание, которое только начинает познавать себя, которое учится обращаться с внешним миром. Его отношения с людьми просты и как-то по-детски непосредственны. Временами его легко спутать с самой природой, он и сам Нетеру, термин, который возможно дал начало слову природа (натура — англ. *nature*). Только благодаря своему сыну Гору, который представляет следующий уровень сознания (эго), Осирис понимает всю полноту и сложность человеческих побуждений. Невинность Осириса создает гибкий образ, который фараоны должны были включать в свои высказывания.

Первой богиней, которой поклонялись в Египте, была Звезда Сириус (Сопдет), которая на 70 дней каждый год скрывалась за горизонтом. Ее возвращение примерно совпадало с Половодьем, отмечая начало нового года, время, когда поля снова возвращались к жизни. Вторым божеством, которое привлекло всеобщее внимание, была корова, символ Великой

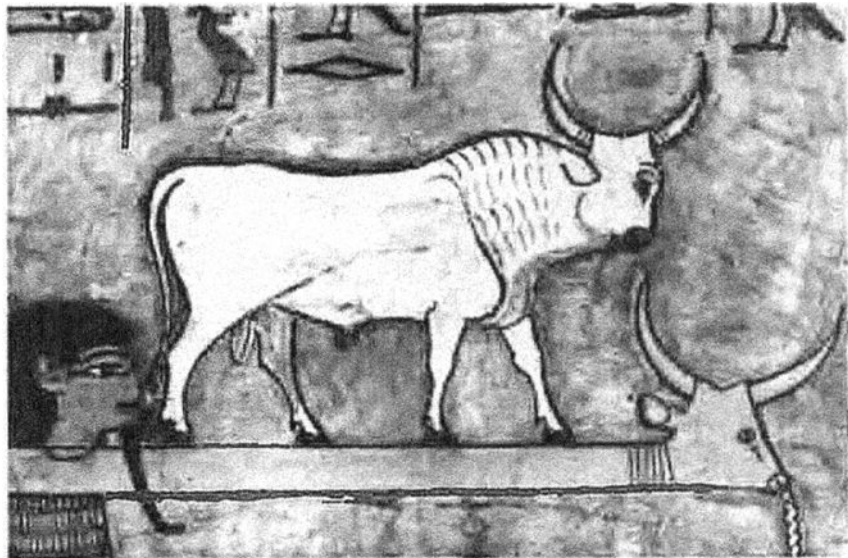

Рис. 1.2. Бык Апис

Богини. Ее рога украшают корону Хатхор. Поклонение Великой Матери было способом, который использовали многие фараоны, чтобы достичь божественного статуса. Соединяя себя с богиней, фараон принимал на себя ее царское положение и власть. С помощью симпатической магии фараон впитывал энергию ее ка, жизненную энергию всего природного и божественного. Затем он брал ее имя Камутеф, «Бык своей матери», и благодаря ее могуществу он воскресал, чтобы олицетворять саму жизнь. Наряду с этим каждый фараон отдавал дань уважения Осирису, так как он тоже обладал невероятной силой, будучи богом плодородия. Священный бык Апис является воплощением ка Осириса.

Бык Апис был не только священным образом, но и особенным животным, чья окраска указывала на царское происхождение; его держали в царских стойлах, где его почитали как бога в его «святая святых». Только один бык Апис находился на содержании, а после смерти его мумифицировали и погребали на кладбище Серапеум в Саккаре неподалеку от Каира. Особое внимание

уделяли и корове, родившей Аписа, которая была известна как Корова Исиды. Опять же, каждый фараон ассоциировал себя с Аписом и таким образом укреплял свои связи с Осирисом, с Древним Царством, с вековой традицией. С течением времени тесная связь между Осирисом и Аписом привела к соединению их в одного бога, Осираписа, а во времена Эллинизма к появлению нового божества Сераписа. Этот синкретический бог не только соединяет в себе атрибуты Осириса и Аписа. Так как он появляется во времена греческой оккупации при правлении Птолемея I, Серапис приобретает черты влиятельных греческих богов. И все же Серапис сохраняет первоисточник силы, исходящий от Осириса: секреты плодородия и загробной жизни. Он египетский бог сновидений.

Через свою связь с быком Аписом, фараон получал силы необходимые для восхождения, архетипическую силу, исходящую от Великой Матери. И все же, даже с этими силами фараону приходилось демонстрировать свою жизненную энергию, так как время брало свое. Общественные работы и победы в войнах поддерживали почитаемый образ фараона, но он никогда не принимался как само собой разумеющееся; время от времени его необходимо было омолаживать. Даже боги не были застрахованы от разрушительных действий времени или немилости людей. Юнгианский аналитик Теодор Абт обнаруживает психологическое содержание, лежащее в основе этой потребности восстанавливать силы: «Древние египтяне верили, что боги и другие существа загробного мира тоже регулярно умирают, и посему должны были возродиться по своему образу и подобию. Это известный психологический факт, что врожденные структуры коллективного бессознательного, архетипы, имеют тенденцию к расцвету и увяданию. Им необходимо регулярное возрождение эго-сознанием, что входит в сферу трансперсонального бессознательного. Это позволяет эго восстановить связь с архетипической реальностью».⁷

Даже великий бог Ра был беззащитен перед разрушительным действием времени и недовольством людей. Ранний миф повествует о том, как Ра разозлился на людей, потому

что те подозревали, что он утрачивает власть. Вступив на поле земного времени, никто, даже бог не застрахован от упадка физических и сверхъестественных сил. Следовательно, люди стали переключаться на служение Апопу (Апофису), змею, который и представляет все то, что ненавистно жизни и сознанию. Посоветовавшись с другими богами, Ра создает богиню Сехмет с головой льва, которой он поручает уничтожить людей. Ее кровожадный аппетит неутолим. Когда оказывается, что она вот-вот поглотит все человечество, Ра осознает, что не будь людей, никто не будет поклоняться ему. Такое бедствие нужно было предотвратить, поэтому Ра посылает гонцов на остров Элефантина приобрести большие количества пива и красной краски. На следующее утро окрашенное пиво разливается на поле, где должна быть Сехмет. Принимая пиво за человеческую кровь, она пьет до опьянения. Ослабив ее силы, Ра чудесным образом перевоплощает ее в Хатхор, богиню любви.

Заблуждением было бы считать, что жизнь фараона была легкой и праздной. Чтобы подтверждать свою неиссякаемую энергию в старости, он должен был демонстрировать свое физическое совершенство. Если фараону посчастливилось дожить до своего 30-летнего правления, на фестивале Хеб Сед проводилось физическое испытание, где проверяли выносливость царя, чтобы показать возобновление его жизненной силы благодаря верховному божеству Солнца (Ра). По этому особому случаю, определенные боги представляли перед людьми. Во время этого события, царь должен был выполнить комплекс очень тяжелых физических упражнений, включая бег по определенной дороге четыре раза в обоих направлениях. Он должен был доказать, что он все еще обладает силой бога. В процессе обновлялись и его духовные силы. Затем хоронили статую фараона — ритуальный символ его смерти и воскрешения. Церемония Хеб Сед больше чем просто омолаживала царя — «Она обеспечивала храм и царство непрерывным возобновлением и вечной жизнью».⁸

Здесь затронута важная тема: сужение и расширение сознания. Мы находим многочисленные примеры этого процесса в Истории Египта. Приливы и отливы Нила и его воздействие

на землю, зерновые культуры и продукты питания; взлеты и падения династий; боги (Хух и Хаухет), которые представляют принципы расширения и сжатия; увеличение и уменьшение силы фараона; восход и закат Солнца, а так же фазы Луны — все это примеры многих проявлений психической энергии. Еще много примеров могут быть добавлены к этому списку, но достаточно отметить, что модель этого изменчивого взаимодействия создает напряженность противоположностей, необходимую для психического функционирования, процесса, который проявится в критические моменты в мифе Осириса. Вполне возможно, что алхимики интуитивно постигли свой известный рецепт «растворять и сгущать» благодаря этому динамическому взаимодействию противоположностей. Смерть Осириса и его воскрешение символизируют эту неотъемлемую особенность сознания, как оно перемещается и преобразовывается.

Столкнувшись со многими силами, стремящимися разрушить их образ жизни, Египтяне строго придерживались своих традиций, даже когда угроза исходила от самого фараона. Они отчаянно выступали против перемен, и когда это было неизбежно, они постоянно стремились вернуться к началу. В полную меру своих возможностей они старались поддерживать постоянство; такая стабильность отражает незыблемое постоянство бога. В середине эры Нового Царства этот идеал принял самый большой удар по устойчивой традиции египетской религии и общества.

Сначала царствовал Аменхотеп III, сын Тутмоса IV, а затем пришло время драматического правления Аменхотепа IV, более известного как Эхнатон. До царствования последнего, все фараоны правили Египтом, как единым коллективным образованием. Как стая рыб, следовали египтяне по течению мифа, а за соблюдением традиции следили священники и фараон. Взойдя на трон, Эхнатон отверг всех предыдущих богов и объявил Атона единственным верховным богом, который включал в себя всех остальных. В отличие от Ра, который, как мы видели, вошел в мир и был зависим от него, Атон представлял собой более сконцентрированную, монотеистическую и абстрактную форму

солнечной энергии. Он не был просто дающим жизнь, но как физическая сущность Солнца, был по существу самой жизнью.

Это различие между Ра и Атоном оказало огромное влияние на человеческую душу. Человеку больше не нужно было обращаться ни к какому другому богу кроме Атона, живительной силе света. В этом смысле, Эхнатон освободил египтян от уз коллектива, и появилось понятие об отдельной личности — один человек, один бог. Поэтому историк Джеймс Генри Брестед утверждал, что Эхнатон был «первой индивидуальностью в мире».⁹

Эхнатон переместил столицу в пустыню, где он правил шестнадцать лет. Его младшая жена Кийа родила ему сына, знаменитого Тутанхамона. После смерти Эхнатона, военный по имени Эйе обучал царского мальчика. Некоторые говорят, что Эйе убил Тутанхамона и взшел на престол.¹⁰ Эйе быстро положил конец этому радикальному отступлению от египетской политеистической религии и отрекся от идеи веры, основанной на единобожие, исповедуемой Эхнатоном. Новый город Амарна (1352—1335 до н. э.) был разрушен, а старые традиции быстро восстановлены. Это аннулирование — потрясающий пример относительно краткого периода «расширения и сжатия» в египетском обществе. В конце концов, сопротивление египтян переменам возвестило о появлении новой теологии, той, которая иронически стала прототипом для монотеистических религий. Я расскажу подробнее об этом еретическом правителе в последней главе.

Другой пример того же самого желания сохранять все постоянным, неизменным и фиксированным можно найти в преемственности царской власти. В большинстве династий, по законам наследования трон переходил официальным наследникам, священникам или военным. Главным критерием было королевское происхождение. Поэтому кровосмешение было обычным делом во дворце. Это было средством защиты царской родословной, и по существу, связью с предками и через них — с первоначальными богами. Цепочка ассоциаций, позаимствованных из алхимической символики, показывает, что кровь относится к Красному морю.

Оно в свою очередь «обращается к *aqua permanens* (постоянной воде), универсальному растворителю — то есть, жидкой форме Философского Камня».¹¹ Этот камень, *Лapis*, способный исцелять болезни и преобразовывать металлы, символизирует в этом случае поток неизменной силы, которая ослабила царство приблизительно трехсот фараонов за период в 2920 лет. Многие теологи верят, что миф Осириса преимущественно является историей о переходе власти: изменение в традиционном порядке наследования, который оспорили и низвергли. Эта интерпретация станет особенно ясной в следующих главах, когда Гор и Сет столкнутся друг с другом в зале суда.

Стабильность подразумевала поддержание благоговейной связи с богами и мертвыми, так как и те и другие находятся близ основного источника власти. Этот источник по-разному представляли себе: как Нун, Атон, и Дуат. «Египет, — говорит Джон Энтони Уэст, — постановил, что цель человека на земле — это возвращение к источнику. В Египте были признаны два способа достижения этой цели. Один из них был известен как путь Осириса, который представлял циклическую природу вселенского движения; это был путь последовательных перевоплощений. Второй способ — это путь Гора, прямой маршрут к воскрешению, которого человек мог бы достигнуть за одну единственную жизнь».¹²

Почитание предков было важным способом поддержания жизненно необходимой связи с Осирисом и загробным миром. Эта практика частично объясняет, почему придавали такое огромное значение кладбищам. Египтолог Рэндал Кларк объясняет:

Предки, хранители источника жизни, были средоточием жизненной энергии, источником, откуда протекают все силы, направленные на поддержание и развитие жизни. Следовательно, они не были только душами усопших, но оставались активными в роли хранителей жизни и судьбы. Что бы ни случилось, на счастье или на беду, в конечном счете, исходило от них...

Следовательно, место, где обитали предки, было самое святое в мире. От этого зависело благосостояние общества. Без могилы или кладбища, жизнь на земле была бы ничтожна, или вовсе невозможна.¹³

Сохранение царской крови в семье было крайне важным для поддержания стабильности. А это было сродни подвигу. Множество полных тайн египетских сюжетов содержит кровожадные заговоры и убийства отцов и сыновей. Время от времени центр власти разрушался, и нависала угроза гражданской войны; единство восстанавливали военные действия. Поэтому, даже при поверхностном взгляде на любой список фараонов, мы видим большое количество военных. Конечно же, большинство фараонов не жили в башне из слоновой кости, где они только и делали, что поклонялись богам; физическая сила и храбрость были равно важны, как и способности устанавливать связь с богами. Продолжение родословной надежно сохраняло власть в пределах давней традиции фараонов и их связи с предками и богами.

Такое же стремление к центральности наблюдается и в египетских представлениях о богах. В то время как сознание людей Запада представляет Ра, Осириса и Гора как отдельных богов, более правильно рассматривать их как различные аспекты одного и того же явления. Святые троицы повсеместно представлены в египетском пантеоне. В юнгианской психологии мы находим тот же самый феномен души, где Самость отражает аспекты всех архетипов. Алхимики называли этот концепт «Один и Многие». Согласно Юнгу, Самость — это архетип, который «выражает единство личности как целого... Это трансцендентное понятие».¹⁴ Фараон был самым ярким примером материального воплощения Самости. Изучая основных богов, которые играют роль в мифе об Осирисе, мы можем определить их положение в египетской религии и обществе.

Хотя не существует точного соответствия между богами и архетипами, однозначно следует отметить явное сродство. Так Ра символизирует Самость, архетип целостности, который содержит в себе все сознательное и бессознательное. Исида,

Хатхор и Сехмет демонстрируют различные проявления Великой Матери. Сет — воплощение Тени, а Гор — эго, контролирующее сознание в повседневной жизни. Что касается Осириса, то он является более личностной архетипической фигурой. Он выступает посредником между небесным Ра и защитником земли Гором. Таким образом, лучше всего воспринимать Осириса как совокупность (сплав) космического божества, земного божества, и бога подземного царства, который еще и существует в области психики.¹⁵ Важно помнить это, так как мы прослеживаем эволюцию Осириса через эти три сферы. В хтонической форме мы встречаем Осириса, сопровождающего мертвых в подземное царство, где он питает землю, вдыхает жизнь в воздух, устанавливает время прилива и отлива Нила и разжигает страсти в сердцах мужчин и женщин. В загробном мире Осирис церемонно вершит суд над душами людей. Как отмечалось ранее, подземный мир синонимичен подсознанию. Следовательно, Осирис есть архетипическая энергия, активизирующая подсознание таким образом, что оно больше не является просто носителем памяти, но невероятным ресурсом для повседневной жизни. Другими словами, подсознание, по сути, является своего рода смертью сознания — но это не конец, а творческая сила, которая омолаживает сознающий разум. Чтобы постичь смерть в этом плане, нужно отличать египетское отношение к смерти от нашего собственного.

Их мировосприятие не основывалось на временном континууме, где кульминационным моментом является смерть. Согласно Генри Франкфурту, руководителю Варбургского Института, «египтяне рассматривали смерть как временную приостановку, а не конец жизни — некую перемену в человеческой личности».¹⁶ Они не акцентировались на том, что воскрешение — это способ достижения спасения, они видели в этом путь к единению тела, ума и духа. Для них смерть была не конечным пунктом, а скорее неотъемлемой частью существования и неизбежной стадией, которую должен пройти человек, сохранив все пять чувств. «Египетская космология, — объясняет Мойсова, — не предполагала апокалипсиса, конца времен.

Время не двигалось к вечному завершению. Оно просто было. Оно было цикличным и постоянно повторяющимся. Циклы упадка и возрождения происходили в неопределенное время так, что, относительно человеческого наблюдения, у этого мира не было ни начала, ни конца. Вечность была вне времени». ¹⁷

Тогда как человеческое существование обычно ограничено определенным количеством времени, жизнь по ту сторону смерти неограниченна; бессмертие становится реально возможным. Тело умирает, но душа продолжает жить. Так как время не линейно, трансцендентность не откладывается на будущее, она доступна в любой момент. А воскрешение не связано с физическим телом; выход из тела так же возможен в любое время. Фараон был единственным, кто жил между земным и духовным мирами; кроме того, он служил примером принципа Маат, архетипической богини порядка. Другими словами, он являл собой способ поддержания равновесия между мирами. Маат, говорит египтолог Эрик Хорнунг, «это порядок, справедливая мера вещей, которая лежит в основе мира... Это состояние постоянно нарушают, и необходимо беспрестанное усилие, чтобы воссоздать его первоначальную чистоту». ¹⁸

Подражая фараону, каждый гражданин, в сущности, поддерживал вселенские принципы порядка. Невозможно избежать смерти, так как это неотъемлемая часть естественного ритма жизни. И все же, несмотря на то, что она неизбежна, способ войти в загробный мир зависит от того, как человек проживает свою жизнь.

Разумеется, несмотря на всю важность, которую придавали соблюдению этических принципов, мы должны остерегаться идеализации Египта. Многочисленные свидетельства Дейр эль-Медина, где находится Долина Царей, показывают, что Древний Египет страдал от преступности. В добавок к разграблению гробниц, документы предоставляют уйму доказательств насилия, взяточничества, цареубийства, грабежа и возможно даже человеческих жертвоприношений еще во времена Первой и Второй Династий. Следовало многое взвесить на последнем суде над умершим.

Перед тем как впустить душу в зал суда Осириса, сорок три судьи допрашивали ее — этот любопытный процесс назывался «Исповедь отрицания». Египтяне очень старались не прогневить богов. В этой исповеди, душа отрицательно отвечает на вопросы, которые ей задают. Делалось так во избежание даже намека на то, что душа ставит себя превыше уровня богов, поскольку преступить то, что дозволено только богу, равносильно заявлению, что ты больше чем бог. Здесь просматривается скрытое правило: вы можете возвыситься до уровня бога, но даже на мгновение не допускайте мысли, что можете превзойти его.¹⁹ Помня об этом, покойный осторожно формулировал свои ответы. Фраза «Я не препятствовал разливу Нила» чествовала Осириса, поскольку только он один управлял течениями Нила. «Я не крал у своего соседа» и «Я не забывал почитать богов» были типичными ответами судьям.

Перед тем как закончить этот краткий обзор, я обращаюсь к одному из самых больных вопросов египетской космологии — очевидное противоречие между концепцией существования, согласно которой бессмертие достижимо, и другой концепцией, где все, даже боги, в конечном счете, умирают. Мы должны прибегнуть к одной «поправке», о которой упоминалось ранее. Мы не можем вплотную подойти к этой сложной теме, мысля сугубо рационально. Как я уже намекал, египетская космология закладывает фундамент души, и, как мы вскоре увидим, алхимии тоже, к тому же она формирует зачатки философии. Таким образом, мудрее было бы оценить их космологию как поток духовных образов, а не как соответствующую любой официальной философской системе.

Как подчеркивает Хорнунг в «Представлениях о боге в Древнем Египте», смерть — это отнюдь не то же самое, что и небытие: «Как и люди, боги умирают, но они не мертвы. Их существование — и все существование в целом — не представляет собой неменяющуюся бесконечность, а скорее постоянное обновление».²⁰ В следующей главе я подробнее опишу, представления египтян о сотворении мира, а сейчас мы должны в общих чертах описать их космологию, чтобы понять значение

богов, особенно Осириса. В Книге Мертвых сказано: «Эта Земля вновь обратится в хаос, погрузится в первобытные воды (Нун), бесконечный океан, как это было первоначально. Останусь только Я (Атум) и Осирис, я приму облик другого змея (Апопа), которого не узнают люди, и не увидят боги».²¹

Боги рождаются и умирают в сфере сущего, но они, как и люди, должны вступить в первичный хаос небытия для того, чтобы получить обновление. Вдобавок подчинению законам объективного мира, у богов были другие особые ограничения. За исключением богов Раннего Царства, влияние большинства из них было ограничено определенным местом. Местные божества были связаны со своими священными городами, таким образом, в другом месте они могли оказаться бессильны. Как правило, боги не имели абсолютной власти, так как им было свойственно дифференцироваться. По сути дела, мерилom могущества того или иного божества выступало количество его/ее воплощений. Будучи главным божеством Древнего Царства, Осирис сосредоточил огромную власть, главным образом благодаря своему упорному сопротивлению переменам, даже при очень суровых обстоятельствах. Я уже упоминал некоторые его непростые проявления, которые являются доказательством не только его стабильности, но и его универсальности. С сотворением мира приходит смерть, возникает дуальность, которая устанавливает различие между бытием и небытием. В пределах этого разграниченного мира боги и люди, жизнь и смерть, время и пространство — все создается и, в конечном счете, погибает. Существующий мир, включая Дуат, окружен и затенен небытием. Можно сказать, что воображение увлекает нас на край света, и что за этими пределами, мы не знаем. Боги помогают продлить человеческую жизнь после физической смерти до грани существующего мира, но не за его пределами. Философ Нэйдлер, автор трех великолепных книг о Древнем Египте, объясняет: «Никто из богов не пережил его [наднебесный мир], потому что они принадлежат миру сущего; и все же все боги, в конце концов, есть его проявления. Они не знают его, потому что он значительнее их. Это «пустота» по ту сторону различий между субъектом и объектом,

которая и является центральным местом в учениях буддизма. В христианской теологии, это Основа бытия, отличная от любого существующего явления».²²

Бессмертие существует лишь в этом мире, и речи нет о том, что находится за его пределами. Только тишина. Но внутри существующего мира *небытие повсюду*. Оно «простирается под каждым местом». По словам Хорнунга, *небытие* — «в подземных водах... [которые] напоминают о состоянии до мироздания. Ежегодное наводнение приносит безвременное *небытие* обратно в мир сущего. „Земля есть Нун“. Даже живительное дыхание ветра исходит от Нун... и каждую ночь вновь опускается тьма, состояние, которое для египтян тоже существовало в начале времен».²³ Таким образом, когда душа предстает перед Осирисом, богом мертвых, покойный стоит перед тем, «к кому приходит то, что есть, и то, чего нет».

Эти понятия очень трудно уловить, потому что современный ум полагает, что он думает главным образом сознательно, рационально. Грандиозная египетская космология требует, чтобы Западный ум отложил в сторону свои логические попытки объяснить мир. Чтобы получить представление об этом древнем мире, недостаточно точности и знаний о загробной жизни; снова, мы должны изменить способ нашего мышления и взглядов на действительность.

Мне вспомнилась одна китайская история, которая иллюстрирует, как по-разному мыслят восточный и западный ум. Жестокая борьба ведется в Китае, и одиннадцать из высокопоставленных генералов собираются, чтобы решить, как поступить дальше. Должны ли они вести борьбу или отступить? Они решают поставить вопрос на голосование. Трое голосуют за борьбу, восемь — за отступление. Было единодушно решено, что об отступлении не может быть и речи, и что они продолжают сражаться. Конечно, в конце они победили. Человек Запада мало бы что понял, так как и рациональность и демократические правила на стороне большинства. Но для этих китайских генералов, число три, будучи символом целостности, намного лучше числа восемь. Чему стоило бы поучиться даже современному

человеку, так это тому, как действовать вопреки разуму, и тем самым добиваться успеха. Нет лучшей науки для понимания такого парадокса, чем алхимия, и по этой причине мы кратко обращаемся к Королевскому Искусству, чтобы некоторым образом осмыслить Осириса и его таинственные образы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Актуальны две гипотезы относительно человеческого развития. Первая исходит из мультирегионального развития, согласно этому человек прямоходящий зародился в Африке около одного-двух миллионов лет назад. Вторая теория утверждает, что ранние люди появились в Африке сто-двести тысяч лет назад и распространились по всему миру. В пользу последней теории говорят анализы митохондриальной ДНК, к тому же эта версия общепринята археологами. Датирование самых ранних цивилизаций еще более проблематично. Хотя существовали династии уже в 2100 г. до н. э, только при императоре Цинь Шихуанди в конце эпохи Враждующих царств (476—221 г. до н. э.) Китай впервые был объединен и страна получила свое имя от его династии. Датировать объединение Индии еще сложнее. Цивилизация Долины Инда процветала на индийском субконтиненте уже приблизительно в 2600 г. до н. э., но Индия не была объединенной страной до того, как португальцы добрались до Бомбея в 1498 г. и до того, как позже британцы захватили власть. В отличие от этого, Нармер объединил Египет в 3000 г. до н.э..
2. Дата, когда Осирис впервые упоминается в Текстах Пирамид, одном из древнейших религиозных текстов в мире.
3. Египтяне называли своих врагов «Девять луков». Термин является эвфемизмом, которым собирательно называют любого, кто живет за пределами Долины Нила. Этими врагами были нубийцы, ливийцы, гиксосы (азиатские цари), хетты, ассирийцы, «Народы Моря» (шерден(сарды), шеклеш, лукка, турша и акаваша) и персы.

4. Mojsov, *Osiris*, 11
5. John Anthony West, *Serpent in the Sky: The High Wisdom of Ancient Egypt* (Wheaton, IL: Quest Books, 1993), 127.
6. Naydler, *Shamanic Wisdom*, 284 (see intro., n. 2).
7. Theodor Abt and Erik Hornung, *Knowledge for the Afterlife: The Egyptian Amduat—A Quest for Immortality* (Zurich: Living Human Heritage Publications, 2003), 104.
8. Mojsov, *Osiris*, 39.
9. Cyril Aldred, *Akhenaten, King of Egypt* (London: Thames and Hudson, 1988), 114
10. Недавние ДНК- анализы показывают, что травма, которую считали смертельной, была на самом деле нанесена после его смерти, что у Тутанхамона была косолапость. И в отличие от своего отца он не страдал синдромом Марфана.
11. Edward F. Edinger, *Anatomy of the Psyche: Alchemical Symbolism in Psychotherapy* (La Salle, IL: Open Court, 1985), 72.
12. West, *Serpent in the Sky*, 83.
13. Rundle Clark, *Myth and Symbol in Ancient Egypt*, 119
14. Jung, *Psychological Types*, 460

2

АЛХИМИЯ, МАГИЯ И ОСИРИС

Потому мы можем смело заявить, что Земной Человек есть Мертвый Бог, а Бог Небесный есть Бессмертный Человек.

Гермес Трисмегист

Алхимия сложна в той мере, в какой мере стар Осирис. Оба происходят из одного общего источника — Нила и его богатой символики. Чтобы понять эту связь, нам нужно разгадать таинственный язык алхимии, равно как и растолковать изобилующий символами миф об Осирисе. К счастью, К. Г. Юнг, знаменитый психиатр двадцатого столетия, который ввел понятия индивидуации и коллективного бессознательного, взялся за решение сложнейшей задачи по расшифровке алхимических головоломок и формул, предназначенных для расширения сознания. На мой взгляд, его достижение можно сравнить с дешифровкой Розеттского камня Жаном-Франсуа Шампольоном; без участия человека, мудрость бессознательного, как историческая, так и психическая, и ее значение для современного мышления так и остались бы недоступными для нас.

Юнг был современником Зигмунда Фрейда и некоторое время способствовал развитию Фрейдовского психоанализа. Когда Фрейд начал сотрудничество с Юнгом, молодой швейцарский психиатр уже завоевал себе мировую известность благодаря своим экспериментам со словесными ассоциациями. Он наглядно доказал существование глубоко укорененных комплексов,

застрявших в человеческой психике, моделей, которые вышли за пределы индивидуальной истории человека. Аналогично и Фрейд доказал существование периодически повторяющихся паттернов, отследив которые, можно объяснить, как движется, развивается психическая энергия и какое отражение она находит в мыслях, чувствах и поведении человека.

Юнг приписывает Фрейду обнаружение первого архетипа в мифе об Эдипе, согласно которому Эдип жестоко убивает своего отца и невольно женится на своей матери. Исследуя этот миф, Фрейд усмотрел критически важную изменчивость в развитии ребенка в раннем возрасте, которая объясняет побудительные причины бессознательного, исполнение желаний, запреты кровосмешения, инстинкт смерти и прочее.

Открытие Эдипова комплекса было величайшим достижением, позволившим утверждать, что прошлое по-прежнему живет в нас не только как архаические воспоминания, но, что гораздо важнее, как бессознательные детерминанты в развитии личности. Греческий миф об Эдипе стал краеугольным камнем теории психоанализа, а описанный с его помощью процесс раннего психосексуального развития сформировал концепцию многих других психологических систем, появившихся в последующие годы.

То, что миф об Эдипе сделал для психоанализа, оказав при этом глубокое влияние на современную культуру, миф об Осирисе сделал для алхимии за период в пять тысяч лет. Осирис, о чем я поведаю вам дальше, послужил мифическим каркасом всему, на чем исследователи продолжают выстраивать, развивать и совершенствовать модели, объясняющие работу нашего сознания.

Юнг развернул Фрейдистскую парадигму и показал, что миф об Эдипе — всего лишь один из многих мифов, характеризующих развитие сознания на протяжении всей жизни индивида. В более поздние годы Юнг посвятил все свое внимание алхимии, в более поздние годы Юнг посвятил все свое внимание алхимии, в попытке поддержать свою теорию коллективного бессознательного и процесса индивидуации. В поисках конкретных

свидетельств, подтверждающих, что эти идеи не только сугубо теоретические, а реально существуют как исторические факты, он обнаружил множество примеров в древних мифологиях мира.

Юнг изучал алхимию и ее психологию на протяжении последних тридцати лет своей жизни. По большей части он был сосредоточен на средневековой алхимии, а также очень хорошо осознавал важность фигуры Осириса как символа смерти и возрождения. Юнг был твердо убежден, что реальная алхимия в большей степени связана с демонстрацией методов трансформации сознания, нежели с превращением металлов. Он полагал, что истинной целью алхимика было продление жизни и расширение возможностей человеческого разума. Алхимия вовсе не претендовала на то, чтобы заменить собой природу, наоборот, она содействовала существенному сокращению времени, требуемого для преобразования грубой материи в нечто изящное и благородное. Мы могли бы предположить, что вместо того, чтобы проживать несколько жизней, человек мог бы пройти путь индивидуации в течение всего лишь одной жизни путем применения алхимических методов.

А в чем именно заключается эта цель? По-моему, цель состоит в сотворении Божественной целостности, пребывающей в гармонии от осознанного слияния эго и Самости, инстинктов и архетипов, женственности и мужественности, души и тела, а также в осуществлении активной взаимосвязи с подсознанием, в овладении техниками активного воображения, в интеграции тени, в распознавании проекций, и наконец, в обретении «объекта любви» в лице другого человека, общества, природы и Бога.

В книгах по истории Египта авторы всякий раз упоминают понятие *heka* (магия) и его значения для египетской мифологии, космологии и теологии. Однако совершенно очевидно, что в старинных иероглифических текстах нет никакого упоминания об алхимии, подозрительно, но они отсутствуют и в современных изданиях по Египту. С одной стороны, такое упущение вовсе не удивляет, поскольку первый алхимический трактат появился не раньше 200 года до н. э., автором его был Болос из

Мендеса. Но это тем более кажется также странным, так как базис алхимической теории, судя по всему, в значительной мере испытал на себе влияние мифов и практик первых египтян. Мы знаем, что Клеопатра, последняя царица династии Птолемеев, правящая в Египте, упражнялась в Королевском Искусстве, однако о том, чтобы до нее какой-либо фараон занимался алхимией (в любых ее формальных проявлениях), никаких свидетельств нет. Вместе с тем, я должен добавить, что нет никаких данных, доказывающих, что египтяне делали астрологические наблюдения, несмотря на то, что они создали календарь и, определенно, использовали астрологические данные для построения погребальных комплексов.

Вывод, к которому я склоняюсь после тщательного изучения древнего Египта, заключается в том, что алхимия в действительности не существовала как формальная наука, но нет никаких сомнений в том, что ее основные принципы уже применялись на практике в Древнем Царстве, а возможно, даже еще раньше, если принять во внимание, что люди, жившие в Додинастическом Египте около шести тысяч лет назад, уже владели навыками дубления шкур животных посредством химических процессов. Египтолог Элисон Робертс убедительно и наглядно демонстрирует прямую параллель между алхимическими трактатами и египетскими источниками. Корреляция между Египтом и всякого рода алхимическими теориями, символикой и практиками настолько очевидна, что вполне можно допустить, что основные постулаты алхимии могли быть заимствованы из любой другой древней территории. Как говорит Робертс, «с учетом всего того, что говорили алхимики о происхождении их традиции, невероятно легко можно объяснить эту Европейскую последовательность [*Splendor Solis*] простым откликом на всеобщий жизненный цикл задач или на некую стихийную вспышку коллективного бессознательного, абсолютно не связанных с древним Египтом. Сходство настолько поразительное, что подобные объяснения звучат не очень убедительно.»

Магия, вне всякого сомнения, была главной наукой в Древнем Египте. Помимо алхимии, тогда не существовало

никакой философской системы, ни даже признаков формальной школы астрологии, и все же мы можем наблюдать самые первые процессы преобразования, происходящие в процедуре мумификации и величайшее значение полярной звезды в египетской космологии. Естественно, ни алхимия, ни астрология не могли превзойти важность влияния, которое *heka* оказывала на массовую культуру, в рамках которой беременные женщины приносили подношения богине Хатхор и бальзамировщику по имени Анубис, с целью получить от них помощь; все это могло быть заимствовано у греков через великую передачу знаний из Александрии во все уголки мира.

Однако на протяжении всей истории мы видим архетипические модели, и даже богов, которые образуют единую нить, соединяющую шаманизм, магию, алхимию и современную науку. Что касается непосредственно алхимии, то мы можем проследить ее родословную, которая берет свое начало от Тота в Египте, продолжается в образе греческого Гермеса, а также Гермеса Трисмегиста, и, в конце концов, в Средние века мы встречаемся с Меркурием, который становится покровителем всего алхимического опуса. В *The Egyptian Hermes* Гарт Фоуден заявляет, что «Гермес Трисмегист... был космополитичен, это Эллинистический Гермес, прошедший египетскую трансформацию путем ассимиляции с Тотом, а, по сути, известный во всем римском мире как преимущественно египетский. В какой-то степени это смешение египетской и греческой теологии и эллинистической философии в сумме создали нечто большее, чем они могли породить каждая отдельно, это божество, которое могло бы быть заслуженно помещено в один ряд с *dei magni* пантеона языческих богов, который покровительствовал всему римскому миру.

Несмотря на то, что дальнейшее изучение происхождения мифологии выходит за рамки этих предварительных замечаний, интересно отметить, что между Египтом и современным миром можно выделить и другую взаимосвязь. Приведу лишь несколько примеров. Рассмотрим термин *heka*, обозначающий «магию», который соотносится с именем египетского бога магии

Хека, греческой богиней Гекатой, а также с нашим сегодняшним обиходным словом «heck» (англ. «черт» — прим. перев.). Ранние христиане в своих описаниях пришли к самому поразительному результату данных ассоциаций. Они признали в Осирисе прообраз Христа, по этой же аналогии они сравнили Исиду с матерью Христа, Марией. Бадж, а вслед за ним и Мойсова указывают на прямые параллели между основными темами христианства, включая Троицу, Воскрешение и таинства и предшествующими им египетскими обрядами. Другие исследователи идут еще дальше и демонстрируют модели, которые соотносят религиозные ритуалы с их египетскими корнями. К примеру, существует явная связь между Нун — Нил — обновление — перерождение — крещение и алхимическим действием *solutio*. Цепочка ассоциаций содержит фундаментальный парадокс: мы должны умереть или подчиниться бессознательному для того, чтобы обрести духовную жизнь. Эти же следы древнейшей связи мы находим и в Библии: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Евангелие от Иоанна, 3:5).

Эти архетипические модели показывают, что воплощение духа Осириса не так уж невероятно, как это может показаться на первый взгляд. Прошное живет с нами в обеих этих конкретных параллелях, а также в юнгианской концепции коллективного бессознательного. Мари-Луиза фон Франц, близкая соратница Юнга, описывает Осириса как «персонификацию коллективного бессознательного, всего, что существовало в коллективной бессознательной психе, но не было включено в осознаваемые религиозные модели того времени». Если Осирис не просто обеспечивает подвижность человеческой психики, но к тому же еще является архетипом (Самостью), тогда следуя методикам Юнга, мы должны суметь эмоционально сжиться с этим древнейшим божеством, чтобы получить доступ к его мудрости. Спешу добавить, что я вовсе не предлагаю какой-либо вид ченнелинга, при котором человек выступает в качестве пассивного катализатора, принимающего послания от бога, духа или умершего, скорее всего, Юнгианский подход здесь окажется более уместным, ведь он задействует активное воображение

и эмфатическое соучастие, то есть те методы, которые применяли сами египтяне.

Я полагаю, что корни алхимии спрятаны глубоко в египетской психике. Мы видим признаки ее произрастания задолго до того, как Клеопатра или Болос из Мендеса зафиксировали свои алхимические идеи. Как упоминалось ранее, дубление кожи применялось уже в шестом веке до нашей эры. Для этого процесса нужна была моча, щелочная известь и соль, все ингредиенты, обычно используемые в алхимической лаборатории. Известь была открыта за тысячу лет до первой династии, а при добыче золота в Верхнем Египте для размягчения руды применялись огневые горные работы. Очень часто свидетельства в пользу существования алхимии в Древнем Египте связывают с его погребальными обрядами. Я думаю, что алхимия как протонаука была более широко распространена на всей территории Египта, нежели это обычно считается. И все же, в том, объеме, в котором алхимия двигала культуру, ее новшеств оказалось недостаточно для поддержания дальнейшего существования Египта, во многом потому, что ее технологии были в основном поставлены на службу религии. Конечно, и другие факторы способствовали падению трехтысячелетнему господству династий фараонов. Чрезмерная увлеченность магией, возникновение христианства и постепенное ослабление власти фараона делали Египет все более уязвимыми перед инородными захватчиками. Из храмов исчезли священные обряды, центральная роль фараона стала постепенно сдавать свои позиции. На место жрецов пришли adeпты герметизма, и наконец, алхимики в своих лабораториях стремились материализовать мистерии своих древнеегипетских предшественников. Конец династического правления и череда завоевательных походов и нападений со стороны нубийцев, ливийцев, греков, и римлян, в конечном счете, уничтожили последние остатки старого Египта.

То, что не было уничтожено, было поглощено другими культурами. Одним из самых страшных последствий римского завоевания было уничтожение великой Александрийской библиотеки. К великому прискорбию, солдаты Юлия Цезаря сожгли

ее дотла в 48 году до н. э. В огне погибли тысячи магических и священных папирусов. И все же, за период с третьего века до н. э. и до четвертого века н. э. алхимия возродилась из своего пепла. То, что раньше было простым превращением, связанным всего лишь с внешним изменением поверхности металла (например, золочение), теперь фактически преследовало цель по изменению его молекулярной структуры. Рецептура алхимиков все меньше была ориентирована на магические заклинания, а по большей части склонялась к методологии формул, что можно встретить в современных лабораториях. Зосима Панополитанский (III век нашей эры), в частности, значительно расширил представление об алхимии, и снабдил свои первые описательные формулировки изобретением различного алхимического оборудования и иносказательным описанием превращения свинца и серебра в золото.

Миф об Осирисе избежал участи древнего Египта, потому что обладал элементами и магии, и алхимии и путем сокращения разрыва между древней магической традицией и протонаукой со временем перебрался в официальные экспериментальные лаборатории. По этой причине, читая об Осирисе, мы должны смотреть за пределы магии и особенно концентрировать свое внимание на психологических тонкостях, которые помогут нам глубже проникнуть в природу души и тела, в мир психоида. Поскольку алхимия пытается преобразовывать вещества с применением лабораторных методов и психических процессов, нам не приходится удивляться тому, что миф об Осирисе содержит в себе алхимический рецепт, который формулирует основной принцип глубинного психофизического превращения. Я считаю, что на самом деле, в мифе об Осирисе содержится самый *первый алхимический рецепт*.

Это знание, скорее всего, изначально открылось фараону и его приближенным шаманам-жрецам. Простолюдинов не посвящали в эту тайну, которая была запечатлена в языке *heka* и в образе прославляемого фараона. Если де Любич прав в своем утверждении, что богов лучше понимать как функции, нежели как состояния трансцендентного существа, тогда эти боги — Озирис и вся его компания — представляют собой элементы божественного

уравнения. Подобное заявление является самой загадочной частью мифа: мы будем искать тайные рецепты, которые запечатлены в героях мифов и в их странном поведении. И опять же, нам стоит вспомнить, к каким мерам приходилось прибегать фараонам, чтобы сберечь тайные знания. Алхимики были известны своими попытками защитить свои прозрения и догадки, с трудом обретенные ими во время кропотливых экспериментов с самопознанием. Молчание фактически было клятвой, произносимой преданными адептами. Подобно тому, как фараоны и жрецы во что бы то ни стало старались хранить в секрете священные ритуалы, алхимики искусно скрывали свои знания за непонятными шифрами, сбивающими с толку картинками, книгами без слов, печатями и даже архитектурными сооружениями.

Поскольку миф об Осирисе берет свое начало со времен, когда магия была широко распространена в египетском обществе, очень важно понимать, что именно *heka* означала для людей и чем она отличается от алхимии. Начнем с того, что в древнеегипетском языке не было такого слова, как религия; ближайшим по смыслу понятием считается *heka*, но оба эти термина крайне далеки друг от друга по значению. Хека был богом, «отцом всех богов», только он мог повелевать другими богами. В то время как религия представляет собой упорядоченный набор верований, Хека существует как Бог, с которым каждый может вступить в отношения посредством четко предписанных обрядов. Пройдя ряд суровых испытаний, маг становился Хека и тем самым обретал способность изменять реальность. «Магия, — пишет Найдлер, — это неведомая божественная сила, через которую проявляется духовная и физическая вселенная, а следовательно, эта самая сила пронизывает и соединяет все уровни, от самых возвышенных до самых приземленных». Она является «тем средством, с помощью которого человек, да и все творения на Земле, возвращаются к Всевышнему Богу, непроявленному источнику всего сущего». Без понимания смысла *heka* миф об Осирисе не более чем просто сказка. Придавая должное значение той роли, которую магия играла в жизни египтян, мы проливаем свет на условия и обстоятельства, в которых зародился миф об Осирисе.

Осирис научил людей возделывать землю, а Исида, его сестра-жена, показала им, как делать хлеб. Это вроде бы нехитрые занятия, но для людей, чей основной рацион составляли такие продукты, как свежая рыба, говядина, инжир и оливковое масло, выращивание зерна и приготовление хлеба из муки, должно быть, представлялось настоящим волшебством, даром богов. И действительно, считалось, что Ра даровал своему народу *heka* в качестве защиты от злых духов, в особенности тех, которые были способны отравить еду. Тему жертвоприношения продуктами питания можно встретить повсюду в древнеегипетских текстах и на рисунках, очень часто она изображалась на стенах храмов. И на пахотных угодьях, и при приготовлении еды, и в стенах храмов, и на местах захоронений магия давала обычным людям хоть немного власти, чтоб хоть как-то совладать с не всегда дружелюбной природой.

Жизнь с разных сторон подкидывала людям тревоги и бедствия. Чума, голод и болезни были весьма распространены в то время, и уметь защищаться от такого зла было так же важно, как учиться пахать землю. «В представлениях обычных людей, — пишет Серж Сонерон, — бороться с физической природой недуга было не так важно, куда важнее было изгнать злого демона и заставить его отпустить свою жертву. Для этой цели не было придумано ничего лучше, чем хорошее магическое заклинание, и нельзя было найти на эту роль никого лучше, чем «жреца», хорошо разбирающегося в старинных книгах по магии... таким образом, там, за стенами храмов, наши образованные священнослужители выполняли роль деревенских колдунов.»

Служебным долгом жреца была постоянная подзарядка божественной энергией, которая со временем уменьшалась или похищалась зловещими силами. Маги-священники были хорошо обучены разным текстам, таким, например, как «Книга повержения Апопа, врага Ра, врага Осириса, читаемая в храме Амона-Ра ежедневно» в которой содержалось прямое указание хранить божественную силу. Они одинаково хорошо владели «навыками экзорцизма, читали небольшие заклинания

против лихорадки, укусов змей и прочих различных недугов, не говоря уже о приготовлении любовных зелий и эликсиров молодости.

Дэвид Рэнкин, так описывает природу магической силы: «Одно из имен бога Хека — Единственный, кто Благословляет Образы, имея в виду способность бога наделять человека творческим мышлением и поступками, а также преобразовывать их в физические аналоги в материальной действительности. Таким образом, Хека воспринимался также как животворящая и выразительная сила во всяком священнодействии. Поэтому в данном контексте *heka* предстает и как намерение, и как действие, а именно, замысел, поступок и его следствие.»

Эту оживляющую силу можно сравнить с юнгианским описанием Анимы, души, которая функционирует на микрокосмическом уровне личности человека, а также на макрокосмическом уровне, что рассматривается как *Anima Mundi* (Душа Мира — прим. перев.). Анима — это, прежде всего, посредник между сознательным и бессознательным личности; подобным же образом действует анимус, или дух, в женской психике. Ритуал же является средством активации энергии души человека, направленной на достижение определенной цели. Единственное различие между магией и алхимией состоит в том, что первая выступает в роли силы, призванной *изменять природу* вещей по воле мага, или *akh*, при участии бога Хека. Алхимия же, напротив, имеет дело с *природой*, потому как источник силы находится не в самом операторе, а в природе; для обретения этой силы алхимику требуется, чтобы помыслы его пребывали в симпатическом согласии с природными ритмами.

Магия ведет себя странным образом, зачастую, затрагивая взаимодействие *soma* (материи) и *psyche* (души). Бог Анубис служит хорошим примером, способным объяснить, как этот образ эволюционировал из конкретного физического источника и стал сложным божеством, наделенным огромной символической энергией. Мы можем провести четкую границу между его возникновением в качестве природного феномена и его приходом к власти через человеческие манипуляции. Раньше

люди хоронили умерших в неглубоких могилах, но после того, как по пустыне пронесся ураган Сета, тела оказались открытыми всем стихиям, и у шакалов было настоящее пиршество из останков плоти. Маги-жрецы совершали ритуал, восхваляя бога, который обитал в этих зверях. В итоге то, что раньше было неуправляемым хищником, при помощи магии превратилось в бога Анубиса. К тому времени его божественный образ достигает зрелости, мы видим, что его полномочия исходят из его собачьей природы и непосредственного отношения к смерти. Подобно тому, как воды Нун содержат в себе живительную силу, точно также ведут себя те, кто живет в земле. Животная натура Анубиса и его связь с миром мертвых наполняют его мощным содержанием *heka*. Возможно, по этой причине его изображение украшает крышку ящика чародея, в котором он хранит инструменты для своих магических манипуляций. Жрецы, увенчанные головными уборами, напоминающими образ Анубиса, пользовались этим инструментарием во время бальзамирования с целью воплощения бога и обретения его знаний.

Не случайно Анубис, изображаемый в виде шакала или пустынной собаки, стал богом бальзамировщиков. Во многих текстах мы видим, эволюцию Анубиса от пустынной собаки до шакалового бога, подготавливающего тело своего отца к загробной жизни. Франкфорт связывает происхождение *heka*, обнаруженного в животных, с их *отличительными особенностями*. Он поясняет, что «Египтянин толковал нечто нечеловеческое как сверхчеловеческое, в частности, когда он видел это у животных, точнее, в их непостижимом мышлении, их убежденности, их решительных достижениях, и прежде всего, неподвижной реальности»

Но в то же время наблюдательные египтяне понимали, что соль, содержащаяся в песке, и палящее Солнце над их головами способствуют обезвоживанию незащищенных трупов. Таким образом, благодаря таким естественным процессам, как хищничество и консервация, были выявлены первые попытки бальзамирования; оба эти процесса можно обнаружить и в лаборатории алхимика. Соединение тепла и соли (натрия) было единственным

способом извлечения влаги из трупa и привело к разработке методов, используемых для мумификации, а позднее и для других целей в алхимической практике. *Calcinatio*, например, стала типовой алхимической операцией, используемой для уменьшения или устранения влаги из *Prima Materia* (Первичная Материя; недифференцированная субстанция), и возвращения ее в первоначальное состояние путем подачи тепла, как психического, так и физического.

Помимо природных компонентов, египтяне приписывали силу *heka* целому ряду богов и богинь — Ра, Хека, Исида, Сехмет, — но в конечном итоге все они попали под владычество Тота, бога, изображаемого с головой либо павиана, либо ибиса. Павиан говорит о низшей природе человека, а ибис — о его высшей духовной ипостаси. Тот использовал магию для соединения в своей сущности этих противоположностей, и нередко мы видим, как он помогает другим богам, когда тем не хватает магии для выполнения сложных задач. Как мы увидим при дальнейшем более подробном рассмотрении мифа об Осирисе, Тот помогает Исиде найти самую важную часть тела Осириса и успевает урезонивать бесконечно враждующих между собой Гора и Сета. Эту способность примирять противоборствующие стороны позднее стал символизировать кадуцей Гермеса, магический жезл, происхождение которого уходит корнями в Древний Египет. Фараон был наделен тем же даром, благодаря которому он соединил «в себе и Высшее, и Низшее и олицетворял собою образ бога-человека, другими словами, некоего канала, посредством которого энергии духовного мира проистекают в мир физический.»

То, чем стал для алхимии Меркурий, для магии был Тот, бог, без которого становление и развитие всего магического опуса было бы невозможным. Для сравнения скажем, что Осириса лучше всего воспринимать как *Prima Materia*, то есть основное вещество, из которого в конечном итоге можно получить золото или философский камень. Он является священной материей, инертной, податливой и чистой, имеющий внутри себя потенциал возникновения жизни. Он также представляет собой функцию разложения и смерти, *putrefactio* и *mortificatio*, то есть тех самых

процессов, которые мы наблюдали, когда останки мертвых тел подвергались естественной кремации с помощью раскаленного песка и горячего ветра. Осирис — это движение Нила, чьи воды вдыхают жизнь в сухие русла рек и дают жизнь человеческому телу. «Осирис, — говорит египтолог Рэндал Кларк, — это дух превращения ни Мертвого Царя, Бога Плодородия или Духа Наводнения, он есть персонификация появления на свет всего сущего.» Другими словами, Осирис не только побеждает смерть, но также символизирует принцип непрерывного творения. В *The Coming Forth by Day* мы видим, что Осирис направляется в Дуат, неся Солнце (сознание) через территорию тьмы (бессознательное) и торжествует по поводу создания нового дня. Он в одно и то же время Солнце и тень, символизирующие «два пути», которые мы все должны пройти и интегрировать в себе, если мы стремимся к обретению целостности. Михаил Майер, алхимик шестнадцатого века, описал это противоборство в виде рецепта: «Солнце и его тень доводят работу до совершенства.» Иначе говоря, мы должны объединить животворящие и уничтожающие компоненты психики для того, чтобы стать индивидуальностью. Попытки просветления и получения высшей благодати без учета теневых аспектов жизни весьма сомнительны, если мы ставим перед собой цель обретения собственной модели божественности.

Итак, я не знаю лучшего примера для демонстрации основных принципов, связанных с этим трансформационным процессом, чем миф об Осирисе. Мифы дают нам карты, помогающие нам не заблудиться в лабиринтах жизни, пока мы не найдем смысл своего существования. Миф об Осирисе — это часть коллективного сновидения, и подобно тому, как мы разгадываем какой-либо сон, мы можем догадаться, кто такой Осирис, не только толкуя символы его жизни, смерти и воскрешения, но в конечном итоге, воплощая его дух.

Прежде чем, углубиться в миф, зададимся вопросом: «О чем должен поведать нам Осирис? Кем является Осирис, а также его братья, сестры и их дети? Каково магическое и алхимическое значение имеют эти древние боги?»

Точно так же как алхимик проводит долгие часы, выбирая и созерцая компоненты, которым суждено попасть в его сосуд, для нас не менее важно познакомиться с основными персонажами данного мифа. Их особенности и главные признаки обогатят наше представление об их функциях по отношению друг к другу, а также позволят понять в целом смысл этой легенды. Эти детали имеют большое значение. Например, миф гласит, что слезы, пролитые Исидой после смерти ее супруга, были настолько обильными, что заставили Нил выйти из своих берегов. Слезы эти могла выплакать только богиня. Они говорят о неисчерпаемой любви, которая подталкивает ее на совершение необычных действий на протяжении всего мифа; несмотря на все трудности, любовь ее неистощима. Фон Франц так описывает причину таинственного нуминозного образа Исиды: «Она всегда делает то, что должно быть сделано. Она совершает негативные поступки для того, чтобы растворить сознание, а затем творит позитивные вещи для того, чтобы запустить процесс индивидуации. Как разрушающая и в то же время спасающая Великая мать она существует повсюду. Она суть женский принцип, который способствует внутренней трансформации.»

Ее любовь к Нефтиде, ее мощь в сопротивлении Сету, ее непоколебимая решимость найти и вернуть тело своего мужа, ее забота о сыне Горе и ее способность вернуть к жизни своего супруга — все это выходит за обычные границы человеческой любви и уносит нас в области иррационального, что лучше всего можно окрестить магией. Поистине, ее магия потрясает.

Если Исида олицетворяет собой любовь, то Сет всем и вся внушает ненависть. Его рыжие волосы — это цвет пустыни, а черные брови предвещают зло. Заниматься «рыжими делишками» означало навлечь на себя неприятности. Сет гнусный и мстительный, непонятно, почему, несмотря на все эти качества, он все же был почитаем. Симпатическая магия дает нам некоторое представление о том, как такой ужасный Бог мог внушать уважение. Символом Сета была черная свинья, весьма подходящий образ для подобного мерзавца. Именно его винили в том, что уровень воды в Ниле чрезмерно повышался или,

наоборот слишком низко опускался. За наводнениями и засухой, как правило, следовали мор и болезни. Чтобы задобрить Сета и предотвратить подобные бедствия, каждый год египтяне устраивали празднества, при которых в прямом смысле забивали черную свинью, дабы усмирить этого грозного бога. Гораздо важнее усмирения Сета было поклонение ему за необходимость в самоограничении, которого он постоянно требовал. Он толкает нас к грани безумия, и тут мы обнаруживаем пределы того, чего способны достичь.

Облака, пыль, тьма, хаос и неразбериха символизируют серную природу Сета. По отношению ко всем напастям и даже смерти, которые он сеет повсюду, Сет не является злом в нравственном смысле. Египтяне верили, что зло является неотъемлемой частью несуществующего мира; боги и люди боролись между собой, чтобы как-то сдерживать обуздывать зло, и *heka* был при этом их главным оружием. Сет не дьявол, а скорее, богоподобный плут, черный маг и алхимик, творящий «все необходимые компоненты существующего мира, а также относительного хаоса как наиважнейшей составляющей жизненного порядка». Он формирует границы, когда мы попадаем в крайний предел вменяемости, страсти и даже убийства. По странной иронии судьбы, совсем не в духе Сета было убить в итоге демонического змея Апопа и, когда миру грозила гибель, вместе с Ра и Осирисом «избежать дня своей смерти.»

Аналогично и Гор имеет важное символическое значение, которое при прочтении мифа не сразу кажется очевидным. Он был не просто мстительным сыном Осириса, но, что наиболее существенно, он был реинкарнацией Осириса, его будущим. «Осирис — это прошлое, Гор — будущее», — так говорят Тексты Пирамид, намекая нам на то, что мы в настоящее время живем между этими двумя богами в условиях постоянно изменяющегося потока реальности. На самом деле существует как минимум два образа Гора, один из которых представлен в виде птицы, сидящей на горизонте зарождающегося мира, а другой выступает как борец за душу Осириса. В первом случае, старший Гор рассматривается как солнечное божество, чаще

именуемое как Хоракти. Тексты Пирамид говорят о нем как о Боге Востока, где восходит Солнце и возрождается фараон. «Гор-старший — пишет фон Франц, — был своеобразным пантеистическим богом, который заключал в себе целый космос, материю, дух, вселенную и всю полноту природы и жизни.» Обычно он изображается в виде сокола, чьи глаза олицетворяют луну и Солнце; его пятнистая грудка напоминает звезды, а крылья — небо. Имя его происходит от египетского слова *her*, «не имеющий равных в поднебесье», или «недостигаемый» (имеется в виду его Солнцеподобная сущность). Именно Гор был (заново) рожден на пятый день после гамбита между Тотом и Хонсу.

Гор-младший, с которым мы повстречаемся в мифе, являет собой божественное дитя, широко известное под именем Гарпократ. Гор привносит в миф человеческую составляющую. Мы видим его как ребенка, окруженного ласковой заботой своей матери, а позднее — как мужчину, принявшего на себя обязательство отомстить за убийство своего отца. Свою силу он получил от союза с Ра, который был возможен благодаря уловке Исида, хитростью заполучившей самое могущественное из его имен, которое выражало тайную сущность его бытия. Это имя «Золотой Гор» перешло от души Ка бога Ра в душу Исида на том условии, что это магическое имя станет известным одному только Гору.

Имена обладали великой силой в древнем мире, и люди имели много имен, которые служили самым разным их целям. И только мать (включая Исиду) знала настоящее имя своего ребенка. Поэтому никакие чары не могли подействовать на человека, пока маг не узнает его особое имя. Исида была единственной богиней, которая знала все имена каждого из людей. Подобное всемогущество считалось особенно важным, поскольку тайное имя человека обладало квинтэссенцией его индивидуальности. Вбирая в себя душу Ка от бога Ра, Гор становится богом идентичности, единственным, кто в состоянии одолеть теневого врага индивидуальности, Сета, и символизирует помощника двойника Осириса на земле. Он является извечным духом живущего фараона.

Два других, упомянутых в мифе божества, помимо Осириса, — это Нефтида и ее сын Анубис. Выражаясь современным языком, было бы легко упрекнуть Нефтиду в ее греховной связи с Осирисом и в незаконном рождении их сына. В самом деле, она единственная богиня из Эннеады, или «девятки крупных богов», которой не поклонялись. Но кое-что в этой богине заслуживает большего внимания, помимо ее неверности. Имя ее происходит от *nebet-hut*, «Владычица поместья» или «Хозяйка Дома». В прежние времена по целому ряду причин для мужчин было обычным делом иметь несколько жен, что практикуется даже и в наши дни. И нередко старшей жене, в нашем случае Исиде, приходилось сосуществовать с любовницей мужа в духе дружбы и сотрудничества. Учитывая особый стиль мышления, который я ранее описывал, мы можем заключить, что любовница нужна была лишь для плотских утех, но она также олицетворяет собой холодную, женскую, темную сторону Сета; будучи чуждой семье, она не несет на себе обязанностей, которые возлагаются на первую жену. В то время как Исида — это женский аспект Самости, Нефтида является преимущественно земной богиней. Поэтому у нее со своим хозяином скорее безличные отношения. В алхимии она представлена как *Soror Mystica*, женский аналог, обеспечивающий связь лаборатории с природой. Нефтида воплощает качества, дарующие ей большую свободу и огромное влияние на протяжении всего мифа. Она есть символ красоты, жилища и сдержанной женственности. Таким образом, Нефтида несет на себе архетипическое значение, и мы можем видеть ее черты в Деметре и Афродите.

Анубис, сын Осириса и Нефтиды, как правило, изображается как бог с головой шакала. Подобно Гору, у Анубиса была своя божественная жизнь до того, как он был включен в миф об Осирисе. До того, как имя Осириса стало повсеместно известным, Анубис фактически был главным богом смерти. В Текстах Пирамид содержатся десятки упоминаний о его участии в погребении царственных особ. Так же как и все упомянутые божества, Анубис — весьма сложная фигура. Многочисленные эпитеты говорят об огромном диапазоне его

могущества. Вот некоторые из них: Владыка священной земли, Он, сидящий на Священном Холме, Повелитель Поклонов, Он, кто находится в Комнате Бальзамирования и Он, кто Председательствует над Павильоном Бога (погребальной камеры). В мифе об Осирисе его пронизательный ум и интуиция делают его настолько полезным для Исида, что по слухам, она приняла его за своего собственного сына. В большей степени ему, а вовсе не Исиде, иногда приписывают реконструкцию тела своего отца.

Не вдаваясь в подробности при рассмотрении данного мифа, мы можем в каждом из этих персонажей обнаружить очень важные человеческие качества. Исида олицетворяет любовь и преданность; Сет — враждебность, противостояние и ограничения; Гор — подлинность и авторитет; Нефтида — мрачную сторону женственности; а Анубис — земные инстинкты. Но когда дело доходит до Осириса, мы сталкиваемся с психологическим комплексом, куда более трудным для понимания, чем все прочие египетские божества. Его отношение к жизни и смерти нельзя запросто обозначить какими-либо определенными и постоянными ценностями. Его сущность можно соотносить скорее с процессом становления, нежели с фиксированным состоянием. Из мифа мы увидим, как он трансформируется из девственной *Prima Materia* в золотую Самость. Подобная сложность и динамика просто поражает наш мозг. Мы не можем непосредственно увидеть его, но нам под силу почувствовать его присутствие во всем живом. Его нельзя постичь рассудком, ибо разум сам по себе не в состоянии объяснить действия Бога или его отражение в природе. В отличие от большинства египетских богов, Осирис всегда изображается в человеческом облике либо как прочно спеленутая мумия с открытыми лицом и свободными кистями рук, либо как Царь Верхнего и Нижнего Египта. Бинты — это, предположительно, кокон, который послужит контейнером для его перевоплощений. Кожа обычно землисто-зеленого или черного цвета, символизирующего аспекты его жизни и смерти. Зеленый цвет говорит нам о связи Осириса с растительным царством, которое у алхимиков называется «благословенная зелень». Глубинное значение плодородности

заключается в том, что подобно тому, как в каждый новый сезон года возрождаются растения, также и Осирис воскресает из смерти. Величественный облик Осириса дополняют царский скипетр и цеп в его руках, символизирующие его власть над животными и растениями, миром наших низших, бессознательных импульсов и инстинктов. Иногда мы видим его эрегированный фаллос, выступающий из пелен, — итифаллический образ, напоминающий нам, что плодovitость и мужественность происходят из одного и того же источника — природы.

Голова его украшена короной *атетф*, являющейся символом верховной власти над объединенным Египтом. Несмотря на царственность своих богов, сами египтяне частенько позволяют себе шутки и каламбуры в их адрес, так что и нам можно позволить себе избежать помпезности и не думать о них слишком возвышенно. Так, например, говорят, что Осирис часто жаловался на жар, исходящий от его короны. Жар объясняют фактом существования Ра, бога Солнца, который изначально носил корону. И даже когда мы забавляемся подобной юмористической аналогией, мы снова наблюдаем буквализм египетского мышления.

Осирис часто представлен в виде колонны *Джед* (смотрите иллюстрацию на титульном листе), мощного символа, который мы рассмотрим более подробно, встретившись с ним в мифе. А пока достаточно отметить, что колонна *Джед* ассоциировалась с позвоночником Осириса, и этот образ часто рисовали на амулетах, которые прятали в бинтах мумий. Колонна *Джед* символизирует стабильность, о которой я говорил ранее. Осирис был известен под многими именами, самое древнее из них — Хентиamentiу, «Первый из страны Запада» (здесь автор путает: Хентиamentiу — это одно из имен Анубиса либо самостоятельный бог — примечание редактора). Запад — это, конечно же, область заходящего Солнца, а вместе с ним и двенадцати опасных часов, которые должны пройти прежде, чем сознание вернется на землю. Еще одно распространенное имя бога — Веннофри, означающее «прекрасное существо» или «радость бытия».

Среди 158 иероглифов, изображающих Осириса, самым простым является трон, расположенный под окном. Имя, связанное с этим иероглифом, — это Место или Трон Ока. Трон означает власть, а если говорить более конкретно, — движущую силу сознания. Наше утверждение «Я вижу, что это уже сделано» можно уподобить ощущению Осириса, которое опережает действие и дает ему полную свободу. Поэтому он не есть бог Нила, а скорее, жизненная энергия, которая *вызывает* приливы и отливы. Именно поэтому алхимик Фулканелли отмечает, что химия имеет дело с фактами, а алхимия — с причинами. В более широком смысле Осирис оживляет душу, он буквально возвращает к жизни мертвые, безжизненные предметы, снова и снова, — «поистине миллионы раз». И жизнь в этом смысле не является простым физическим существованием. «Он направляет живительную энергию из духовного мира», — говорит Найдлер, — «в мир живых». И наоборот, Осирис показывает, что «духовная жизнь... может быть устойчивой даже в условиях смерти.» В этом заключено значение символа ока как божественного органа сознания, который позволяет нам видеть в темноте.

Осирис уносит нас в ночь, где господствует сплошная чернота. Это место, которому мы сопротивляемся, но не можем его избежать. Мы брыкаемся и вопим. У нас есть возможность свернуть в другую сторону. Все, что способствует творению реальности, — подобно пяти настройкам, упомянутым в предисловии, — в темноте не работает. Это не простая тьма, а та, о которой алхимики говорят — «чернее черного». Одно есть ей название — смерть, но для египтян эта тьма вошла в ткань мироздания. Как часть сотворенного мира, Дуат «абсолютно глубок, абсолютно мрачен, абсолютно бесконечен.» Страх перед этой тьмой исходит от осознания, что она будет длиться вечно, что нет пути назад, а некоторых пугает неутешительный приговор, ждущий их впереди, который бросит их в полымя, Огненное Озеро как подобие небытия. Но этот бог говорит нам, что он *есть свет во тьме*, свет, временами появляющийся и затухающий, но в действительности никогда полностью не исчезающий.

Его жизнь полна мучений, любой из нас может это себе представить, но он изменяется и преображается. Он не умирает в привычном смысле, он скорее умирает, чтобы воскреснуть в другом мире вечной реальности. Осирис — это лунное божество, «Лунный Человек», который медленно умирает в течение четырнадцати дней, а затем воскресает.

На своем троне Осирис — царь загробного мира, главенствующий над всеми душами, предстающими перед ним. Он владеет сокровенными знаниями о циклах жизни, смерти и законах потустороннего мира. Осирис не является объектом красоты, он, пожалуй, воплощает собой процесс творения красоты. Когда мы начинаем всматриваться в закат своей жизни, мы можем быть спокойны, что Осирис проведет нас сквозь мрак ночи, унося нас из материального мира в бесконечную вечность духа.

Кто-то может возразить, что я слишком глубоко погрузился в миф, что он, в конце концов, всего лишь плод нашего воображения и ничего более. Может, так оно и есть. Но даже в наши дни физика раскрывает секрет, который был основой восточной мудрости на протяжении многих веков: *сознание — это постоянно развивающаяся творческая природная сила, сила, породившая физическую вселенную*. Предчувствие наших предков, что материя возникает из духа, а не наоборот, подтверждает этот факт. А раз так, то нам нужно понять бесчисленные поколения верующих, которые почитали и даже «воплощали» концепцию изменений с помощью главного бога Осириса и прочих других, которые олицетворяют данный процесс.

Персонифицируя богов, мы одновременно признаем их автономию и наши с ними взаимоотношения. Мы начинаем видеть, как они ведут себя в нашей жизни, а также как они выступают посредниками между нашим и другими мирами. В частности Осирис представляет ту часть природы, которая имеет отношение к смерти и трансформации. Его персонифицированная фигура вселяет надежду и утешение в противоположной, иррациональной и полной ужасных событий человеческой жизни.

Самое малое, что дарует Осирис, — это утешение. Если пределом стремлений фараонов было вознесение в звездную

ночь, то Осирис явил собою воскрешение над скоротечной земной жизнью. Он хранит в этом мире наше доброе имя для потомков и гарантирует, что нас обязательно вспомнят в следующей жизни. Прошрое позаботится о нас, ибо память поддерживает связь с нашими праотцами и богами. В истории с Осирисом мы находим знакомую тропу. Человек, хоть что-то знающий о пути индивидуации, сразу узнает ее. В своих словах он заявляет:

Живу ль я или умираю, я есть Осирис
Я проникаю в тебя, проявляюсь в тебе,
В тебе же истлеваю. Я прорастаю в тебе.
Я впадаю в тебя. Я склоняюсь на бок.
Боги живут во мне, ибо я живу и расту в зернах,
Что питают Почтенных. Я покрываю землю,
Живу ль я или умираю, я есть Ячменное Зерно!
Меня не уничтожить!

Мы последуем по пути, который он проложил давным-давно, и подобно ему, пронесем факел сознания в новый день. А теперь обратимся к самому мифу об Осирисе.

3

СБОЙ В МАТРИЦЕ

В начале была Огдоада, восемь богов, связанных с четырьмя принципами творения: Вода, Невидимое, Тьма и Бесконечность. Нун, бог воды, создал первобытный океан. Атум, саморожденный бог, возник из Нун в виде кургана. Оплодотворив сам себя, он сотворил пару разнополых богов — Шу и Тефнут, богов воздуха и влаги, соответственно. Нут, богиня неба, и Геб, бог земли, были рождены от их союза. Когда Геб разозлился на Нут за то, что та проглотила звезды, их детей, вспыхнул конфликт. Шу разлучил Нут и Геба. Легенда гласит, что два этих бога затерялись, странствуя по просторам вселенной. И Атум отправил свое Око на их поиски. После того, как они нашлись, Нут захотела иметь детей, но Ра воспротивился этому. Тут вмешивается Тот, и при помощи его магии Нут рождает пятерых детей; Осирис является ее первенцем.

Мы многим обязаны египтологам за удачно скомпонованный материал из весьма убедительных фактов, позволяющих описать историю происхождения мифа об Осирисе. К сожалению, большинство египтологов, кажется, совсем недооценивают той тайны, которую представляет собой Египет; признание мистических амбиций, а также опыта фараонов и жрецов идет вразрез с современной эмпирической наукой.

Ученые до сих пор спорят, является ли эта мистерия обычной романтической выдумкой, либо Египет на самом деле был

мистической культурой, изобилующей культовыми практиками, магическими ритуалами и прочими системами по достижению трансцендентного опыта. Египтолог Хорнунг решительно заявляет, что «египтяне никогда не уступали соблазну найти в трансцендентности происходящего способ освободиться от всякого рода несовершенства, разобщения своего «Я» или попросту слиться с мирозданием, став его частью.» Но невзирая на сказанное, он все же «просит снисхождения к существующим нестыковкам.» Чуть позже сам Джереми Найдлер, писатель и философ, в главе под названием «Возрождение древнеегипетского мистицизма» говорит: «Было бы вполне уместно допустить, что мистические тексты, связанные с путешествием в мир мертвых, для человека, все еще пребывающем в мире живых, применялись для погребальных целей. Но сами же тексты, определенно, описывали опыт живых, а не мертвых. Вот почему они являются мистическими.» Я предоставляю ученым спорить и дальше, а сам расскажу вам историю, которая, как мне думается, раскрывает любопытную и таинственную концепцию. Начнем повествование об Осирисе с его мифологической предыстории, а именно, как возник Египет и каково было его представление о мире. В самом начале был Нетер, мир, который можно было бы истолковать, согласно Баджу, как «наблюдение, святость, божественность, священность или отстраненность, обновление, сила, влияние, твердость, защита, всемогущество», а, возможно, попросту как «богов», *neteru*. Как было отмечено ранее, египтологи школы символизма рассматривали *neteru* как «причинные силы», чьи атрибуты олицетворяются богами. Но даже наряду с символической интерпретации эзотерических писаний мы должны внедрить их в реальность. Принято считать, что коренные жители, населявшие додинастический Египет, были дикарями, и что какие-то разумные расы людей, — возможно, дравиды или берберы — пришли на эту землю и создали Египет, который на протяжении веков правил миром. Джон Энтони Уэст, как и многие другие до него, описывает период, когда «Египет находился под властью *neteru*, а потом столько же по времени Египтом управляли жрецы Шемсу Гор (так называемые «Последователи Гора»),

формируя Египетскую цивилизацию на протяжении примерно тридцати пяти тысяч лет. Нам остается гадать, существовали ли на самом деле эти и многие другие боги. Кто-то верит, что такие прославленные боги, как Осирис, Сет, Гермес Трисмегист, некогда ходили по земле.

Другое определение Нетер, которое мне нравится больше, исходит от немецкого египтолога Генриха Бругша и содержит в себе, по его же словам, как латинское, так и греческое понятие *natura*, по всей вероятности, однокоренное с нашим словом *nature* (природа). Согласно Бругшу, Нетер является олицетворением «живой силы, которая производит и создает вещи в их постоянной цикличности»; она же дарует им новую жизнь и возвращает им их молодость и энергию. Это определение не очень разнится с греческим корнем *physis*, который обозначает то, что происходит, растет и развивается», или с латинским корнем *natura*, который обозначает «ту, которая будет производить на свет».

Это понятие не только созвучно природе, оно также напоминает то, что Юнг в своей терминологии называл психологическими богами, то есть *архетипы*. А ведь действительно, архетипы характеризуются «регулярной повторяемостью» и активизируются, когда мы вживаемся в них. А раз так, то феномен эннеады, то бишь ближайшие родственники Осириса, представляет собой архетипы коллективного бессознательного. Следовательно, любые средства по повышению уровня информированности, как и чтение данной книги, очевидно, производят на них такой же оживляющий эффект, как и на читателя. Здесь, я полагаю, мы делаем важный шаг, приближающий нас к воплощению Осириса, а именно, — *будь внимателен богу, и он не оставит тебя без доброго участия. Дорога к бессознательному — это не улица с односторонним движением; напротив, это живая часть психики, которая по-своему, на своем таинственном языке отвечает на все, что происходит в нашей сознательной жизни. Создавая образ утраченного бога, мы оживляем древнюю память, и в этом отношении Осирис как будто психически воскресаёт и возвращается к жизни.*

Западники, конечно, обычно придерживаются другого мнения о богах. Возможно, рассматривая эволюцию христианского бога, мы как-то забыли, что мы возносим ему молитвы не только в угоду своих нужд насущных, но и чтобы добавить хоть какую-то толику витальности в его божественность. Вспомним слова Абта из 1 главы о том, что архетипам «свойственно постепенно появляться и затухать». В наших силах восстановить связь с архетипической реальностью, и мы, в свою очередь, тоже возрождаемся в данном процессе.

Первые архетипические боги, известные как Огдоада, были впервые упомянуты в Текстах Саркофагов около 2000 лет до нашей эры. Эти боги, сгруппированные в четыре пары божеств, по одному мужчине и одной женщине в каждой, являлись персонификациями четырех основных качеств — Воды, Пустоты, Тьмы и Бесконечности, — которые образуют существующий мир.

Нун и Наунет — Вода
Амон и Амаунет — Пустота
Кук и Каукет — Тьма
Хух и Хаухет — Бесконечность

Они представляют собой функции психоида, которые являются изначальными структурирующими принципами, придающими форму всему психическому и физическому существованию. Изучая миф об Осирисе с алхимической и психологической точек зрения, мы раскроем процесс формирования современной психики. Мы увидим, как сменяющие друг друга столкновения и противоборства, в конце концов, станут причиной переломного разделения, которое способствовало формированию психики и ее компонентов — сознания и бессознательного. Далее мы станем свидетелями творения хорошо знакомых нам архетипических сил, таких как эго, тень и женское начало. Подобно многим другим мифам, история творения, которая представляет нам среду, в которой возник Осирис и все его семейство, берет свое начало от воды.

Все сущее, боги, демоны и люди выходят из Нун, безграничного, изначального океана существования. Мы можем представить себе этот океан как матрицу тьмы, скрытое, беспредельное водное пространство, которое служит источником сознания. Фрейд был совершенно прав, описывая бессознательное и бурлящие внутри него настроения, как нечто «океаническое». Нам не дано знать, сколько просуществовал Нун, поскольку не было и времени, которым можно было измерить его протяженность — он просто существовал. Воды Нун священны и всемогущи. Из этой драгоценной жизни берут свое начало многочисленные мифы, символы, священные ритуалы и религиозные обряды. Это святая вода, *aqua permanens* алхимиков и вода, которая превращается в кровь Христа в католической мессе. Осириса часто символизировала чаша или золотой кувшин, содержащий воду из Нила; сосуд для алхимиков имеет такое же важное символическое значение, как и его содержимое.

Сотворенный мир начинает свое существование, когда Атум сливается с богом Солнца Ра, чтобы создать изначальный холм из собственной слюны или семени, что представляет собой внутренние «воды». Атум и Ра — солнечные божества, и вместе под именем Атум-Ра они символизируют заходящее Солнце, намекая на вхождение сознания в Дуат. Считается, что Тум и Атум — это один и тот же бог; оба их имена означают «завершение» или «законченность», что предполагает окончание безграничности Нун. Эта независимая сила дополняет Нун, и Атум-Ра изливает из себя Шу и Тефнут, тем самым способствуя текущему процессу творения.

Атум-Ра вызывает их появление на свет путем самооплодотворения через собственный рот, странный образ, напоминающим нам об уроборосе. И хотя это действие выглядит отвратительным, оно содержит в себе глубокое символическое значение. Подобно кругу, который формирует свою основную конструкцию, одна из его дуг представляет собой восхождение, или эволюцию сознания, тогда как нисходящая дуга символизирует упадок, или инволюцию сознания. Этот процесс демонстрирует самовоспроизводящуюся силу бога, также как и непрерывный цикл

Рис. 3.1. Нун держит Солнечную лодку

трансформации. Алхимики считали, что низшие, неблагородные металлы поглощались благородными металлами из серебра и золота; так, уроборос олицетворяет непрерывное преобразование вселенной.

В Древнем Египте этот образ ассоциируется с более грубым и зловещим образом. В ряде текстов Позднего Периода существуют разные отсылки к «Змею в Первобытной Тьме». В Текстах Саркофагов мы находим высокомерное описание процесса творения путем аутофелляции. Змей восклицает:

Он (Пребывающий в Духе) сотворил вселенную тем, что совокупился с собственной рукой и в упоении извергнул семя. Я изогнулся и обвился кольцами, словно змея. Я один нашел приют среди его колец. Слова эти вышли из его собственных уст.

Следовало бы добавить, что в этом любопытном акте сотворения мира змеей — существом, которое мы, западники, привыкли считать чем-то низменным и гадким, — особый интерес вызывает последняя строчка, так как в ней соединены животворящее слово и семяизвержение. Во многих мировых религиях звук, вибрация и слова — это тот самый инструмент, который создал *ex nihilo* (из ничего — прим. перев.) идею, которая проложила себе дорогу в современную физику. Змея как созидательница обычно изображается в виде уробороса, «пожирателя хвоста», и в то же время олицетворяет собой Нетер бесконечности. Эти кольцевые образы и повторный выброс отделяемой внутренней жидкости являются символическим изображением живительных вод Нун и играют значительную роль в цикле смерти и возрождения Осириса. Этот Змей Тьмы есть первобытная модель Бога, и поскольку египтяне верили, что Атум, в конце концов, снова обратится в змея, перед нами Бог, существующий как в начале мира, так и при его скончании. «Через миллионы лет после того, как созданный мир хоть как-то будет обозначен, хаос, царивший до творения, снова вернется; и лишь извечный бог (Атум) и Осирис пребудут „в одном

и том же месте“, более не разделимые ни в пространстве, ни во времени». В конечном итоге, все, что останется, это только эти два бога, ныне преобразованные «в другого змея, которого люди не знают, а боги не видят.»

Атум-Ра творит богов Шу и Тэфнут из воздуха и влаги соответственно. От этого союза рождаются Нут (Небо) и Геб (Земля). Согласно Текстам пирамид, Геб приходит в ярость, когда узнает, что Нут проглотила звезды, то есть их детей, и Шу вынужден разлучить их. Отделение богом Шу земли и неба (Геба и Нут) стало вторым по величине космогоническим актом после первоначального отделения Атума от Нун, равным которым больше не происходило. И теперь стало достаточно места для рождения человеческого существа и сознания, алхимическим образом состоящего из важнейших элементов жизни: тепла, влаги и воздуха.

Другая, более психологическая трактовка этих событий повествует о том, как Нут очаровывает Шу, и по этой причине между Нут и Гебом происходит раскол. А по другой версии данной истории, Нут и Геб так влюблены друг в друга, что Шу — великий разделитель — вынужден был разлучить их, и в результате земля и небо стали отдельными частями мировой экологии. Для каждой из этих версий общей является тема любви, а вместе с ней и желание воссоединения. Любовь, вопреки всему существующая между Нут и Гебом, заставляет их бесконечно стремиться друг к другу. Поэтому на крышке саркофагов очень часто изображали Нут, а на днище — Геба; закрытие гроба означало воссоединение неба и земли. После разлуки Нут простирается над землей в виде телесного купола, едва касаясь земной поверхностями кончиками пальцев рук и ног; по ее телу Солнце совершает за день свой жизненный цикл от восточной кромки горизонта до его западного предела. Она это небо, вмещающее в себя все остальные божества в виде звезд.

В то время как Нут изгибает свое тело, чтобы сформировать небосвод, Геб удерживает землю под нашими ногами. Геб часто изображается, выполняющим некий кувырок, что предположительно может означать вращение земли, эта идея противоречит

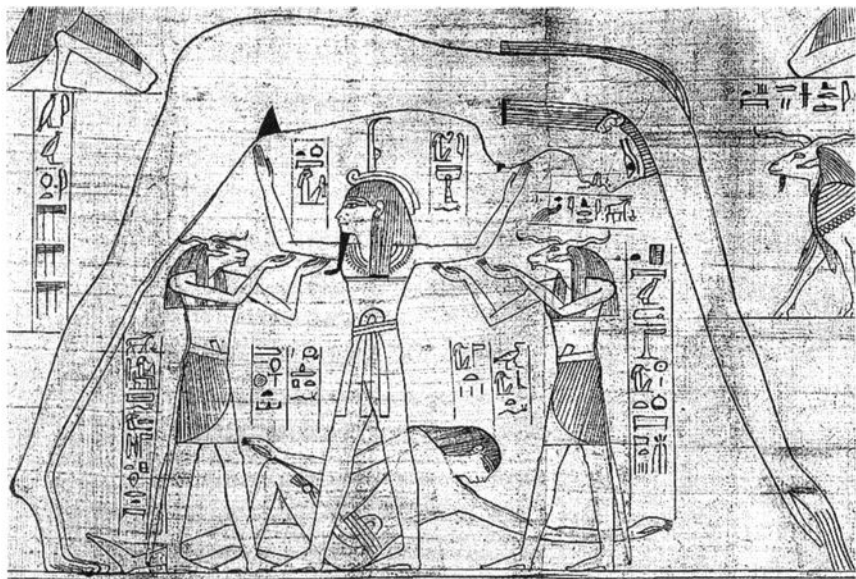

Рис. 3.2. Нут, Геб и Шу

устаревшему верованию в то, что египтяне считали поверхность земли плоской. Как бы то ни было, Нут и Геб создали мир способным поддержать жизнь человека. И опять мы видим полную инверсию того, что касается половой принадлежности богов. Обычно мы говорим, Мать-Земля, Отец Небесный, но у египтян все было наоборот, и для них это было истинно.

Человек (*remetj*) был создан, когда Нут и Геб сбились с пути, блуждая по этому новому миру. Мы понимаем это так, что даже боги ошибаются и соскальзывают назад в бессознательное. И все же великий бог Атум-Ра приходит им на помощь. В этой космологии показана серьезная логика. Нут и Геб больше всего тяготеют к плоскости земной реальности, которые способны заманить в свои ловушки сознание эго, что введет его или ее в заблуждение. Атум-Ра представляет собой высшую силу архетипа Самости. В то время как эго вовлечено в земную реальность, Самость является всеохватывающим архетипом сознания и бессознательного. Одна из самых сложных задач

индивидуации заключается в выравнивании этих двух могучих энергий психики — эго и Самости. Атум-Ра отправляет свое Око на поиски Нут и Геба. Око Ра олицетворяет всеведение, психологически понимаемое как орган, позволяющий нам видеть божественное. По возвращении Нут и Геба Ра восклицает: «Я пролил слезы...; так на свет появилось человечество.»

Путем разделения Нут и Геба Шу создает атмосферу, которая отделяет небо от земли, наглядно демонстрируя разграничение. Разделение (*separatio*) сопровождается формированием как мира физического, так и мира психического. Дифференцированное сознание свидетельствует о значительном развитии личности; с точки зрения алхимии оно представляет собой новое и более совершенное поколение сознания. Все ключевые моменты процесса индивидуации усиливаются путем сепарации, поэтому, чтобы стать целостной, интегрированной личностью, мы, прежде всего, должны раздвоиться. Этот акт сопровождается дифференциацией, которая действует изнутри, дабы создать еще более усовершенствованные аспекты сознания. Душа — вот хороший пример дифференциации, особенно в случае с древними египтянами, которые верили, что у каждого человека есть девять душ. Каждая из этих душ несла определенную функцию (см. главу 9). Пока же я хочу упомянуть лишь об одной из этих душ — о сердце, поскольку на данном этапе изучения мифа, когда люди начинают населять мир, мы впервые сталкиваемся с проявлением эмоций.

Сердце считалось обиталищем разума. Оно было источником страстей, настроений и чувств. И содержание их было не просто сентиментальным, но и обладало мудростью, которая была на службе у человека как в реальном, так и в потустороннем мире. По этой причине во время мумификации сердце оставляли цельным. Как и любой вид разума, функция чувствования требует развития; чем более совершенна и рафинирована функция чувств, тем большей палитрой чувств обладает человек.

Подобно тому, как мы различаем разум и интеллект, египтяне двойко характеризовали сердце, одно обозначает орган,

обеспечивающий циркуляцию крови, тем самым превращая тело в цельный, живой организм, а другое (*haty*) служит передатчиком ощущений «индивидуальности, осознанности и личной идентичности.» Для египтян сердце *haty* было божественным разумом. Как центр разума, сердце обладало своей собственной истиной и хранило в себе всю память о прошлых поступках, хороших и плохих. Поэтому люди опасались, что сердце *haty* могло разоблачить их грехи перед Осирисом в Зале Великого Суда. И дабы предотвратить ужасные последствия несправедливого осуждения и предательства, люди стремились защитить свое сердце, читая защитные заклинания. «Взывая к Сердцу», живая душа восклицала:

Каким бы богом ты не был послан, прочь от меня! Если ты пришел, чтобы забрать се внутренности все содержимое моего человеческого сердца, ты ничего не получишь... Это сердце мое и только мое. И его точно у меня никто не отнимет! Я Гор, что пребывает в сердцах... Мой страх покинет меня и не задушит, покуда я под защитой отца своего Геба и матери моей Нут. Я не совершал никаких гнусных поступков против богов, я не утратил свою честь, о чем и заявляю в своей клятве.

Эта разумность проявляется на протяжении всего мифа об Осирисе, особенно в любви, которую он питал к своему народу, в преданности его сына Гора, а также верности Исиды и Тетфнут. Легенда гласит, что Осирис и Исида были влюблены друг в друга, когда еще находились во чреве матери. Они биологические родственные души, чья любовь помогла им преодолеть все трудности, а, возможно, даже и смерть.

Возвращаясь к мифу, мы видим, какой вселенский пузырь образовался в водах Нун из-за разделения Нут и Геба. Вся разумная жизнь возникает из его недр. Существующий мир, ограниченный сверху богиней Нут и снизу — Гебом, образует нижний мир. Прекрасные картины Долины Царей изображают Нут в виде неба, а Шу, находясь между ней и Гебом,

представляет атмосферу (см. рис.). Эта сцена призвана помочь нам в дальнейшем различать богов и даже людей, но для того, чтобы на свет появилось будущее потомство, необходимо преодолеть первое препятствие.

Ревнивый Шу (иногда Ра) заявляет, что его дочь Нут никогда не будет рожать, ни днем, ни ночью. Нут в расстройстве обращается к богу Тоту, магу-ловчачу и умоляет его быть ее поверенным в этом деле. Зная, что Хонсу, лунный бог, — заядлый игрок, Тот приглашает его поиграть в шашки. Хонсу проигрывается в пух и прах. С каждым проигрышем бог Луны отдает часть своего сияния, пока в качестве последнего спасительного средства он не ставит на кон весь свой свет, и снова терпит поражение. Новая Луна свидетельствует об этой окончательной утрате. Получив достаточно света, которого хватило бы на пять дней, Тот отдает их Нут, тем самым пренебрегая приказом Шу. В особые дни Нут приступает к рождению пятерых богов, и в мир приходят Осирис, Исида, Сет, Нефтида и самый младший Гор. И вот перед нами пантеон богов, известный как Эннеада (хотя Гор и не является частью Эннеады, в конце мифа играет забавную роль):

Атум-Ра

Шу и Тефнут

Нут и Геб

Осирис, Исида, Сет, Нефтида

В первой главе я отметил, что 365-дневный календарь появился, когда фараон издал указ о том, что пять дней следует добавить к 360-дневному календарю, учитывая времена года, чтобы разливы Нила можно было прогнозировать с надежным постоянством. Здесь, однако, мы имеем дело не с приказом фараона, а с историей, которая дает нам представление о возникновении календарных измерений. Время рассматривалось не мистически и даже не астрологически, а как миф, представляющий богов, которые приходят на помощь человечеству, дабы создать цивилизованное общество.

Присутствие добрых богов с их господством над разными землями и временами года принималось куда охотнее, нежели какие-либо указы. Но не только это замечание позволяло людям предвидеть разливы Нила, теперь Осирис и его родственники вступают в этот мир, каждый из которых готов принести свою лепту в процесс постепенного улучшения творения. В частности, их появление в существующем мире ознаменовало переход от власти богов и зависимости от них к личному участию индивида в управлении своей жизнью и смертью. Умение возделывать землю означало, что люди отныне могли прокормить себя и, как уже говорилось, отказаться от привычки поедать человеческую плоть. Эта вновь обретенная независимость знаменует начало личной автономии и развитие индивидуальной психики. А вместе с ним начинается медленный, постепенный процесс превращения богов из внешних трансцендентных божеств во внутренние архетипы; так что наряду с физическим миром также существуют скрытые элементы психики, по праву занимающие свое место.

4

ДЕЛА ТЁМНЫЕ

Осирис правит Египтом и учит людей навыкам цивилизованного общества. Египет процветает благодаря новым знаниям египтян в освоении земель с использованием вод Нила. Исида же обучает женщин искусству выпечки хлеба из пшеницы и ячменя. Пока Осирис заглядывает в другие номы (селения), Исида занимает его трон. Безумно завистливый Сет начинает вынашивать план убийства Осириса. Меж тем, несмотря на свою любовь к Исиде, Осирис прелюбодействует с Нефтидой, супругой Сета, в результате их связи рождается Анубис.

Итак, Черная Земля исчезла. Все, что осталось, это следы громадной цивилизации, преимущественно погребенные под жаркими песками Сахары. Сколько внимания теперь сосредотачивается на том, чтобы представить себе, какова была живая реальность этой мифической земли, что мы забываем о безымянной земле, которая некогда существовала задолго до того, как фараоны стали восходить на трон. Нармер считается самым первым фараоном, который превратил Египет в единое государство примерно в 3100 году до нашей эры. До начала его правления нам мало что известно. Данные археологов показывают, что в этом регионе между 10 000 годом до н. э. и началом правления Первой Династии существовал целый ряд разных культур. Среди многообразия этих культур нам боле всего интересна Накада, располагавшаяся в провинции Кена в Верхнем

Египте около 4400—3000 года до н. э. Этот культурологический период получил свое наименование от названия города Нубт, что означает «золотой». И хотя природного золота в Египте было обнаружено мало, мы знаем, что его залежи находятся в Восточной пустыне, близ Нубта. Эта область имеет для мифа об Осирисе существенное значение по двум причинам. Во-первых, за это время многочисленные события способствовали раннему возникновению цивилизационной культуры. Среди них можно выделить медные инструменты, глинобитные сооружения, дубление шкур животных и поклонение божествам. Во-вторых, это развитие включало в себя алхимические процессы, в том числе, использование медных орудий и изобретение миномета около 4000 года до н. э. Золото — это, конечно же, физический и божественный метал, символизирующий высшее достижение алхимического опуса.

Период с 4000 по 3000 год до н. э. свидетельствует о повышенном скоплении охотников и собирателей в районе Нила из-за крайне засушливых условий. Благодаря Нилу и ресурсам люди перешли на более оседлый образ жизни, расселившись по берегу реки, недалеко от Дельты, а также южнее к Нубии. «Правление первой династии, — пишет профессор Кэтрин Бард, — началось всего около 1000 лет после появления у берегов Нила самых первых сельскохозяйственных поселений, так что Додинастический период, длящийся 4 тысячелетия до н. э., стал одним из сравнительно стремительных в плане социального и политического развития... С наплывом людей на эти земли возникла необходимость в некоторых формах централизованного управления, и примерно к 3050 году до н. э. возникло Первое Династическое государство..., контролирующее большую часть Долины Нила от дельты до Первого Водопада в Асуане.»

Мифы и боги не стареют, поэтому мы не знаем, когда Осирис познакомил древних египтян с земледелием и сельским хозяйством. Как уже упоминалось, представление об Осирисе-боге, вероятно, произошло из Нубии, и из доказательств, приведенных выше, мы можем предположить, что происхождение этого мифа совпадает с поздним периодом Накады. Наверное, это было

интереснейшее время, когда люди, переселялись из пустынь на берега Нила и привозили с собой остатки своей культуры. Это было время радикальных перемен, которые вырвали Египет из хаотического скопления разношерстных культур и привели к упорядоченному обществу. Мы можем видеть, как эта тема мистическим образом переключается с алхимическим опусом в виде превращения хаоса в мироздание.

Миф ничего не говорит о централизованном правлении, охотнее он повествует о паре богов-отцов, которые научили людей возделывать землю. Пока Осирис дает египтянам указания по сельскому хозяйству, Исида демонстрирует нехитрые способы приготовления хлеба из пшеницы и ячменя. Казалось бы, это простые задачи, однако в контексте истории они представляют собой важный переход от общества охотников-собирателей к аграрной цивилизации. Эти перемены имеют немаловажное значение для развития сознания, поскольку благодаря им у людей проявляется подлинное стремление принять на себя ответственность за собственную судьбу. Эти метаморфозы ознаменовали собой появление совершенно новой концепции о том, что значит быть человеком, и что человек не зависит от фараона, а в какой-то мере и от бога. Много тысяч лет потребуется для того, чтобы выработать идею о том, что Бог находится *внутри* человека, и что благодаря глубокому мистическому опыту можно фактически стать богом.

Несмотря на достижения современного человечества, в суете сегодняшней жизни удивительно мало кто из нас знает, как печь хлеб, или имеет представление о том, как вспахать землю. Поэт Уэнделл Берри дает нам ощущение жизни крестьянина, о его укорененности в землю; в этих нескольких строках его стихотворения «Человек, рожденный для земли» мы узнаем, как Осирис возрождается из озимых полей:

Садовник, ты, взрастивший куст,
Рожден, чтоб руки в землю погрузив, понять,
Что почва, словно эликсир богов.
И смерть твоя, что каждый год приходит,

Вновь жизнью обернется новой.
В навозной куче ты узри сиянье
И колосом войди в рассвет!

В Текстах Саркофагов Осириса сравнивают и с Пшеницей, и с Ячменем. В одном из текстов мы узнаем о тождественности пшеницы и богов: «Атум сделал меня пшеницей, послав на землю, на огненный остров, где мне, сыну Геба, было дано имя Осирис. Я есть жизнь.» Эта «жизнь» находит свои параллели в веровании алхимиков в то, что золото зарождается в рудах земли благодаря солнечным лучам. В дополнении к мумификации умерших египтяне мумифицировали также животных и зерно, веря, что новая жизнь произрастет из мертвого тела Осириса. Мертвые оживают подобно тому, как растительность проходит свой нескончаемый жизненный цикл. Принято считать, что зерно, давшее ростки из Осириса, это семена, Исида олицетворяла почву, а Сет — тепло, необходимое для прорастания семени. Это знание земледельца держит в своих руках и в своем сердце, потому что он является частью природного цикла.

У Исиды также были припасены для женщин разные секреты, необходимые для приготовления пищи, когда

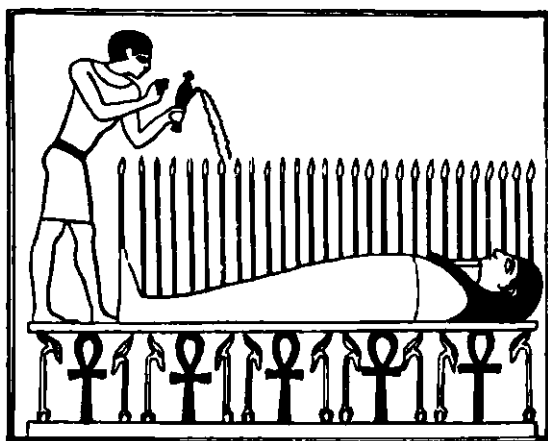

Рис. 4.1. Осирис и пшеница, произрастающая из его тела.

собранный с полей урожай превращали в еду, которая питает наши тела и поддерживает жизнь. По очагу, занимающему центральное место в жилище, по дыму, струящемуся из примитивных котелков, и по терпкому запаху варева кухню с трудом можно было отличить от алхимической лаборатории. Любой хороший повар знает секреты алхимической кухни. Парацельс, алхимик пятнадцатого века, описывая Вулкан, бога огня, говорит так: «Все, что творится с помощью огня — есть алхимия, будь то печь или кухонная плита. А тот, кто управляет огнем, есть Вулкан, даже если это повар или обычный человек, колдующий над плитой.» К Осирису и Исиде относились с большой любовью и почитанием. Но подобное обожание побудило Сета к зловещему замыслу. Поскольку он повелитель пустыни, того самого места, откуда пришли люди, неудивительно, что слава Осириса и Исиды вызвала в нем зависть, гнев, и в конечном итоге — месть. В довершение ко всему, отправляясь в другие города и селения для обучения людей земледелию, Осирис возлагает свои обязанности на Исиду. Женщина-фараон, пусть даже и богиня, была крайне редким явлением, нежели женщина, служащая главой государства в современном мире.

Тот, кто полагает, что Осирис был только учителем, знает далеко не все о нем. Боги Египта отображают функции и принципы, а не играют конкретные роли. Поскольку все реальности начинаются с психических моделей, таким же образом боги впервые появляются во снах и в видениях египтян. Смешанный облик богов, который обычно сочетает в себе голову животного и торс человека, не был известен до Третьей династии (2650—2575 гг. до н. э.), когда Гора изображали с головой сокола. До этого времени он представлялся, как и все боги, в виде животного. «Египетские боги, — как замечал Хорнунг, — не очень охотно общались с земными людьми; их можно было встретить в пограничных сферах, где мир людей соприкасался с миром богов — где-то на далеком острове... или во сне.» Пытаясь воплотить дух Осириса, нам не стоит держать в голове образ спеленатой мумии. Нам скорее захочется отыскать то пороговое пространство, где границы между существующим и несуществующим

мирами размыты, это пространство Юнг называл измерением психоида.

Рэндл Кларк описывает этот мир так: «Осирис — это и есть природа, или, если говорить более корректно, естество, пребывающее в ощущениях земледельцев и животноводов Ближнего Востока в далекой древности (где впервые были стали применяться методы ведения сельского хозяйства).» Далее он переходит к описанию безжизненной почвы, изнуренной засухой, словно «дух жизни покинул ее», а благодать, пришедшая с разливом Нила — поистине метафорична по отношению к смерти и воскрешению Осириса. На протяжении большей части мифа Осирис инертен и пребывает во сне, пока его сын — его новая жизнь — не пробуждает его. Подобное состояние также характеризуется «усталостью» Атума, поскольку он все еще погружен в воды Нун. Тема усталости и пробуждения является типичной для многочисленных египетских текстов. Снова и снова мы читаем слова, описывающие широкий спектр человеческих эмоций, которые как-то часто остаются незамеченными многими египтологами. Но только не Кларком, к счастью, который полагает, что «факт того, что египтяне иногда трактовали свои мифы с психологической точки зрения, еще не является общепризнанным.» В этом смысле усталость и печаль — это одновременно и некая заторможенность, предшествующая зачину независимой личности и импульс к пробуждению последующего сепарации отлучения от небытия и Великой Матери.

Все эти соображения помогают объяснить связь Осириса с Нефтидой. И тут мы должны отключить своего внутреннего «цензора-моралиста», иначе он позволит нам с легкостью осудить Осириса, и мы упустим более важный момент. Некоторые исследователи считают Нефтиду зачинщицей любовной интрижки, другие полагают, что Осирис тут был ни при чем, потому что находился в сонном состоянии! Тот факт, что Осирис не устоял перед Нефтидой, «Хозяйкой Дома», очень примечателен. Мы уже описывали ее как обладательницу бесстрастной женственности; у нее не было храмов и ей не поклонялись. Ее египетское имя Нобт-Хут указывает на знатное происхождение,

в положительном смысле, она пребывает над законом или вне его. Такая позиция позволяет ей, пренебрегая высокими чувствами, совершать неблагоприятные поступки, — мы гнушаемся подобными вещами, но все равно делаем их. Ее любовь продиктована божественной преданностью, которая существует больше между душами, нежели та, что оправдана общечеловеческим законом. В самом деле, законный брак не существовал в древнем Египте, и мирное сосуществование жены мужчины и его любовницы было обычным делом. О Нефтиде упоминается как о Хозяйке Владений и, как мы узнаем далее, она станет надежным союзником Исиды, настоящей Хозяйкой Дома Осириса.

Рассуждения об этике в данном случае нас никуда не приведут. Все же мы имеем дело с эмбриональным развитием психики, когда индивидуация находится в своем зачаточном состоянии, и проблематика морали не будет задействована, пока полностью не завершится процесс сепарации. Для того чтобы оторваться от матери, Осирису, вероятно, не было достаточно просто доставлять неприятности Исиде. Связь между ними началась еще в утробе Нут, так что процесс их разделения будет весьма проблематичным. Видимо, для этого потребуется внешняя сила. Этой силой становится Нефтида, которая приходится сестрой Осирису и является женой Сета. Любовный роман вызвал ссору между Осирисом и его темным братом. Природа, которая представляется безграничной, обнаруживает свою ограниченность в образе Сета. Он, как и природа, жестоко насаждает свои рамки, невзирая на человеческие чувства. В конце концов, природа слепа, бессознательна и не зависит от воли египтян, она с неумолимой силой следует процессу преобразований. Сет и Нефтида — мрачные фигуры, обитающие в пределах ближе к земле, нежели к небесам. Нам будет легче понять их, если мы поймем и оценим их общность с природой.

Природа — это мир тайны. Она и мать, и отец всем нам. Она кормит нас и дает убежище. Природа — это дом для животных и для наших инстинктов. Наша физическая оболочка — это тоже природа, или, как это красиво описывает в своей книге поэт и философ Джон О'Донохью *Anam Cara*,

Человеческое тело есть глина, что само по себе не постижимо. Человек — это место, где встречаются четыре стихии. Человеческая личность — это глиняная форма, живущая в воздушной среде. И пока кипит кровь, и разум не дремлет, в теле пребывает дух. Всю его жизнь энергия стремительно движется в неуловимом круговороте водной стихии. Мы вышли из глубин земли. Представьте только, что миллионные колонии таких же существ из глины никогда не будут иметь возможности покинуть эту преисподнюю. Эта глина никогда не обретет свою форму, чтобы возвыситься и заявить о себе в мире света, а будет жить вечно в этом неведомом мире теней.

Далее он описывает старинное кельтское поверье о племени, которое было изгнано в подземный мир, в котором они, в конце концов, стали «регулировать плодородность земли.» Для поэта это переходное состояние является «сиянием» (*автором использована игра слов «liminality» и «luminosity» — прим. перев.*), а сама местность — «нуминозой», оба этих качества превосходно характеризуют Осириса как духа плодородия.

Египтяне верили, что сны снятся там, где можно встретить бога. Царство сновидений и царство мертвых — это и есть место перехода, или промежуточное пространство между жизнью и смертью. Мари Луиза фон Франц рассказывает о сновидении одного мужчины, которое он пережил незадолго до своей смерти. В нем запечатлена та самая энергия Осириса, сила, способная породить все формы жизни. «Он увидел зеленое, еще не скошенное пшеничное поле. Откуда ни возьмись, на поле ворвалось стадо коров и потоптало все, что на нем росло. Тогда голос сверху воззвал: „Пусть все кажется погубленным, но из корней под землей пшеница снова прорастет“». И земля, и тело обладают одной и той же сущностью, поэтому тело может наилучшим образом знать нечто раньше, чем мы успеем это нечто осознать. Хека, бог магии, обладал этой телесностью. Он воспринимался и как бог, и как субстанция, которую можно было поглотить. В Текстах Пирамид содержится много

каннибальских заклинаний, которые предполагали употребление магических веществ. Магическую силу можно было получить исключительно от бога Хека. Царь или маг только тогда может повелевать стихиями, когда он «обратится» в Хека. «Пример полного слияния магии с человеком, — пишет Найдлер — заключается в проглатывании и переваривании ее (магии) для того, чтобы отныне она обитала в животе.» Это есть физическое воплощение. Найдлер ссылается на Каннибальский Гимн, в котором маг «съедает *heka* богов и блаженствует от того, что их магия оказывается у него внутри.» Поскольку магия и каннибализм практически не встречаются в современном мире, нам эта «мудрость тела» представляется нам лишь как метафора.

Я встречал подобную мудрость у одного мужчины средних лет, которого лечил в течение нескольких лет. Помимо исследования его речи, я наблюдал, как через сны говорило его тело, предвосхищая события, о которых он заведомо не знал. Вскоре после того, как он безумно влюбился в одну молодую особу, она забеременела их общим ребенком. Ими обоюдно было принято решение об аборте, но он чувствовал себя ужасно виноватым. Когда я спросил его, что ему снилось до того, как он узнал, что его подруга понесла, он ответил мне: «Я вижу две реки, и я стою в одной из них, прижимая к груди детеныша льва. Я понимаю, что должен защитить его, иначе он утонет. Временами нас накрывает водой. А выбраться на поверхность нам удастся, когда две реки встречаются. Я взбираюсь на сушу, едва удерживая в руках львенка.»

Временной фактор данного сновидения так же важен, как и его интерпретация. Мифическое время нелинейно, и, несомненно, это сновидение имеет пророческий характер. И если мы постулируем, что котенок льва символизирует зародыш, две реки — фаллопиевы трубы, а место соединения двух рек — это влагалище, тогда становится понятно, что весь сон наглядно изображает процесс родов. То обстоятельство, что сон пациенту приснился до того, как он узнал о беременности, указывает на то, что его тело уже было прекрасно осведомлено о том, что случилось неделей раньше до того, как он узнал о состоянии своей

подруги. Подобный перенос информации не такое уж редкое явление среди супружеских пар, но иногда мы можем замечать, как возбуждение (накал) энергии либидо происходит при зарождении новых отношений.

Еще в одном сновидении, рассказанном женщиной, мифическое время приобретает качество синхронии. В этом сне пациентка находится в моей приемной. Она уже готова выписать мне чек, как вдруг другая женщина входит через переднюю дверь. Прежде чем мне попасть в приемную из своего кабинета, моя пациентка испытывает неловкость и претворяется, что не является моей клиенткой. Как только она закончила рассказывать о своем сне, сессия закончилась, и я позволил ей уйти. В тот же момент некая женщина, тоже пациентка, входит в кабинет, чтобы вручить мне чек. Обе женщины молча проходят мимо друг друга в узком коридоре между моим кабинетом и приемной.

Как сновидец мог предвидеть это на первый взгляд случайное явление, сказать трудно. И опять же, толкование сновидения не так существенно, как своеобразное наложение двух весьма отличных друг от друга реальностей. Здесь можно говорить о том, что это переплетение этих двух миров представляет собой пороговую область, где происходит взаимодействие богов и людей, иногда по вполне понятным причинам, а иногда — нет. Таким образом, мы можем только догадываться о причинах, по которым даже боги вступают в контакт друг с другом. И, несмотря на то, что Осирису подобало бы иметь первенца от своей супруги Исиды, мы видим, как он вместе с женой своего брата производит на свет незаконного сына Анубиса. В итоге Осирис оказывается слегка запятанным тьмой своего брата, что в свою очередь страшно рассердило Сета. Мы можем представить эту динамику в физических терминах, когда один химикат загрязняет другой, вступая с ним в контакт. Юнг говорил, что «Встреча двух личностей подобна контакту двух химических веществ: если есть хоть какая-то реакция, то изменения претерпевают оба вещества.»

Различия между Гором, сыном Осириса и Исиды, и Анубисом весьма знаменательны. В то время как Гор становится

покровителем фараонов, Анубис пребывает в кладбищенском мире, своей неизменной вотчине. Там он падальщик, который питается мертвой плотью; его имя происходит от слова, означающего «разлагаться» или «королевский сын». Его черная кожа напоминает нам об его отце. Черный цвет в алхимии очень часто соотносят с *Prima Materia* и *nigredo*, что в разных источниках описывается как «чернее черного». В своем собачьем облики Анубис обладает обостренными ощущениями, которые позже помогут Исиде в поисках разрозненных частей своего мертвого мужа. И если Гор стоит за каждым фараоном, Анубис пребывает в некоторой отстраненности, как и его мать, сопровождая умерших в загробный мир.

Как будет видно дальше, с рождением Гора возникает весьма непростая ситуация: кому придется унаследовать трон после смерти Осириса: законный сын или ненавистный брат? Этот вопрос станет ключевой темой в окончании мифа. Но до конца истории еще далеко, и Осирис очень даже жив и наслаждается своим пребыванием в этом мире.

СОУЧАСТИЕ В УБИЙСТВЕ

Сет осуществляет свой кровавый замысел, объявляя, что намерен устроить пир. Он тайком снял с Осириса мерки и соорудил великолепной конструкции саркофаг. Много народу пришло на праздник, включая семьдесят два сообщника Сета. Сет заявляет, что он подарит этот саркофаг тому, кто наилучшим образом в нем поместится. И как только Осирис укладывается в гроб, Сет заставляет своих палачей поспешно запечатать крышку с помощью свинцовых прутьев. Затем он бросает ящик в Нил.

По-прежнему проклиная превознесение Осириса и Исиды, Сет начинает претворять в жизнь свой зловеющий план. Не существует никаких упоминаний о том, как Сету удалось «снять мерки» с Осириса для того, чтобы гробовщик сделал ему усыпальницу точно по размеру. В наши дни гроб в качестве награды на торжестве был бы весьма странным явлением, но в Египте гроб считался ценным имуществом, особенно выполненный из камня. Те, что попроще, строились из вяза или кедра. Каменный саркофаг был предметом знати, так как он служил дольше и обеспечивал надежную защиту против кладбищенских грабителей. Мы не знаем, из чего был сделан саркофаг на празднике у Сета, известно лишь, что он был то ли стянут свинцовыми прутьями, то ли был залит свинцом. И сам саркофаг, и его крышка весьма символичны в алхимической лаборатории.

Алхимики полагали, что существует семь металлов — свинец, ртуть, олово, железо, медь, серебро и золото — которые обладали и психическими, и физическими свойствами, начиная самыми низшими и грубыми и заканчивая самыми благородными. Свинец, как наименее чистый, является не просто металлом. Он символизирует душевное настроение, которое лучше всего описать как апатия, меланхолия и депрессия, так что теперь нам понятна утомленность Осириса, отображающая мрачное, нечистое состояние. Среди наиболее положительных качеств свинца можно отметить ограничение, порядок и стойкость. Прежде Сатурн был связан со свинцом по причине его сходства со смертью, Сет был ответственным за ограничение, сокращение и процесс *coagulatio*. Тот факт, что Сету пришлось выбрать именно свинец для перетяжки саркофага, в котором находился Осирис, метафорически заявляет о начале алхимического делания. На этой начальной стадии, *nigredo*, первичная материя сжимается и иссушается всеми возможными способами, ибо путем только этих операций (*calcinatio* и *separatio*) можно очистить металлы от ядов и дать им новую жизнь. В отличие от других металлов, свинец не реагирует на свет, но он содержит свой собственный свет. Если этот металл измельчить до состояния порошка, он мгновенно воспламенится. Сам по себе свинец, как полагают, содержит собственное искупление. Юнг, цитируя труд автора семнадцатого века Элиаса Эшмола *Theatrum Chemicum Britannicum*, говорит: «Подобно тому, как свинец сжигает и уничтожает все дефекты металлов...точно так же наши житейские скорби очищают нас от многочисленных пороков, которые мы носим в себе».

Сет и Сатурн образуют пару, которую мы легко можем недолюбливать и называть злом. И, тем не менее, подобно свинцу, они обладают существенными качествами, которые искупают это зло. Они оба выступают в качестве сдерживающего фактора. Мы можем испытывать неприятие к навязываемым нам ограничениям, но иногда нам просто необходимо вмешательство некой внешней силы, чтобы положить конец событиям и поступкам, которые не способен остановить наш собственный рассудок.

Очень часто эти боги делают за нас черную работу. Процесс индивидуации на стадии своего становления предусматривает некую черную работу; тьма — это примесь, содействующая человеку в обретении его собственной целостности. Один лишь свет не способен сделать эту работу! «Не тот добьется просветления, кто рисует себе светлые образы, — говорил Юнг, — а тот, кто осознает тьму.» Именно эту работу охотно стремились выполнять алхимики, сейчас она является той самой черной работой, которая перекочевала в кабинеты психоаналитиков. Порой нелегко отделить психоаналитика, который ежедневно сталкивается с демонами, скрывающимися за симптомами и комплексами, от алхимика. «Во многом, — пишет юнгианский астролог Лиз Грин, — древнее искусство алхимии было посвящено следующей цели: основное вещество в алхимии, благодаря которому было возможно получение золота, именовалось Сатурном, и этот базовый элемент наряду с его реальным существованием воспринимали как самого алхимика. Современная психология, которая находит все больше соответствий с действиями алхимиков, также стремится «подружиться» с Сатурном, называя его, однако, совсем другими именами.» Одним из этих имен было имя Сет, а свинец был его главным металлом.

Сета также сравнивали с Меркурием. Каждый ребенок-звезда Нут и Геба предусмотрительно был наделен определенными функциями. Итак, Гор ассоциировался с Марсом, Юпитером и Сатурном; Ра, или Осирис, — с Венерой, и так далее. «Что же касается Сета, — пишет Димитри Меекс, — несмотря на то, что его отождествляли с планетой Меркурий, он был прежде всего связан с созвездием Большой Медведицы, в котором его можно было наблюдать во все времена.» Это созвездие было словно приколочено к Полярной Звезде, потому-то оно никогда не опускалось за горизонт, вечную обитель Осириса. Таким способом Осирис защищается от последующих нападков Сета. И все же удивительно признавать, что Сет — его звездное сияние — постоянно присутствует на ночном небе. Похоже, он заслуживает себе особый статус благодаря той колоссальной угрозе, которой он является для Осириса,

или, выражаясь в понятиях психологии, опасностью, порождаемой тенью, опасностью, которой не избежать. Проходя через осознанное страдание, человек противостоит тени и преобразует ее в нечто благоприятное и полезное для всего процесса индивидуации.

Алхимики рассматривали свинец как идеальную метафору для человеческого существа, ибо живя среди тьмы, мы все же храним в себе и свет и пламя сознания. Даже не развивая в себе сознательный разум, мы испытываем внутри себя врожденное знание о скрытой Самости. Не мудрено, что свинец жаждет превратиться в серебро, в этот великолепный, сияющий металл. Если разрезать свинец на кусочки, на какое-то время в местах среза можно увидеть серебристую пленку. В отличие от свинца, серебро очень чувствительно к свету — еще одна особенность, за которую ухватились в свое время алхимики, чтобы показать, что металлы ведут себя подобно людям. Аналогично можно почерпнуть много нового, изучая царства минералов и растений. К примеру, мы так же, как и растения, испытываем на себе природное явление фототропизма — изменение направления в сторону света.

Запечатанный в гроб и брошенный в кромешной тьме, Осирис, по всей вероятности, должен был умереть. По-видимому, египтянам было слишком сложно смириться с этой трагедией, лишь греческий историк Плутарх (46—120 гг. н. э.) сумел собрать отрывки мифа об Осирисе воедино и оформить его в законченный, полновесный труд. Тем не менее, эта печальная история имеет в высшей степени символическое значение. Страдания Осириса сродни погребению части природы, оторванной от своего живительного источника света. Запирание крышки гроба равносильно воссоединению Нут и Геба и финалу жизни в этом мире. В нашем случае именно Осирис, а не Шу простирается меж небом и землей, и здесь содержится совсем иной смысл. С Шу произошло открытие пространства для начала жизни, а Осирис «положил всему конец» (дал понять, что «всему придет крышка — *вольная трактовка переводчика.*»), что ознаменовало собой смерть старого царя и начало нового бытия.

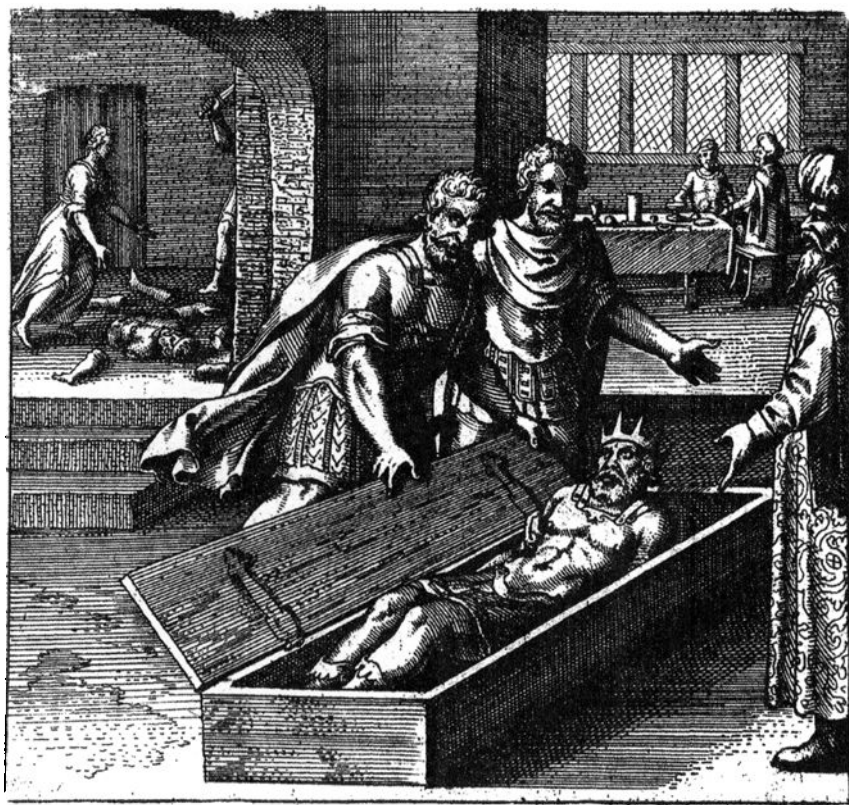

Рис. 5.1 Похороненный король

Обратите внимание на алхимический рисунок под номером 5.1, изображающий в верхнем левом углу расчлененное тело человека, та же печальная участь ожидает и Осириса, принявшего смерть с последующим воскрешением.

Творение — это не то же самое, что трансформация. Осирис не умер естественной смертью, а был убит. Во времена Средневековья, когда нарушался естественный ход вещей, раздавался ужасный крик, требующий голову короля. Убийство короля было неординарным событием, оно чем-то напоминает убийство Папы или Верховного Муллы в наше время; в нашем же случае это ритуальное убийство бога, имеющее глубокое мистическое

значение. Чтобы постичь смысл убийства Осириса, мы должны заглянуть за пределы общечеловеческих аспектов. Мы являемся свидетелями серьезнейшего сдвига в египетской космологии, в которой бог плодородия фактически «превращается в землю». Это главная мистерия, в которой нам следует разобраться, чтобы преодолеть страх убийства и раскрыть его глубинный смысл.

На протяжении веков алхимики размышляли над этой мистерией, и они, как откровение, восприняли то, что, видимо, было недоступно для понимания египтян. Древние люди жили мифами, у них не было преимущества в обладании здравым суждением, которое со временем становится частью индивидуального эго. Этот печальный поворот событий, вероятно, оказался очень горестным для египетского народа. Чуть позже мы увидим, что люди отреагируют на смерть своего героического бога шоком и растерянностью. Спустя столетия алхимики осознали необходимость этого убийства и его символическую пользу для психологической лаборатории. В их манускриптах существует один старый рецепт, инструктирующий адепта о том, как начать работу: «Король должен умереть, чтобы мог родиться Сын», — формула, перекликающаяся с криком средневековых людей. В египетских текстах упоминается та же мысль. Например, в Книге Мертвых мы читаем: ««Вчера» — это Осирис, «завтра» — это Ра. Это день, когда враги Владыки Вселенной были уничтожены и его сын Гор был призван на царство».

Эти высказывания говорят за тот факт, что Осирис должен был умереть для того, чтобы мог родиться его сын Гор — *filius regulus*. «Не суждено родиться новой жизни, — говорит Юнг об алхимиках, — пока не умрет старая. Они уподобляют творчество труду сеятеля, который зарывает зерно в землю: оно умирает только для того, чтобы пробудиться к новой жизни.»

«Осирис, — пишет Рэндл Кларк, — ничего не значил без Гора, так как последний не мог считаться настоящим царем, пока не сможет обеспечить своему народу постоянное плодородие земли.» Осирис не только даровал жизнь земле и своему народу; ему также нужно было обладать силой, чтобы облагораживать почву и дальше постоянно восстанавливать ее после истощения.

Эта регенеративная способность и есть то самое качество Осириса, о котором египтяне говорили, что он «превратился в землю.» С каждым новым сезоном поля нужно было засеивать, и душа каждого умершего человека символически должна была пережить смерть тела, для того, чтобы обновиться в загробной жизни. Эта возрождающая сила должна переходить от сезона к сезону, от старого царя к новому, от Осириса к Гору.

Переход власти начинается с появления Атум-Ра от Нун. Вместе с ним Атум-Ра приносит во вселенную Ма'ат (порядок). С этой точки зрения, убийство Осириса повторяет «усталость» Атум-Ра, все еще погруженного в хаос Нун. Атум-Ра восстал из этих адских глубин, а Осирис сделал то же самое, сначала принес культуру человечеству, а затем путем непрерывных перерождений обеспечил необходимое питание для будущей жизни. Эти преобразования начинаются с Атум-Ра, продолжаются с Осирисом и Гором, и, в конце концов, передаются фараоном каждому человеку. Несмотря на то, что это кровавое жертвоприношение оказалось великим даром человечеству, облегчающим развитие его сознания, весть о смерти Осириса была воспринята в равной степени и с ужасом, и с отчаянием.

Представьте, что вы читаете в газетах либо на храмовых росписях, что бог, вдохнувший жизнь в почву и даровавший людям пищу для души, умер! Учитывая тесную связь между Осирисом и царствующим фараоном, смерть любого из них мгновенно отсекала людям доступ в божье царство. В результате, их представление о потустороннем мире кардинально изменилось. Отныне люди, брошенные на произвол судьбы, должны были сами искать свой путь в загробный мир. Такое развитие событий, вероятно, имело место во время упадка Древнего Царства. В те времена Тексты Пирамид были предназначены исключительно царю для его восхождения в иной мир. Но в последующие эпохи появились другие тексты, открывшие врата для всех, по крайней мере, для любого человека, имевшего достаточно средств для покупки раскрашенного гроба! Со смертью Осириса руководство, помогающее смертному получить доступ в вечное царство, уже не являлось царской привилегией.

А пока погребенный Осирис покоится без сознания, брошенный в пучину Нила.

Этимологическое древо, из которого возникло слово *алхимия*, имеет две главные ветви: *khem*, означающее «черный», и *chymia*, означающее «отливать». *Khem*, конечно же, имеет отношение к Черной Земле, а вот со словом греческого происхождения *chymia* дело обстоит немного сложнее. Во-первых, мы можем предположить, что оно имеет отношение к выплавке металла и окончательной его обработке, что напрямую относится к металлургическому аспекту алхимии. Но у *chymia* другое значение, имеющее непосредственное отношение к сцене, в которой Осирис низвергнут и брошен в реку. Более эзотерическая интерпретация указывает на связь между магией и алхимией. Поскольку *heka* считается веществом, необходимо иметь ловушку, чтобы поймать его. В девятой части Книги Врат Апоп попадает в сети и вынужден покориться. Чтобы от сети была хоть какая-то польза, ее нужно уметь набрасывать. Сегодня у нас есть Интернет, брошенный в мир для сбора информации. В алхимии образ сети принимает форму паутины, и то и другое вместе символизируют матрицу, представляющую собой основной субстрат, образующий в *vas hermeticum* сосуд трансформации. Со свержением Осириса Великое Делание оказывается брошенным в океан Бессознательного. В алхимии эта операция именуется *solutio*, чье действие призвано расщепить дифференцированную материю до ее первоначального недифференцированного состояния, то есть до *Prima Material*! Иначе говоря, воды Нила, растворяя тело Осириса, делают землю священной. По сути, Осирис превращается в одухотворенную землю.

На рис. 5.2 мы видим тонущего короля, средневековый образ, напоминающий Осириса, брошенного в Нил. Как я упоминал ранее, египтяне верили, что самообновления можно было достичь путем погружения в воды Нун. Таким образом, еще один алхимический рецепт предписывает адепту «растворить Материю в ее собственной Воде». В данном случае тело Осириса погрузилось в Нил, а не в Нун. Первозданный Нун был источником рождения Атума, тогда как Нил становится

Рис. 5.2 Растворение

матрицей для трансформации тела Осириса. Нил обычно ассоциировали с жертвоприношением. До недавних пор для того, чтобы поднять уровень воды и тем самым воскресить мертвое тело Осириса, совершался обряд жертвоприношения в виде бросания в реку кукурузных кукол (*el arusa*, «невеста»). Жертвоприношение тела Осириса Нилу олицетворяет растворение, что одновременно омолаживает его дух и призывает живительные воды Нила нести его дальше навстречу своему перерождению. А тем временем «Король, плавающий в море, кричит во всеуслышание „Кто выгадит меня, получит великую награду... Кто спасет меня, тот будет жить в роскоши и править вместе со мной на моем королевском троне“». А что из себя представляет эта самая награда? Для египтян она заключалась в воплощении Осириса

и обретении его великих прозрений, устраняющих мрак, которым мы называем депрессию, отчаяние и смерть. По этой причине, после смерти каждого египтянина его имя менялось на другое, для того, чтобы он или она получили имя Осириса в качестве своего первого имени.

Здесь мы должны остановиться и поразмыслить над образом Осириса, оказавшегося в своей мрачной могильной ловушке. Лично я не могу представить себе ничего более ужасного, чем быть похороненным заживо и ощущать, как постепенно угасает воздух в моих легких. Этим страхом я могу объяснить свое личное решение быть кремированным после смерти — по мне так лучше отправиться к богам небесным, чем быть погребенным в могильном мраке. Тибетские буддисты в своих погребальных традициях идут чуть дальше. Они считают, что смерть каждого человека требует особого вида похорон, который определяется путем выбора из четырех элементов одного, который совпадает с астрологическим значением точного времени смерти. Полагаю, что мне, Льву в знаке Солнца, устроили бы огненные похороны, по крайней мере, это бы соответствовало гомеопатическому принципу, что «подобное излечивается подобным». В любом случае, египтяне на этот счет были совершенно иного мнения. Для них кремация была страшным наказанием, которого удостаивались их злейшие враги. При отсутствии тела и гроба — сосуда трансформации — у умершего не было никаких шансов войти в загробную жизнь. «Гробница, — замечает Франкфорт, — была инструментом, с помощью которого удавалось преодолеть распад личности человека в результате кризиса смерти.»

В символическом смысле образ умирающего Осириса имеет совершенно иное значение. По сути, он является ключевым в алхимии и Герметической философии, не говоря уже о глубочайшем влиянии, оказанном им на великие мировые религии. Образ света, заключенный в тьму, — это метафора, прекрасно описанная в Герметической мифологии. Там в основе главного мотива лежит свет, запертый в природе, и попытки адепта его освободить. Алхимик и целитель пятнадцатого века Парацельс называл этот свет *lumen naturae*. Юнг вывел различие между

просто светом и *lumen Dei*. Последний представляет собой свет, который остается скрытым в природе до тех пор, пока мы, при помощи алхимических методов, не сможем его освободить. Сказанное выше относится к божественному сознанию, которое напрямую приходит из духовной сферы через откровение.

Образ Осириса, заточенного в своем саркофаге, в котором он претерпевает магическое преображение, напоминает прохождение фараона по звездному телу Нут. В каждой точке ее священного тела фараон подвергается определенной трансформации. Тело Нут — это сосуд, похожий на гробницу Осириса, в которой происходит превращение его плоти. Египтологи, подобные Димитри Меексу, соотносят определенные анатомические части тела Нут с особыми преобразованиями. К примеру, печень Нут он считает органом, который отвечал за сердечные дела и нес поражение врагам Осириса; желчный пузырь, орган пищеварения в желчной области, предупреждает об опасности предстоящих нападений. Поскольку все эти процессы происходят после смерти, Нут называют «богиней саркофагов». В Книге Мертвых идея бога, воплощающего специфические полномочия, передается умершему. В Заклинании 42 ясно указывается на то, что каждый орган умершего олицетворяет божественную сущность:

Мои волосы — это Нун; мое лицо — это Ре; мои глаза — это Хатхор; мои уши — это Вепвавет; мой нос — это Она, что восседает на своем троне из лотоса; мои губы — это Анубис; мои коренные зубы — это Селкет; мои передние зубы — это богиня Исида; мои руки — это Рам, Владыка Мендеса; мои молочные железы — это Нейт, Повелительница Саиса; моя спина — это Сет; мой фаллос — это Осирис; мои мышцы — это Повелители Кхерахи; моя грудная клетка — это Он, кто пребывает в царственном величии; мой живот и позвоночный столб — это Сехмет; мои ягодицы — это Глаз Гора; мои бедра и икры — это Нут; мои ступни — это Птах; персты мои — это созвездие Ориона; пальцы ног

моих — это прочие части моего живого тела; ни один мой элемент не лишен бога, а Тот — защитник всей моей плоти. [курсив мой]

Египтяне уклонялись от подробного описания смерти Осириса. Вместо того, чтобы сказать, что он умер там, в своем гробу, они попросту говорили, что «он уснул в воде». Выражаясь языком психологии, он пребывает в глубокой бессознательности. Нам остается только гадать о том, каким было это путешествие в саркофаге, дрейфующем по водам Нила. Этот мощный образ рассказывает нам об Осирисе, заточенном в своем сосуде, что прокладывает себе дорогу к новой земле и к следующему уровню сознания. Свет его материального существования может угаснуть, но душа его несется навстречу к свободе. В каждом из нас есть внутренний свет, имеющий множество имен. Душа мира, *Anima Mundi*, и трансцендентная Самость являют собой этот свет, что заперт внутри нашей тленной оболочки, своекорыстного эго и сознания в целом. Испокон веков существующие запреты не дают человеку познать этот внутренний божественный свет, потому что, пока мы не будем готовы воспринять его, этот духовный свет может быть употреблен во зло или стать причиной нашей гибели.

Мы не сможем просто рассуждать о важности этого света, не рассматривая его с точки зрения тьмы. В современную эпоху эта дихотомия определена особо четко, нежели это наблюдалось у египтян. И хотя у них была Ма'ат, ангелоподобная богиня, выступающая за порядок, они не имели соответствующего ей божества, олицетворяющего исключительно хаос. Правильнее будет сказать, что хаос был принципом, по-разному выраженным в различных богах. Представлен хаос иероглифом *Исфет*. Буквально он переводится как беспорядок или ложь. Как мы уже видели, Нун представляет собой часть Исфет, которая является хаосом, а Сет — ту часть, которая считается этическим беспорядком. И опять же, мы должны на время забыть о своих современных представлениях о нравственности, чтобы корректно воспринять фигуру Сета как посредника-ограничителя, столь

необходимого для трансформации, которую суждено испытать (перенести) Осирису.

Сет подводит нас к крайностям, к пропасти наших страстей и безумств, настолько сильных, что мы неизбежно сталкиваемся с наивысшим пределом желаний — со смертью. Существует множество примеров, иллюстрирующих разрушительное влияние неводержанности. Для алкоголика, вконец измучившего свою собственную печень, смерть станет еще одним, но уже последним глотком. Похоть священника-педофила обречена на духовную смерть в аду. Как ни странно, неумеренность в желаниях влечет за собой как смерть, так и искупление. Мы либо поддадимся искушению и умрем, либо мы преодолеем свою страсть и будем жить вечно, что мы и увидим в случае с Осирисом. Сет не единственный, кто творит свои бесовские делишки. Пока он сеет смерть, его сообщники содействуют ему в распространении тления и распада.

Страдания Осириса — это идеальный образец для всех нас, поскольку без страданий нельзя постичь сокрытый свет. В Сете есть что-то от алхимика, который машинально осуществляет процесс слепого превращения спящей природы в абсолютно осознанное состояние. Этот вид зла радикально отличается от того, к которому мы в своем большинстве привыкли, но когда мы принимаем во внимание, что у Сета было много последователей (и даже Сети I, проектировавший гробницу Осириса в Абидосе, был «сыном Сета»), мы вынуждены переосмыслить его функции по отношению к трансформации сознания. В этом случае мы могли бы рассмотреть в кровавой сцене необходимость принесения жертвы, *felix culpa*, которая творится по закону высшей мудрости. Подобно тому, как гибнет растение, чтобы стать удобрением для будущего потомства, Осирис умирает для того, чтобы родилась и сформировалась новая, более осознанная форма жизни. Алхимики говорили: «В смерти одного заключено поколение другого.» А это поколение извлекает его из сферы сознания и погружает глубоко в коллективное бессознательное.

Гроб Осириса — это *vas hermeticum*, сосуд, в котором происходит трансформация бога. В различных интерпретациях

гроб называют ларцом, гробницей и саркофагом. Алхимики считают, что этот ящик имеет такое же значение, как и то, что происходит внутри него. Вспомним, что один из эпитетов Анубиса — Наиглавнейший в Погребальной Камере (гробнице), а его изображение запечатлено на ящике мага, — явный знак того, что распад всегда предшествует зарождению. Иногда такой ящик описывают как череп, или *vas mentalis*, в котором основные компоненты и стадии Делания изолированы от внешнего осквернения.

Череп, несомненно, ассоциируется с разумом, именно в этой области становится возможным процесс трансформации. «Герметический сосуд, — говорит юнгианский аналитик Эстер Хардинг, — это вещь в себе. И содержащиеся в нем фрагменты психического материала, разбросанные по всей вселенной человека, требуется собрать и слить воедино, давая тем самым жизнь новому творению.» Многие алхимики называли себя «Детьми Золотой Головы», это имя мы будем обсуждать далее в главе 8. Также череп имеет отношение к смерти, а размышляя о смерти, мы можем заглянуть за пределы эго. В «Анатомии Души» юнгианский аналитик Эдвард Эдингер так объясняет эту ключевую взаимосвязь: «В этом потрясающем образчике смерти как источнике рождения религии и сознания заключен сложный погребальный символизм Древнего Египта. Здесь также явно прослеживается происхождение алхимии. Бальзамирование умершего короля превратило его в Осириса, в вечное нетленное тело. Это прообраз алхимического опуса, в котором маг пытается сотворить бессмертный Философский Камень. Алхимический сосуд был приравнен к запечатанному гробу Осириса, содержащему все части тела бога.» Далее Эдингер предполагает, что «душа не сможет начать свое существование как обособленная сущность, пока не наступит смерть в буквальном понимании, смерть реальная, смерть физическая.» Таким образом, мы можем оценить, насколько значимой была смерть в представлениях древних египтян, поскольку без запретов и ограничений, насаждаемых в материальном мире, никакого понимания законов нематериального мира добиться невозможно. Сет, в таком

случае, предстает как жизненно важный этап процесса индивидуации. Он является катализатором, нарушающим status quo, и заставляет нас проявить свою темную сторону, что доставляет нам крайние неудобства.

Тот факт, что гроб очень точно подошел Осирису по всем его физическим параметрам, говорит нам о том, что процесс, который должен начаться, был задуман исключительно для его трансформации. Как хрустальная туфелька для Золушки, гроб здесь служит неким проводником, созданным специально для Осириса, чтобы он мог начать свой путь индивидуации. На данном этапе мы могли бы вообразить себе, как алхимик, собирающийся расщепить *Prima Materia* до самых элементарных форм, погружает ее в перегонный куб. Таким образом, считалось, что вещества, которые использовались в алхимии, страдают и умирают, когда их растворяют в кислоте и очищают от примесей. Во многом также работает психотерапевт, расщепляя на атомы проблему своего пациента посредством анализа — *lysis* означает «отпускать». Эта работа не из приятных и зачастую требует стойкости в противостоянии, рациональной аргументации и возвращения пациента к источнику его проблемы. При этом аналитик выстраивает с пациентом особые отношения, рассчитывая на целительный эффект своих сеансов, что способствует безопасному выполнению этой грязной работы. Выходит, что даже кабинет психотерапевта служит контейнером, в котором можно благополучно провести все эти операции. Не всякий человек с радостью расстанется с сознанием. Подобно плененному Осирису, пациентов также следует незаметно или даже хитростью заставить считаться с деструктивными аспектами собственной личности.

Осирис может быть мертвым, но его нельзя назвать несуществующим. Поскольку Тексты Саркофагов говорят о нем как о «спящем в воде», мы не можем знать, что переживает Осирис, запертый в ящике. Мы можем представить, как он жадно хватается ртом воздух и как каждая клетка его тела умирает от недостатка кислорода, а, может быть, в тот момент, когда гроб бросали в Нил, он был уже мертв. Но ведь Осирис — бог, а нам не дано знать, на что способен бог в подобных обстоятельствах.

В личном плане мотив этой смерти является «темной ночью души», которую человек должен пройти, чтобы родиться заново. И в то же время, это та самая отправная точка, откуда Осирис покидает высшие миры и находит свое постоянное пристанище в подземном мире, в котором будет повелителем мертвых. И дальше Осирис не покидает нас, продолжая существовать в царстве бессознательного, вопреки своему мертвенному сну, а мы, в свою очередь, должны будем осмыслить новую роль, которую он играет в пробуждении нашего сознания.

6

ПОДНИМИСЬ!

Узнав, что произошло с мужем, убитая горем Исида немедленно бросается на поиски его гроба. Дети сообщают ей, что его отнесло далеко на север. В Библосе гроб выбрасывает волной на берег, и он прибывает к дереву акации в тамошнем лесу. Неподалеку находится царство Асинадора и его супруги Астарты. К моменту прибытия Икиды дерево сильно вырастает. Сладковатый запах останков Осириса привлекает внимание царя, который срубает дерево и делает из него колонну для своего дворца. Исида сидит на берегу, потом превращается в старуху с волосами, заплетенными в косы. Царские дети, играющие на берегу моря, замечают ее. Исида сближается с ними и заплетает им такие же косички. Вскоре после этого девочки прибегают к своей царице-матери и рассказывают ей о старой женщине. Она обращает внимание на их странные прически и приглашает женщину во дворец. Царица разрешает Икиде переночевать у них и оставляет на ее попечение своего младшего ребенка.

Даже в наши дни раненый или убитый солдат должен быть доставлен на родину, к чему обязывает долг. Подобного рода героизм требует от человека храбрости, которая ослепляет его в минуты опасности, сопряженной с выполнением этой миссии. Мы можем наблюдать это мужество в Икиде, когда она узнает о смерти своего мужа. Она безутешно скорбит об убиенном Осирисе, но вместо того, чтобы погрузиться в траур,

она кажется исполненной дикой решимостью, которую в ней пробуждает смерть супруга. Как ни странно, Сет оказывается одним из тех, кто разжигает в ней эту реакцию, ибо именно он хозяин той энергии, которая побуждает людей оставить в стороне свои личные переживания и действовать во имя более высоких принципов. В нашем случае Исидой движет чувство долга перед ее пропавшим возлюбленным — найти и вернуть его домой.

Оставить в чужой стране погибшего друга, тем более брата и супруга, для древнего египтянина было невысказано. Если тело умершего не вернуть домой, его нельзя будет как следует похоронить, что лишит его возможности воскрешения. А поскольку все священные обряды совершаются на родной земле солдата, его может ожидать самая страшная участь, какую только можно вообразить — его душа попросту сгинет в царстве небытия.

Вначале Исида пребывает в растерянности по поводу того, куда ей идти и где искать тело мужа. Но дети указывают ей дорогу. Они говорят ей, что гроб отнесло далеко на север, за пределы дельты Нила, в зеленое море. Он пересек побережье Ливана и достиг древнего города Библос. Дети часто олицетворяют чистое сознание и новые идеи. Их невинность не запятнана никакими схемами и установками. В них говорит «истинный голос», которым они выражают свои мысли. И вот дети ведут Исиду к мужу, чтобы пара могла воссоединиться. Как станет ясно в следующей главе, эта встреча окажет огромное влияние на дальнейшее развитие психики. В этом мифе ничего не происходит случайно, каждая деталь наполнена смыслом. Если мы будем просто следить за повествованием, не задаваясь вопросами по поводу его символики, мы не заметим серьезной трансформации, которая происходит с Осирисом в момент его перехода на новый этап бытия, а также значения этого перехода для дальнейшего развития человеческой психики. Мы должны спросить, почему именно Библос становится тем местом, куда на его побережье выбрасывает саркофаг? Каково значение волны, которая несет ящик, чтобы тот разбился о дерево? И при чем тут акация? А что означают косы Исиды? Почему дерево, в котором покоится тело Осириса, срубают и используют в качестве опоры в архитектуре царского дворца?

Проливая свет на эти детали, мы обнаружим еще более сложные загадки. Что, например, означает тот факт, что горизонтальное положение Осириса, вытянутого вдоль своей усыпальницы, изменяется, и он переворачивается, принимая вертикальное положение? В чем смысл дерева, окутывающего саркофаг? Что происходит с пойманным в ловушку светом, *lumen naturae*, упомянутым нами ранее, который теперь загадочно сияет внутри дупла дерева, растущего на чужой земле?

Прежде чем рассматривать эти вопросы, представим, каким было бы душевное состояние Исиды, получившей весть об убийстве мужа. Думаю, эта новость могла быть для нее сокрушительной, ошеломляющей, застающей врасплох и переполняющей горем. Но ведь Исида — богиня, наделенная необычайной силой. Вместо того, чтобы впасть в скорбное отчаяние, она берет себя в руки и намеревается отыскать и вернуть тело своего мужа. Многочисленные тексты указывают на то, что Осирис был убит в Недите, недалеко от Абидоса. А если так, то получается, что Исида проделала путь в несколько тысяч миль. Для человека, живущего в Лос-Анжелесе, это было бы чем-то вроде путешествия до Амазонки — весьма странное и непонятное мероприятие, даже для богини.

Саркофаг Осириса мог бы найти пристанище в любом из городов по пути из Недита. Однако Библос, который считается самым старинным городом в мире, вероятно, был выбран по нескольким причинам. Своей древностью он уходит в период неолита. Есть ощущение, что Осирис возвращает нас к самым стародавним временам, возможно, к Началу Времен, предшествующих зарождения мира. Миф повествует нам, что кое-что произошло здесь тысячи лет назад. Перед тем, как рассказать, что же это могло быть, позвольте мне добавить, что изначально Библос носил название Гебал, это город, в котором до сих пор сохранились следы ранней финикийской цивилизации. Позднее греки дали городу новое имя из-за крупной торговли папирусом (*δύβλος*), которая проходила через его порты. Папирус в мифе об Осирисе играет огромную роль. Помимо того, что он был сырьем для производства пергамента, на котором записывались

священные сказания, важную функцию несет на себе папирусное болото для Гора; даже лодка Исида сделана из папируса.¹ В этих многочисленных ключах мы находим переплетение истории и мифологии, которые выделяют Библос среди всех прочих мест, куда мог причалить саркофаг Осириса. Раскрыв секрет мифа, мы поймем всю важность этих деталей.

Учитывая тесные, дружеские отношения, существовавшие между Египтом и жителями Библоса, неудивительно, что тело Осириса мифологическим образом оказалось именно в этом древнем месте. Более того, мы можем предположить, что царь был союзником Исиды и принял ее с распростертыми объятиями. Однако мы не можем знать, почему Исида выбирает такой странный способ незаметного проникновения во дворец. Непонятно, по какой причине она не могла открыто войти в него, вместо этого используя более женскую, тайную и магическую стратегию. Сидя под акацией, Исида превращается в старуху с волосами, заплетенными в косы. К настоящему моменту дерево уже постарело, и даже ба Осириса, которое нисходит на ближайшую ветку, кажется утомленным.

Беглый осмотр мифологической символики акации показывает, что не случайно ее ветки обнимают гроб Осириса.² Акация славится своей непорочностью и долготерпением духа, и, учитывая ее роль в мифе об Осирисе, масоны до сих пор считают ее символом воскрешения и бессмертия. Акация — крепкое дерево, испускающее сладкий аромат. Благовония в Египте использовались для омовения фараонов и поклонения богам. Но дурманные запахи также исходили от богов. Египтолог Ричард Уилкинсон сообщает нам, что ладан «имел весьма существенное магическое значение, обеспечивая умершему переход в божественное состояние, и этот факт находит свое отражение во взаимосвязи египетского названия данного вещества, *senetcher*, со словом *senetcheri*, означающим „обожествлять“.» Мы можем сделать вывод, что целью «обнимающей» акации было вдохнуть в тело Осириса священный аромат, чтобы сделать божественным и дерево, и его содержимое. Запахи распространяются практически невидимо, вызывая воспоминания и унося нас

в самые отдаленные места. Нам остается только догадываться, какое воздействие могло оказать на тело Осириса благоухающее дерево. Разумеется, благовоние было привычным средством из арсенала бальзамировщика, применяемым для очищения покойника. В алхимических рисунках дым и ладан обычно изображаются как средство, с помощью которого духи возносятся к небесам.

Божественность этого дерева заключена в прочных свойствах его древесины. Ее обычно использовали для изготовления мебели, а в Библии сам Бог наставлял Моисея «изготовить ковчег из дерева ситтим (акации)», а также «стол» из ее добротной древесины (Исх 25:10, 23). Мы говорим об акации не только потому, что из нее был сделан Ковчег Завета, кое-кто полагает, что горящий куст тоже был тем же самым деревом. Благовония из акации известны своим свойством задабривать и демонов, и богов, возможно, благодаря тому, что алкогольный напиток, получаемый из плодов этого дерева, обладает сильным опьяняющим эффектом.

Вот несколько вещественных причин, объясняющих, почему именно это дерево, а не знаменитые ливанские кедры, стали для Осириса и колыбелью, и могилой. Дурманящее воздействие акации также напоминает нам о Дионисе, хорошо известном боге, связанным с вином и земледелием, который рассеивает все заботы, призывая забыться в хмельных кутежах и распутстве. Эта связь не ускользнула от Плутарха, увидевшего поразительное сходство между Осирисом и Дионисом, зайдя слишком далеко, объявив их двумя ипостасями одного и того же бога. И, хотя мы обычно читаем о Дионисе в греческих мифах, его уже давно подозревают в том, что источник его происхождения следует искать в другой стране.

Геродот, известный греческий историк, упоминает и о других существенных деталях, отображающих взаимосвязь между Осирисом и его греческим двойником Дионисом: «Как только Дионис родился, Зевс зашил его себе в бедро и отнес его в город Нису, расположенный в Верхнем Египте, в Эфиопии; но ничего не говорится о том, куда после его рождения делся Пан. Так что

мне вполне понятно, по крайней мере, то, что эллины (греки) узнали имена своих богов позднее, чем все остальные, и что они приписывают каждому из них дату рождения, соответствующую времени, когда они впервые о нем узнали.»

Странный образ Диониса, рожденного из бедра Зевса, повторяет слова, сказанные Исидой в Заклинании 74 Текстов Саркофагов, в котором она молитвенно взывает «Осирис, живой! Позволь Безжизненному подняться по одну сторону». Согласно Рэндлу Кларку, «Просьба встать по одну сторону — одна из наиболее важных тем в цикле Осириса. Воды ежегодного наводнения исходят из бедра бога.» Определенно мы можем предположить, что бедро бога обозначает его фаллос.

На рисунке 6.1, взятом из манускрипта четырнадцатого века, мы видим дерево, очень похожее на акацию, растущую из бедра раненого человека. Надпись, сопровождающая рисунок, раскрывает его смысл: «Из смерти происходит новая жизнь. В то время как тело покоится внизу, его эфирная часть возносится, точно так же, как человеческие душа и дух покидают тело, когда смерть освобождает их.»

Это дерево растет из гениталий мужчины, что еще раз указывает на плодovitость Бога, который обязательно «Встанет!» Эти слова, обращенные к Осирису, умоляют и почти приказывают ему освободиться от усталости, внушенной ему рождением и смертью. А отсюда следует, что царь, срубивший дерево (иначе оскотивший) и сделавший из него колонну, поддерживающую свод дворца, по сути, являет собой образ эрегированного члена. Алхимик Фабрициус далее вносит дополнительные сведения, раскрывающие другие грани данного образа: «В представлении алхимиков он [*arbor philosophica*] (философское дерево — прим. перев.) появляется как спящий Адам в Эдемском саду». Купаясь в свете матери-Луны, Адам соединяется с древом познания, а также с Евой, все еще существующей как „кость от кости его и плоть от плоти его“ (Бытие 2:23). Ствол растет из чресел Адамовых подобно его эрегированному пенису, устремленному в венок из яблок. Рука *Mercurius philosophorum* (Философская Ртуть — прим. перев.) пробил небо и пронзила сердце Адамово стрелой (означающей смерть в любви).

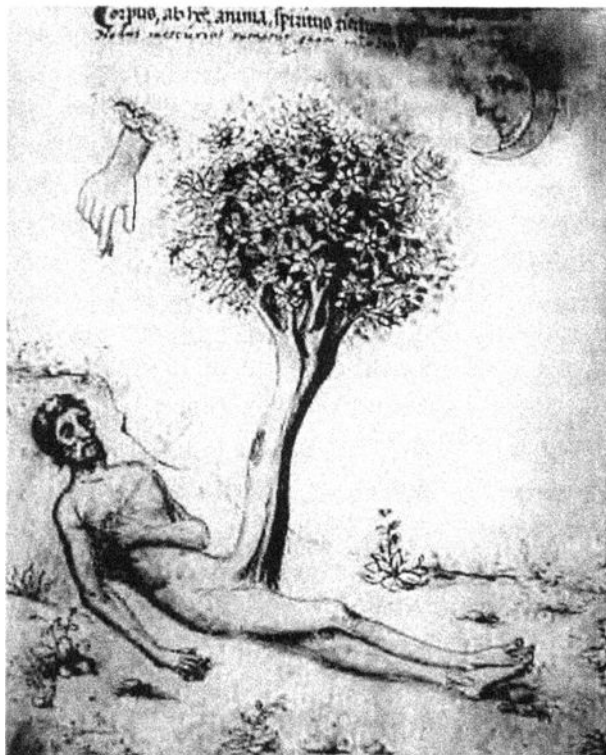

Рис. 6.1 Фаллическое дерево

Сексуальная символика всех этих сюжетов, безусловно, настолько увлекательна своей фалличностью, что мы рискуем упустить едва различимые ключи к тайне, заключенной в этих сценах. А потому я собираюсь указать на два символа, которые вызволят нас из мифического царства и перенесут нас напрямую в мистическое измерение. Первый мы найдем в заплетенных волосах Исиды. Согласно тексту книги Дениз Дерсин «Какой была жизнь на берегах Нила», египтянки тех времен не заплетали кос. И в самом деле, из-за присущей тому времени проблемы педикулеза женщины, как и мужчины, носили парики, и, как видно практически из каждого рисунка, изображающего египетских женщин и богинь, они никогда не завивали волосы и не заплетали их в косы. В некоторых случаях волосы Исиды

«растрепаны и ниспадают на [ее] лицо, иногда волосы на [ее] голове всклокочены», что свидетельствует о том, что она представлена в виде пламени или опечаленной участью своего супруга. Заплетенные волосы несут на себе большую смысловую нагрузку, если рассматривать их с мистической точки зрения.

Узор переплетенных кос указывает на то, что две части одного и того же вещества одновременно разделены и чудесным образом дополняют друг друга. Этот образ напоминает близнецов, двух супротивных змей, обвивающих кадуцей, посох Гермеса. Более раннюю форму мы видим в скипетре Тота на расписанных стенах Абидоса. Там змеи символизируют объединение Верхнего и Нижнего Египта. Они соединяются, принимая вид змея Урея, украшавшего короны фараонов. Это и предупреждение будущим врагам, а также символ, выражающий синергетический поток энергии, необходимой для осуществления интеграции разрозненных и часто конфликтующих частей психики.

Косы Исида, если рассматривать их на космическом уровне, указывают на элементарную форму спирали, которая находится где-то выше, в форме больших спиральных галактик, и ниже, в винтообразной структуре ДНК. Вихревая энергия, заключенная в спираль, есть вездесущая архетипическая сила, свойственная природе и всем древним культурам. Десятки превосходных примеров можно увидеть в книге Джил Пёрс «Мистическая спираль». Любое вихревое движение противоположностей — от простого рисунка ракушки, мандалы, лабиринтов или кружащихся в танце дервишей — несет в себе гармонию. «Сами по себе две пряди, — говорит Малковски, — пребывают разрозненными. Но сплетаясь друг с другом, они создают взаимопересечение, порождающее форму.»

Некоторые из этих идей были хорошо известны египтянам. Они, в частности, считали, что медитация на основные симметричные геометрические тела производит лечебное воздействие. Мы также видим спираль, выступающую из пшента, двойной короны, изображающей энергию, сияющую из лба фараона. Двойная корона символизирует не только объединение некогда раздробленных земель, но также синергетическую энергию,

излучаемую третьим глазом в форме космического спиралевидного выступа. В этой связи мне также хотелось бы вспомнить столб джед, или колонну, которую мы вскоре увидим в мифе, где стоящее вертикально и окутанное акациевым деревом тело Осириса, было доставлено в царский дворец. Волна, породившая все эти действия, — еще один пример вихревого действия спирали.

Винтообразное действие заплетенных волос и волны весьма динамично. Эта архетипическая форма выражает движение и изменчивость энергии. Очень часто я объясняю своим пациентам, что исцеление можно представить себе в виде движения по спирали от старых точек фиксации их жизни к более высоким уровням сознания. Вместо однообразного движения по кругу, в котором пациент застревает, повторяя старые, неработающие паттерны, лечение дает возможность применить в конфликте больше сознательности и, как результат, приносит свежие идеи, другой настрой и новые модели поведения. Движение энергии не сводится к фиксации, но в целом, активизирует весь спектр сознания. Точнее это действие можно назвать сдвигом, нежели развивающим движением, поскольку существует внезапная смерть или потеря старой личности и появление новой. «Ни одно существо не может достичь более высокого уровня в природе, — пишет Ананда Кумарасвами, — если оно не прекратит своего существования.»

Есть предположение, что египтяне разработали технологии по преобразованию энергии, и что йога вполне могла зародиться именно в Египте. Йога — это одна из самых лучших систем для трансформации психической энергии. Кундалини-йога, в частности, демонстрирует ту же самую спираль преобразования грубой энергии в более тонкую ее разновидность. Согласно этой

Рис. 6.2 Спиралевидная деталь короны Пшент.

системе змея кундалини просыпается в корневой чакре и посредством медитации движется вверх вдоль позвоночного столба, пробуждая каждую из семи чакр. Каждая чакра является центром психофизической энергии. Как мы уже видели на рис. 3.2, Нут принимает позу йоги, которая теперь хорошо известна как «собака мордой вниз». В том, что мы могли бы назвать египетской йогой, такая практика будет основана на соответствии между чакральными точками и телом Нут. Вспомним, что Нут была небесной богиней. Теоретически, солнечная энергия восстанавливается по мере движения Солнца за двенадцать часов ночного времени, о чем свидетельствуют определенные органы анатомии Нут: Ее губы соответствуют второму часу, зубы — третьему... ее горло и грудь пересекаются в течение четвертого и пятого часов... В десятом часу Солнце, наконец, достигает ее вагины и перерождается.» Перед тем, как душа умершего отправится в это путешествие, она сперва должна найти свой путь через лабиринты подземного мира, в котором правит Осирис. Колонна Джед символизирует мощь и стабильность, обретенные душой ба, как только она становится единой с Осирисом. В своей простейшей форме, колонна Джед представляет собой позвоночник Осириса. В человеческой анатомии позвоночный столб вместе с мозгом составляют центральную нервную систему (ЦНС). Все операции, требующие высшие корковые функции, осуществляются через эту систему. Каким бы важным ни было значение ЦНС, для поддержания критического мышления и целенаправленных действий организму все же требуется более фундаментальная система, выполняющая основные обслуживающие функции, такие как дыхание, циркуляция крови и защитные функции организма типа «сражайся или беги», которые являются бессознательно опосредованными и реагируют рефлекторно. Это территория автономной нервной системы (АНС). Несмотря на свое преобладание в современном человеке, на заре цивилизации ЦНС существовала лишь в зачаточном состоянии. «Вначале, — пишет этолог Лайэлл Уотсон, — там были только произвольные реакции; все происходило бессознательно. Затем, когда сложность в сообществе клеток достигла критического уровня,

Рис. 6.3 Установка колонны Джек

появились первые проблески истинного сознания, сочетающего в себе энергию и чувствительность.»

Чувствительность, о которой говорит д-р Уотсон, происходит из силы образа, который появляется из избыточного сознания. Это похоже на восхищение человека, смотрящего на свое отражение в зеркале. Но благодаря этой поглощенности существуют сопряженные с ней опасности. Например, самопоглощенность охотника в процессе охоты может отвлечь его от цели и привести к тому, что он промахнется. Тщеславие, гордыня, добродетельность — вот другие угрозы, чьи корни уходят в ту же самую причину. Подобное маниакальное внимание также создавало проблемы алхимикам, это было нечто, что они называли *fascinosum* («очаровывающий» — прим. перев.).

Годы, проведенные за пристальным вглядыванием в огненный сосуд и рассматриванием каких-либо признаков успеха, вызывали заблуждения в рассудке адепта. По этой причине в целях защиты организма «жизненно необходима диссоциация», утверждает Уотсон. Другими словами, ученые пришли к убеждению, что для обеспечения выживания сознание должно быть отделено от бессознательного. Непредвиденным последствием является тот факт, что многие люди либо не знают о бессознательном, либо полностью отрицают его существование.

Несмотря на то, что нервные системы необходимы для жизни, именно ЦНС поднялась из своего скромного положения на эволюционной лестнице. Но что послужило толчком для этого эволюционного события? Мы пока не знаем. Все, что мы знаем, так это то, что абстрактное мышление и зарождение современного сознания являются следствием этих глубоких изменений. И все же подобные идеи непросто признать, особенно ученым-материалистам. Теорий хоть отбавляй. Забавно, но самые великие открытия происходят из тайны неизвестного. Великий биолог Лорен Айзли уже в преклонных годах как-то признался: «В мире нет ничего, что бы могло объяснить этот мир. Ничто не может объяснить необходимость жизни, ничто не в состоянии объяснить жажду отдельных частей превратиться в живой организм, никак нельзя объяснить, почему бесстрастный мир камней,

почвы и минералов так разнообразен в своей красоте, ужасе и изменчивости.» Здесь мы оказываемся на краю имажинального мира, уставившись в темноту с «праведным любопытством».

Лишенные благ изоциренного индивидуализированного эго, что присуще нашим современникам, египтяне не боролись с вопрошающей реальностью. Мир был словно чистый холст, свободный от необходимости поиска разумного смысла существования и даже не утруждающий себя возней с бессознательными комплексами. «Мифопоэтическое мышление древних, или «мышление, творящее мифы», — объясняет Франкфорт, — допускало параллельные *ограниченные* идеи, которые были отнесены к категории *синхронно* действующих, каждая только в присущем ей контексте и в соответствии с конкретным направлением.»

Такое многообразие подходов позволяло рациональному мышлению сосуществовать с нерациональными убеждениями. Демоны жили среди египтян, поскольку именно они выстраивали самые сложные структуры в мире. Им принадлежала более упрощенная реальность, если говорить в терминах неврологии, где противоречие и отсутствие логической преемственности не смешивались с наиболее органической, магической реальностью. Так, например, они не испытывали никакого противоречия в том, что усыпальница мертвого на самом деле могла находиться более, чем в одном месте. Одни отводили ей место в Поле Подношений, за пределами Сириуса, Полярной звезды в северном небе, в то время как другие считали, что это было на западе, за горизонтом, куда каждый день спускается Солнце. Разумеется, здравый ум предполагает, что это «поле» должно находиться в строго определенном месте, оставляя ему возможность фактически существовать где угодно, куда только разум пожелает его поместить. Несмотря на невозможность включения этой несуразной географии в единую карту, египтяне обладали отменным чувством направления и удивительными технологическими приемами нахождения подходящих земных поверхностей, способных выдержать массивные каменные сооружения. При тщательном изучении египетских храмов можно заметить,

с какой аккуратностью размещена каждая статуя, как скрупулезно высечен каждый иероглиф и даже отверстия в потолке вырезаны так, чтобы солнечные лучи в течение всего дня падали именно на священное место. Поэтому было бы серьезной ошибкой игнорировать положение тела Осириса — с юга на север, пока оно плыло в сторону Библоса, и его вертикальную позицию, в которой гроб прибило к дереву акации. Таким образом, мы видим, что его позвоночный столб также перемещается из водного царства и поднимается, чтобы принять возвышенное положение, ориентированное на небо. Физически, спинной мозг становится колонной, или основой, поддерживающей головной мозг, освобождая при этом руки людей, чтобы они могли делать разные вещи и защищать себя, используя дополнительные ресурсы более развитых корковых функций. Переход человека от стадии морского существа к стадии сухопутного животного представляет собой важный шаг вперед в хронологии происхождения сознания.

Можно ли в данном случае считать, что миф об Осирисе отображает кардинальные перемены в эволюции человека? Может, в этом кроется причина того, что древний Библос был выбран в качестве места, откуда сознание вышло на землю и впервые за все время встало и выпрямилось? Не пересказывает ли этот миф историю о восхождении из хаоса бога Атума и о совершенствовании человеческого разума? Наши предки, несомненно, были очень толковыми и все-таки они не обладали четко-определенным личностным эго. Поэтому я сильно сомневаюсь, что в этом мифе изложен верный путь трансформации, который, должно быть, имел место, когда люди вышли на землю. Но мы не должны слишком торопиться отбрасывать тайное значение мифа, ибо он исходит не от сознательного эго, а от самой природы. А для алхимиков природа — их проводник и учитель. «Желающий постичь Книгу Природы, должен исходить ее страницы собственными ногами» — наставлял алхимик пятнадцатого века Парацельс. В рассматриваемой части мифа об Осирисе природа дает нам понять, каким был ход человеческого развития, и физического, и психического. Последовательное движение

саркофага Осириса от моря к дереву и дворцу символизирует постепенный переход человеческого вида, по прихоти природы, в цивилизованное измерение реальности.

«Поднимание» Осириса представляет собой непривычное доселе выравнивание позвоночника, новое ориентирование в пространстве и зародышевое появление индивидуальной самобытности. Как нам уже известно, мы не можем отделить миф от истории. Итак, мы видим нечто вроде древнего воскрешения, по мере того как дерево, «приютившее» Осириса, доставляют на королевский суд. До этого момента индивидуация была коллективным явлением, за исключением фараона, чьим предназначением было обретение Божественной Самости. Он был групповым пунктом доступа, посредством которого люди наблюдали полное проявление личностного развития, что наилучшим образом символизируется архетипом Самости. Как таковой, он один был каналом, через который люди вступили в контакт с запредельным миром. Это, однако, всецело меняет картину воскрешения Осириса. Как мы знаем, при правлении Эхнатона происходит смещение центра власти от фараона к богу, а вместе с ним рождаются более личные отношения с божествами. И хотя царь в мифе не знает, что именно Осирис обеспечивает стабильность его государства, мы знаем, что бог — а не царь — поддерживает центральную колонну мира.

Эта центральная колонна превратилась в целый образ, *Axis Mundi* (Центр Вселенной — прим. перев.), весьма распространенный в мире мифологии. Более того, он принимает бесчисленное множество форм в религии, экологии, архитектуре, духовности и разных мистических культурах. Будь то Древо Жизни, Лестница Иакова, Храмовая Гора, Гора Кайлас или Великая Пирамида в Гизе, *Axis Mundi* считается центральным столбом, вокруг которого вращается, преобразуется и, в конечном счете, удерживает мир психическая энергия. Тексты Пирамид описывают эту ось как лестницу, по которой ступают в рай чистые сердцем люди: «Лестница в небеса будет проложена для него, чтобы идя по ней, он смог достичь блаженства.» В алхимии Ось Мира представлена золотой цепью Гермеса, объединяющей

противоборствующие силы и связывает человека со всеми проявлениями реальности — земным, астральным и духовным. Основой этих образов является колонна Джед, позвоночник всевышнего, удерживающего всю жизнь.

Мы не должны позволить подобному утрированию завуалировать тот факт, что Осирис умер и канул на чужбине, вдали от родного дома. А тем временем Исиду в облике старухи радушно приветствует царица и поручает ее заботам своего малолетнего сына.

ИСИДА, ХЕКА И АЛХИМИЯ

Царица встречает Исиду, появившуюся в образе пожилой женщины, и проводит ее в покои, где установлена колонна, внутри которой заключено тело Осириса. Ночью из комнаты доносятся странные звуки, и царица решает выяснить их происхождение. В ужасе она видит, как в очаге горит ее ребенок, а вокруг колонны летает коршун. Как только она выхватывает своего сына из догорающих углей, коршун превращается в Исиду. Богиня объявляет, что признает в ней настоящую царицу и укоряет последнюю в том, что та помешала совершить магический обряд, который мог бы даровать ее царственному сыну бессмертие. Затем она просит, чтобы ей отдали гроб ее мужа. И прежде, чем вернуться с ним домой, она дает указание построить в его честь храм.

Плутарх говорит нам, что царицу зовут Астартой, что вызывает вопрос о том, а не является ли царица богиней. С исторической точки зрения, Астарта была египетской богиней, чья популярность достигла своего пика в период Амарны (ок. 1353 г. до н. э.), когда Египтом правили фараоны восемнадцатой династии — Эхнатон, Тутанхамон и Хатшепсут. В это время Астарту почитали в Египте как богиню плодородия, сексуальности и войны. Греки приняли ее в свою мифологию, назвав Афродитой. Астарту часто связывают с Анат, еще одной богиней войны; обе богини были женами Сета.

Та ли это Астарта, что упоминается в нашем мифе? Если это так, то она наверняка признает в Исиде богиню и призовет себе в помощь сверхъестественные силы, дабы установить источник криков, доносящихся из спальни. Но вместо этого царица воровато пробирается в комнату и прячется за шкафом. Кажется, она вовсе не обладает магическим даром и не понимает, что Исида вытворяет с ее сыном; не говоря уже о том, чтобы вылечить от недуга собственного ребенка. Не такого поведения можно было ожидать от богини. Может, она богиня только на словах? На протяжении сотен и даже тысяч лет не было чем-то диковинным для мужчин и женщин брать себе второе имя в надежде, что замена их собственного имени на имя бога или богини наделит их, а также их деятельность, сверхъестественной силой.

Не стоит путать данный способ присвоения личности бога с воплощением бога; первое является примером симпатической магии, а последнее представляет собой симпатическое взаимодействие, предполагающее «проникновение» в исследуемый религиозный объект и переживание его с целью сделать его живым. «Только тогда, — пишет голландский философ Уильям Бреде Кристенсен, — можно достичь понимания культов прошлого с позиции их приверженцев.»

При симпатической магии бытует убеждение в том, что власть бога передается человеку через процесс инфицирования. Так, например, меч героя-воина передавал свой дух могущества тому, кто дотрагивался до него. Аналогичным образом, имя какой-либо вещи являлось чуть ли ни эквивалентом самой вещи. Основные способы творения у бога Ра осуществлялись путем присвоения имени вещам. Таким образом, способность фараона поддерживать господство Ма'ат вытекала из двух источников: *Сиа* (восприятие) и *Ху* (речь). Первая позволяла ему воспринимать всю полноту смыслов и удерживать их в своей голове (у египтян — «в своем сердце»), в то время как *Ху* наделял его слово силой, чтобы оно тотчас же стало реальностью.»

Имя человека — это нечто большее, чем просто ярлык, который мы вешаем на свое человеческое тело, оно содержит

в себе историю личности, некое свидетельство, душу (*Рен*), сущность и т. д., подобно летописи, хранящей информацию для потомков. Стены храмов зачастую демонстрировали целый перечень фараонов и многочисленных правителей, носящих одно и то же имя. Например, существовало шесть Птолемеев и четыре Клеопатры. Наряду с тем, что многократное использование имени оберегало дух царских кровей внутри династии, оно также было призвано даровать будущим поколениям власть, накопленную могущественными царствующими предками. Искусство давать имена, как мы видим это на примере с Ра, — это акт творения, но он способен также воссоздать первоначальную энергию и передать ее другому лицу.

Подобная магия осуществляется путем воссоздания самого Первого Раза. «Это было достигнуто, — пишет Найдлер, — через акт инвокации, при котором надмирная, или архетипическая, реальность была низвергнута в земной мир, наполнив последний божественной силой.» Заложенный здесь принцип, как рассказывает нам мифолог сэр Джеймс Фрейзер, основан на убеждении, что «предметы действуют друг на друга на расстоянии через негласное участие. Это импульс, передаваемый от одного к другому посредством чего-то, что мы можем представить себе как невидимый эфир, или нечто, что по допущению современной науки, служит аналогичной цели, а именно, объяснить, каким образом на физическом уровне вещи могут влиять друг на друга через пространство, которое кажется пустым.»

Симпатическая, или подражательная, магия происходит из конкретной идеи, что вся жизнь — это Одна Вещь, которая имеет бесконечное множество проявлений. Жизнь, согласно такому представлению, наполнена сознанием, которое внешне проявляет себя как материя, а внутренне — как дух. Контролируя последний, маг способен направлять энергию как от объекта, так и на объект. Подобное умение было особо пригодным в загробной жизни, где можно было ожидать столкновения с демонами; а надевать на себя лицо бога было по существу то же самое, что и чтение заклинания. Поэтому

Тот, кто владеет заклинанием,
Уподобится богу Солнца на востоке
Соблюдающий данный принцип
Сам как Великий Бог.

Магия подобного рода была столь же ценной и в повседневной жизни. По данным Найдлера, фараон проходил через замысловатый ежедневный ритуал, в котором его «омывали, окуривали благовониями и давали ему жевать шарики из углекислого натрия (соли).» Каждое из этих действий «соответствовало космическим и мифическим событиям возрождения Бога Солнца из вод Нун.» Найдлер поясняет, что происходит дальше: «Затем фараон поднимается по лестнице Храма Утра точно в тот же момент, как его небесный отец Ра поднимается над горизонтом. Подобно тому, как Солнце очищалось и возрождалось каждое утро в Храме Под Горизонтом, а затем восходило на небо, также и царь выполнял этот ежедневный ритуал. Таким образом, туалетная церемония проецировала его на Первые Времена в повторяющемся сочетании земной и извечной реальностей, через которые его личность, как образ Ра, восстанавливалась на земле каждый день. Я уверен, что немногие из нас столько значения придают своему утреннему туалету, но если принять божественное видение мира, мы обнаружим, что все содержит в себе частичку благодати и трансцендентности. Симпатическая магия вполне симметрична в том плане, что между высшей и низшей реальностями существует связь, в которой эти реальности не только отражают друг друга, но еще и обладают свойством взаимопроникновения. Мы могли бы еще добавить, что то, что сверху и то, что снизу, можно расценить как нечто, что существует внутри и снаружи; в этом случае мы обнаружим себя на пересечении четырех измерений. А произнося свое имя, мы тем самым фиксируем свое духовное положение в этой центральной точке. Но пока мы не наполним осознанностью каждый момент этой сцепленности, мы неизменно будем промахиваться мимо цели и не сможем в дальнейшей перспективе извлекать пользу для себя.

Создание сосуда сознания сродни творению *vas hermeticum*, в котором может произойти алхимическая трансформация. Одна из моих задач как психотерапевта заключается в формировании такого сосуда, в котором осуществляется процесс исцеления. Терапевт «создает пространство» для своего пациента, прибегая как к формальным, так и неформальным методам лечения. Строгие правила охраны личной информации — неотъемлемая часть медицинского договора, обеспечивающая высокий уровень конфиденциальности. Создание и поддержание духа сотрудничества помогает построить доверительные отношения между психотерапевтом и пациентом. На практике, однако, подобные формы секретности представляют собой настоящее искусство, требующее от терапевта взвешенного подхода к праву пациента на неприкосновенность, учитывая, что утаивание крайне важной информации потенциально влечет за собой неминуемую опасность.

Алхимику, так же как и терапевту, приходится иметь дело с истиной. Найти подходящее применение этим тайным знаниям — очень тонкое и коварное искусство, требующее наивысшей степени целостности. На только ухищрения не идут фальшивые маги, чтобы одурачить своих благодетелей. Распознать в Астарте настоящую богиню, равно как и Исиду в образе коршуна, — задача, посильная только настоящему магу. Отличить истинного адепта от шарлатана иногда бывает очень трудно; зачастую такие промахи приводят к трагедии.

Вполне вероятно, что царица взяла себе имя Астарты для того, чтобы придать значимости своему имиджу при дворе. Ее подозрения насчет Исиды и неспособность узнать ее в облике коршуна указывают на то, что Астарта никакая не богиня и вообще не имеет опыта в делах магии. Раз так, будем считать ее обычным человеком со всеми недостатками, присущими любому смертному. Поэтому неудивительно, что первое, что мы узнаем о царице, — это то, что ее маленький сын болен и его отдают на попечение той, чье могущество намного сильнее, чем ее собственное. Но вопросы все-таки остаются. Мы не знаем, чем страдает мальчик, и почему царица вверяет его заботам абсолютно незнакомой женщины.

Такие моменты делают мифы похожими на сны. Действительно, эта сцена является одной из самых чародейственных во всем мифе — зловещая смесь египетской магии *heka* и алхимии. Я думаю, что для лучшего понимания этой части мифа было бы уместнее воспринимать его как сон. Поскольку данная сцена разыгрывается преимущественно с участием двух женских образов, Исиды и Астарты, нам стоит потратить свое время, чтобы проникнуть немного глубже в женскую психологию, чтобы выяснить, что же происходит на самом деле.

Появление мужской фигуры в женском сновидении обычно указывает на анимус, архетип, выражающий маскулинную сущность в личности женщины. В своей книге «Анимус и Анима» Эмма Юнг отмечает, что анимус обычно проявляет себя в снах и фантазиях «как отец, любовник, брат, учитель, судья, мудрец; колдун, художник, философ, ученый, строитель, монаха.» Любой из этих образов служит женщине неким интуитивным путеводителем в постижении своей сущности и ее отношения к анимусу. Этот архетипический мужчина является самым наглядным в сновидениях. В моей работе с женщиной, счастливой в своем браке, которая в детстве неоднократно подвергалась сексуальному домогательству со стороны мужчин, я почерпнул кучу сведений о ее текущей жизни по снам, о которых она мне рассказывала. Ей приснился молодой, красивый, мускулистый мужчина, который увел ее у мужа. Он увез ее за много миль от дома, к себе в дорогой кондоминиум на побережье океана. Он был серфингистом, и позднее он сломал себе спину в результате несчастного случая. Пока его пьяный отец вез его в больницу, они попали в чудовищную катастрофу и молодой человек умер. После этой трагедии она обнаружила, что беременна его ребенком. Мы легко можем увидеть в сновидении власть негативного анимуса, который удерживает женщину мертвой хваткой.

Анимус, как и любой другой архетип, ни хорош, ни плох. Архетипы подобны богам и богиням в том, что они служат процессу индивидуации, усиливая энергетику, присущую нашей внутренней природе. Эти энергии могут помогать нам либо, в комплексе, заставляя нас как под гипнозом, бессознательно повторять неблагоприятные модели поведения.

Если женщина часто грезит мужчинами, наделенными властью, можно предположить, что она обладает огромным запасом мужской силы, которую черпает у них. В зависимости от того, насколько осознанны ее отношения с анимусом, она может проявлять положительные мужские черты. На деловой встрече, к примеру, она может свободно высказывать свое мнение, держать оборону в спорах с коллегами. Женщина, имеющая зрелые отношения со своим анимусом, способна, по мере необходимости, вызывать к жизни мужскую энергию бессознательного. Она может быть в меру настойчивой, когда нужно; разумно сдерживать свои эмоции; быть сосредоточенной, неторопливой, обладающей структурным мышлением. И наоборот, женщина, которой не хватает подобной интеграции, подвергается бесконтрольным всплескам со стороны анимуса. Она может быть нервной и агрессивной или наоборот, оказаться неспособной сдерживать свои эмоции. Вспоминая о том, как царица Хатшепсут надевала бороду и требовала, чтобы к ней обращались, как к царю, совершала длительные путешествия в чужие края, занималась грандиозными строительными проектами, мы можем предположить, что анимус был доминирующим в ее психике, вступая в роли компенсирующего фактора ее женственности. Такая женщина зачастую бывает властной, безжалостной и не в ладу с собственным телом. В наших нынешних условиях мы находим царицу с ее больным сыном, — признак, возможно, указывающий на немоцное состояние ее собственного анимуса. «Иногда, — добавляет Эмма Юнг, — анимус представляется в образе мальчика, сына или юного друга, особенно когда мужской компонент женщины обозначен как пребывающий в стадии становления.» Иными словами, женщина в этом состоянии только начинает осознавать свой анимус — он молод, недоразвит и слаб. Царица беззащитна и подвергается опасности, пока не произойдет что-нибудь, что исправит ее отношения с больным сыном и недоразвитым анимусом. Увидев сына царицы и узнав, что мучает его, Исида призывает на помощь целительную магию. И здесь мы видим странное наложение в описании мифа. Пока царица наблюдает за происходящим,

она видит, как исцеляется и преобразается ее собственный инфантильный анимус, в то время как рядом стоит неузнанным тело Осириса, архетипический символ трансформации.

Исида пытается облегчить мальчику его путь индивидуации, прибегнув к алхимической пользе огня, и в то же время помочь его матери развить более зрелые отношения с анимусом. Нередко, чтобы трансформировать женскую неуверенность, требуется придать огню ее инфантильную манеру поведения. История часто повторяется. Нерешительная мать может баловать своего ребенка и за этим процессом не заметить, что божественные силы только тогда становятся осознанными, когда она подобающим образом отделяет себя от своего ребенка. И Исида очень хорошо знает, что для этого требуется.

Подвергая ребенка испытанию огнем, она намерена не только испепелить его потребность в матери, жажду привязанности и проекции, но в то же время превратить его в бога. Если бы царица не помешала Исиде, ее ущербный анимус занял бы свое законное место бога в ее психике. И как дополнительное преимущество, сын царицы стал бы свободным, не зависимым от матери и от того, кем он, по ее мнению, должен быть. И наконец, сжигание всех человеческих атрибутов мальчика могло в дальнейшем превратить его в бога по образу и подобию истинного фараона. Мы еще увидим, как разыгрывалась подобная динамика, когда Гору предстояло отделиться от Исиды, чтобы стать архетипической моделью фараона.

Постигая характер личности Царицы Астарты, мы начинаем понимать алхимический смысл данной сцены: Исида использует очаг подобно тому, как алхимик задействует печь для проведения «Операций Солнца». Здесь Исида применяет *calcinatio*, прокаливание, воздействие огнем, превращая грубую, физическую материю в золу, очищенную от примесей. И хотя в нашей повседневной жизни очень редко случаются явления, наглядно демонстрирующие нам процесс трансформации, огонь, безусловно, одно из них. Независимо от того, Солнце ли в небе или огонь в очаге заставляет вещи изменяться, мы должны помнить, что мир постоянно подвергается трансформации.

Для египтян Солнце было всем, оно было самой жизнью. В своем прекрасном стихотворении «Великий гимн Атону» Эхнатон говорит:

Когда стоишь ты на западном горизонте, земля погружается во тьму, по подобию смерти... Тьма таится и на земле затишье, пока Создатель их покоится в своей обители... Земля освещается, когда восходишь ты на восточном горизонте и светишь во все пределы, подобно Атону, в дневное время. Ты прогоняешь ночь, простирая лучи свои... А на заре свободны все пути твои. Рыба плещется в реке пред тобой. Лучи твои струятся по глади моря.

В этом чудесном отрывке огонь ассоциируется со светом, порождающей силой, освещающей день и озаряющей душу. «Огонь, как замечает Парацельс, это действие, дарующее бессмертие путем отделения того, что постоянно и неизменно, от того, что мимолетно и переменчиво.» В нашей мифе как раз это и пытается совершить Исида с царевичем — уничтожить связь между тем, что обречено на смерть, и тем, чему суждено жить вечно. Очищение огнем устанавливает связь «между эго и архетипической душой, давая первому осознать свой трансперсональный, вечный, то есть бессмертный, аспект.» Эта задача не из легких. В качестве пояснения Эдингер отсылает нас к греческому мифу о Персефоне, в котором ее мать Деметра после смерти дочери, долго блуждая, попадает в ад. Царь и царица, правящие в Элевсине, берут обезумевшую от горя Деметру под свою опеку. Как и Исида, Деметра пытается сделать бессмертным своего сына Демофонта, «удерживая его в огне». Точь-в-точь, как царица Астарта прерывает процесс трансформации, то же самое делает и Метанейра, вскрикивая в ужасе от происходящего. Ее эго не более разумно, чем эго Астарты, не сумевшей понять и поддержать энергию архетипической души.

Как только дело доходит до огня, мы становимся осторожными и боязливыми — мы, словно мотыльки, устремляемся к пламени, но не можем вынести его жара и опасности, которую

он несет собою. В алхимии подобная двойственность особенно актуальна, но ведь и психологическая терапия зачастую бывает изнурительной. «Человек варится в том, что для него более-менее приемлемо, потому как мы варимся в том, чем мы на самом деле являемся, и ни в чем больше; можно сказать, что человек варится в собственном соку.» Очень многие мои пациенты стремятся стать более индивидуализированными, но когда речь заходит о неизбежной проверке огнем, большинство из них уклоняются от данной работы. Мы охотнее цепляемся за свои застарелые комплексы, потому что они кажутся нам такими родными, и как ни странно, более тесно связанными с огромным потенциалом, скрытым в нашей темноте. Вот как объясняет этот странный парадокс фон Франц:

Когда человек застревает в своем невротическом комплексе, в его голове начинает прокручиваться одна и та же проблема... Но в этом же комплексе таится нечто нуминозное, и в самой глубине любого невроза или психоза в большинстве случаев сосредоточен символ Самости, за которую и цепляются люди, очарованные ее притягательностью. Если человек довольствуется тем, что сдерживает свою болезнь, тем самым подавляется и символ Самости, в этом кроется причина, по которой люди отказываются от лечения. Они интуитивно считают, что им проще жить, испытывая тяжкие страдания, что само по себе является жутким кошмаром.

Индивидуация подразумевает принятие совершенно новых ориентиров в жизни, что уже само по себе пугает. Прежнее эго уже не может к ним приспособиться, да и не должно, так как индивидуация не для тех, кто хочет адаптироваться, а для тех, кто хочет меняться. Эго просто не готово к переживанию опыта бессмертия, ибо оно существует в пределах пространства и времени. Поэтому, подобно царице, эго приходит в ужас, когда ее сын — символизирующий новый уровень реальности — грозит нарушить существующее положение вещей. Она

просто не в состоянии поддержать трансцендентную сущность Самости. Что касается египтян, то подобные достижения были прерогативой фараона, и им было вполне достаточно того, что он действовал как проводник между людьми и областью надличностного. С окончательным крахом института фараонов и под влиянием прочих их последователей — будь то священники, папы или пророки — люди столкнулись с обескураживающей проблемой выбора: либо существовать, становясь более осознанным, либо изменяться!

Любой терапевт испытывает отчаяние, если пациент сопротивляется проходить процесс трансформации, так необходимой для его индивидуации. Однажды я сказал своему пациенту, которого наблюдал в течение пяти лет: «Я раскачал лодку, но из нее выпал не тот человек.» Я пытался дать ему почувствовать свободу и ослабить его привязанность к семье, чтобы он «научился плавать» самостоятельно, но вместо этого я сам оказался за бортом. Должно быть, то же самое чувство испытывала Исида, которой помешали завершить обряд: смесь досады и сожаления. И все же, как богиня она возвышается над слабым человеком и с милосердием бодхисаттвы позволяет мальчику жить в этом бренном мире, во всяком случае, недолго. В обмен на гроб с ее мужем Исида благословляет царство и наказывает людям построить храм в его честь. По иронии судьбы, сын царицы сопровождает Исиду обратно в Египет, но когда ему становится уже неумогу сдерживать свое любопытство, и он открывает саркофаг, Исида бросает на него такой взгляд, что он мгновенно умирает. И к нам приходит понимание, что две эти ипостаси богини присущи ей одновременно, — она полна сострадания, но и внушает ужас.

SOLVE ET COAGULA

По возвращении в Египет Исида прячет гроб своего мужа в папирусном болоте. Об этом становится известно Сету, который, все еще желая смерти Осирису, в ярости разрубает его тело на четырнадцать частей. Он разбрасывает останки тела по всему Верхнему и Нижнему Египту. И снова Исида оборачивается коршуном и при содействии своей сестры Нефтиды отправляется на поиски разрозненных останков своего мужа. По мере нахождения каждого из них она совершает священные погребальные обряды. Ей удается найти все части тела Осириса, кроме одной, его пениса. На помощь Исиде приходит Тот и сообщает ей, что член был выброшен в Нил, где его съели рыбы. Тот восстанавливает пенис Осириса, и Исида заново собирает его тело воедино. Затем она расправляет свои крылья и волшебным образом оживляет Осириса для того лишь, чтобы осеменить себя. В результате рождается их сын, Гор. И вот Исида с Нефтидой сидят, не смыкая глаз, подле Осириса, оплакивая его и всячески оберегая, тем временем Анубис бальзамирует тело отца своего, а Гор все растет и мужает.

Если все еще остаются сомнения в том, что Сет — это воплощение зла, тогда эта сцена, безусловно, поднимает важный вопрос — являет ли он собой чистое зло или, как я предполагал, служит неким катализатором, так необходимым Осирису, чтобы окончательно принять на себя роль владыки подземного

мира? Не смотря на подлые деяния Сета, я по-прежнему утверждаю, что Сет — это не зло, но есть еще один персонаж, который не фигурирует в этом мифе, но более всего подходит на роль демона — Апоп. Действительно, из Текстов Пирамид нам известно, что Сет, темный бог ограничений, убивает этого разрушителя сознания. Помимо прочего, нам не следует забывать, что Сет — один из богов Эннеады. Наряду с этим мы не должны игнорировать тот факт, что именно Осирис некоторым образом спровоцировал гнев Сета, переспав с его женой. А теперь отставим в сторону свои суждения и подождем суда богов, которые и решат судьбу и Сета, и Осириса.

Сказание об Осирисе стоит особняком по отношению к мифу, демонстрирующему нам как Ра, плывущий в лодке по ночному небу, сражается чудовищами и демонами, дабы вернуть свет сознания миру. Заклятый враг Ра — это Апоп, чье единственное стремление заключается в том, чтобы потушить этот свет и сделать мир безжизненной, пустой оболочкой, низвергнутой обратно в воды Нун. Если истинное зло — это бессознательность, тогда Апоп и есть то самое зло, а именно, действующая сила полного уничтожения. Поведение Сета гораздо ближе поведению человека. Он переполнен ненавистью, завистью и желанием убивать, но все это, безусловно, эмоции, призванные смягчать и урезонивать своих же собратьев. По сравнению с Сетом Апоп — это змей низшего порядка, он слеп и глух к поступкам мужчин и женщин и действует в угоду деструктивным мотивам, которым чужды человеческие эмоции и доводы рассудка. В то время как Сет доводит индивида до самого крайнего предела его человеческой природы, Апоп стремится положить конец всему человечеству. И все же каждый из этих темных богов принадлежит мощной системе, которая определяет рамки человеческого сознания, обозначая границу, отделяющую порядок от хаоса. Когда они затягивают нас во мрак, компенсирующие силы сохраняют свои позиции, дабы предотвратить полный крах. Несомненно, Исида, призывающая себе в помощь любовь и магию, олицетворяет живительную силу, которая при случае готова дать отпор Сету и устранить порожденную им смуту. Следуя далее по сюжету

мифа, мы узнаем, что Исида не одинока в своей миссии. И здесь нас подстерегает искушение увлечься драматизмом истории и упустить тайный смысл, сокрытый в мифе, но прежде чем мы покончим с этой частью мифа, мы узнаем архетипический рецепт, раскрывающий главный закон мироздания.

Сет приходит в ярость, снова увидев мертвое тело Осириса. Он разрывает его на четырнадцать частей и, по словам Плутарха, разбрасывает их по всему Египту. И снова Исида кидается на поиски тела своего мужа. Ее сопровождает Нефтида — еще одно указание на то, что эта коварная богиня с ней заодно. Тексты Пирамид говорят, что «Приближается Исида, приближается Нефтида, одна с запада, другая — с востока, одна из них «кричащая», а другая в образе коршуна, они нашли тело Осириса, его брат Сет убил его в местечке Недит.»

Как уже отмечалось ранее, Осирис был убит и расчленен в Недите, название это происходит от слова *pedyet*, что означает «упасть на землю». Фразы типа «затаиться» или «лечь на дно» — это стародавние выражения, обозначающие смерть, уничтожение и убийство. Что касается Осириса, то его умерщвление было поистине зверским и в то же время символичным. В общечеловеческом плане, расчленение несет в себе жуткие образы жестокого наказания: обезглавливания, волочения и четвертования, различных пыток и гильотинирования. Если рассматривать человеческий облик как звездообразное тело — подобное наблюдение не ускользнуло от наших предков — то раздирание на части звездного тела приобретает символическое значение. «Обезглавливание, — пишет Юнг, — имеет существенный символический смысл как отделение „разума“ от „великого страдания и горя“, которые природа навязывает душе. Это высвобождение „*cogitatio*“, которое находится в голове, избавление души из „оков природы“.» Любой, кто страдает от страшной мигрени, оценит совет, к которому призывает Юнг. Люди, которые не могут уснуть ночью от постоянно копошащихся в их головах мыслей, или сверхэнергичные типы, которые просто не в состоянии перестать думать (или болтать), могут ждать в гости символическое обезглавливание.

Конечно, трудно предположить, что из этого чудовищного акта может последовать нечто положительное. Но с объективной точки зрения, нам нужно лишь рассмотреть, как эволюционирует мир, чтобы понять, что расчленение — это имплицитная операция, протекающая на всех уровнях реальности, включая внутренний мир психики. Мы существуем в непрерывном процессе расчленения, в котором взрываются сверхновые звезды и распадаются субатомные частицы, за каждым из этих явлений следует обратный процесс реинтеграции, создающий новые и более совершенные формы.

Ранее я отмечал, что власть египетского бога или богини в некоторой степени определяется количеством его или ее воплощений. Иначе говоря, в этом процессе разрушения заключен не просто способ положить всему конец, ибо смерть в таком случае являет собой обезглавливание жизни. Скорее всего, миф преподносит нам вполне реальную вероятную версию того, что расчленение служит для увеличения силы и рождения новой жизни. Доказательство в поддержку данной точки зрения мы находим в многочисленных новых поселениях, спонтанно возникающих там, где находит вечный покой каждая из частей тела Осириса. По одной из версий мифа, Исида с помощью магии создает из каждой части тела Осириса по статуе, тем самым оставляя в каждом городе его жителям веру в то, что именно они обладают целиком его священными останками. Эти поселения, или номы, произрастают благодаря порождающей силе, содержащейся в «соках» истекающей плоти Осириса. В конечном итоге четырнадцать колоний, порожденных Осирисом, объединяются, чтобы сформировать нацию. В наше время девиз «*E Pluribus Unum*» повторяет тот же принцип, а именно, «Единство в многообразии». Мифически данный принцип проиллюстрирован двумя миссиями, выполненными Исидой, которая сначала отыскала и вернула на родину тело Осириса, а затем восстановила его разрозненные останки, рассеянные по всему Египту, — сначала один, а потом и все остальные, которые волшебным образом воссоединились.

Как мы видели на протяжении всего мифа, каждая деталь при ее внимательном рассмотрении, имеет смысл. Поэтому тот факт, что Осирис был разрублен на четырнадцать частей, а не на двенадцать или девять, тоже может иметь существенное значение. Рассуждая в определенных понятиях, можно легко увидеть, как появляется эта цифра: рассечение в области лодыжек, коленей, запястий, локтей и плеч, с окончательным отрубанием головы, поясницы и пениса. В результате раздвигания Осириса таким изуверским способом получилось четырнадцать частей тела, — число, имеющее символическое значение.

Нумеролог Аннемари Шиммель в своей книге «Тайна чисел» довольно подробно описывает, почему число четырнадцать считают обладающим защитной и целительной силами. Она напоминает нам, что человеческий позвоночник имеет четырнадцать позвонков, воскрешая в нашей памяти символическое значение колонны джед. Учитывая родство Осириса с луной, вряд ли стоит удивляться, что этот факт соотносится с четырнадцатью днями, необходимыми для Луны, чтобы достичь полного яркого свечения, и еще четырнадцать дней — на ее убывание. Каждый фрагмент драгоценного тела Осириса впоследствии наполняется лунной энергией, обладающей силой восстанавливать его дух. Подобную тему расчленения и перерождения на критических этапах мы наблюдаем в алхимическом опусе. Множество примеров такого двустороннего взаимодействия встречается повсюду в алхимическом искусстве и литературе.

На рисунке 8.1 представлена гравюра, заимствованная из алхимического трактата пятнадцатого века *Splendor Solis*. На ней запечатлена ужасная картина расчленения, суть которой приводится тут же в поясняющем тексте: «В левой руке [убийцы] находится бумага, в которой написано следующее «Я убил тебя, дабы мог ты обрести жизнь в избытке, но голову твою я тщательно спрячу, чтобы словоблуды не смогли отыскать тебя и уничтожить землю, а тело я предам земле, чтобы оно сгнило и проросло, принеся многочисленные плоды.»

Для более полного понимания данного отрывка нам необходимо порассуждать над предыдущим эстампом *Splendor Solis*.

Рис. 8.1. Золотая голова

(здесь не показанном), изображающим крылатого гермафродита, держащего солнечный диск. Юнгианский аналитик Джозеф Хендерсон приводит прекрасное объяснение тому, что здесь происходит. В «Трансформации Психе» он указывает на то, что единство противоположностей, символизируемое гермафродитом, служит прообразом Самости. «Гермафродит, — пишет он, — как образ урегулирования противоположностей выглядит искусственным, несерьезным и слишком причудливым.» Иначе говоря, противоположности всего-навсего соединены в одно целое. В данном случае «Всегда существует опасность заикнуться на этой идее, забыв о воплощении трансформации.» Трансформация не терпит суеты. Алхимия — это постепенный, целенаправленный процесс, прокладывающий себе дорогу через тесные рамки между одержимостью и восторгом. «Словоблуды» уничтожают землю, делая поверхностные «выводы», лишённые вдумчивости и ответственности. Только с осторожностью и терпением объединяя противоположности, мы сможем пользоваться непреходящим преимуществом алхимического преображения.

Спешка, предупреждали алхимики, способна погубить самый хорошо продуманный эксперимент. В связи с этим хочу напомнить одну старую поговорку, которая предостерегает: «Не подгоняй реку, она течет сама по себе». Иными словами, мы должны настроиться на ритмы природы, а также привести в порядок свои собственные ритмы, во избежание столкновения с неописуемыми последствиями. Импульсивное поведение, неумение правильно оценивать ситуацию и необузданная страсть обычно приводят к катастрофе. Если мы пренебрегаем верностью своим внутренним ритмам и не заботимся о них надлежащим образом и не вынашиваем в голове план решения, прежде чем обратить его в действие, мы не только рискуем потерять почву под ногами, но, что еще хуже, — понести утрату целостности. «В психологическом плане, — говорит Хендерсон, — ложная целостность зачастую внутренне ощущается как телесная диссоциация или расчленение.» Как раз одна из таких ситуаций возникла с мужчиной средних лет, которого я лечил от горя

и депрессии, вызванных жестоким обращением со стороны его матери и смертью его дочери во время родов. Несмотря на свой ум, ясную речь и прекрасное образование, он, в общем, жил на грани финансового краха, не смог дописать докторскую диссертацию и нередко проявлял приступы взрывной ярости. Горе, переживаемое им вместе с супругой, которую я лечил отдельно, чуть не довело их обоих до самоубийства.

Мое первое впечатление о нем было, как такой умный человек может быть таким неудачником? Он выглядел как сломленный человек, который, несмотря на свой интеллект, не был хозяином своей жизни. Очевидно, потеря дочери сильно его подкосила, но казалось, что эта смерть не только заново обнажила травмы, нанесенные ему в детстве, но в более позитивном ключе предлагала ему выход в виде *mortificatio* (умерщвление плоти — прим. перев.), что давно уже назревало. Если бы ему когда-либо пришлось перейти через исцеляющий опыт трансформации, его болезненные воспоминания перебороли бы друг друга и претерпели символическую смерть. На тот момент у него просто не было золотой головы (см. рис. 8.1), которая появляется, когда человек проходит успешно опыт расчленения. Золотая голова, как пишет Хендерсон, «обозначает постижение Самости помимо осознания противоположностей. [Она] представляет собой уникальную и непреходящую ценность тем, что... [предотвращает] опасность повторного скатывания в привычные или инфантильные формы адаптации [т.е. решение, искомое «словоблудами», в приведенной выше цитате *Splendor Solis*].» Данное объяснение подтверждается традицией египтян использовать маску мумии, имеющей название «загадочная голова», или «голова тайны», которая сохраняла идеальный образ умершего.

Как ни странно, тема диссертации этого человека была связана с процессом инициации, которая во многих культурных традициях включает в себя некоторые формы символического расчленения. После проведения нескольких сеансов эта тема раскрылась в сновидении. Он вспомнил, что был на кладбище, стоя перед могилой, в котором были похоронены два обезглавленных тела, лежащие одно поверх другого. Под мышкой

он держал голову, которую, как он понимал, следовало присоединить к одному из тел, но он не знал, к какому именно. Неподалеку был мост, но он не мог пройти по нему, пока не прикрепит голову к нужному телу.

Размышляя над своими ассоциациями по поводу данного сновидения, пациент установил, что одно из этих тел было молодое, а другое — старое; старое тело было захоронено глубже. Но он никак не мог определить, кому принадлежит голова, которую он держал под мышкой. После долгих размышлений он заключил, что голову следует присоединить к старому телу. Это было его прежнее эго, покоящееся в глубинах его психики, с которым он уже давно утратил связь. Присоединение головы означало бы возвращение к жизни его старого «Я», дающего ему право вести себя более уверенно, или, как он говорил «без всяких колебаний.» Это решение посетило его после того, как он наведался к родственникам, которые собрались по случаю празднования восьмидесятилетия его матери. Он говорил о своей семье как о куче металлической стружки, не способной ни чувствовать, ни принимать любовь.

Годы, прожитые вместе с придирчивой, бесчувственной, требовательной матерью, опустошили его душу. Как описывает Хендерсон, у его пациента произошла «фиксация... без осуществления трансформации.» Проще говоря, он нашел в своем интеллекте спасительное убежище, в результате чего стал всегда и во всем применять интеллектуальный анализ; его чувства, не реализованные в личном опыте, стали сводиться к общим понятиям. В итоге, его уверенность в себе дала трещину, и он вообще почувствовал себя неполноценным. Все было так, будто резкий голос матери все еще обитал в его душе, и пока он не был в состоянии вырвать его оттуда, у него не было ни малейшего шанса избавиться от этого комплекса и благополучно справиться с депрессией, связанной со смертью ребенка. Его мать не один раз применяла акт обезглавливания, «вынося ему мозги» своей жестокой и грубой критикой.

Мужчине нужно было устранить эту трещину между Истинным Я и Ложным Эго, что защитило бы его от всплесков

ярости со стороны матери, а также требовалось объединение мыслей и эмоций. Он должен был найти способ соединить свою душу с «золотой головой», ибо это дало бы его старому телу новую жизнь. Отдавая дань его глубоко религиозной истории, мы связали золотую голову с идеей Божественного Разума, понятием, отражающим интеграцию всех психологических противоположностей. В своем сне мужчина пережил опыт, дарующий ему надежду. Бродя по дикой пустыне, он натывается на большую мертвую змею. Будучи знакомым с мифологией, а также офиологией (науке о змеях), он воспринял это как знак того, что ситуация меняется к лучшему. Змеи и двойные образы во снах (в нашем случае — мертвые тела) символизируют грядущие перемены. А именно, он почувствовал, что его скорбь по поводу гибели ребенка постепенно затихала, и он мог найти новые каналы любви. Оказалось, что любовь — это уравновешивающая сила, которая может не только исцелить душу, но и, как показывает текст, позволить ему «собрать многочисленные плоды.» Поэтому он уволился с бесперспективной работы, примкнул к новой группе предпринимателей и нанял научного консультанта, чтобы дописать свою диссертацию. Он был готов пройти через мост.

Исида и Нефтида находят каждую из частей тела Осириса, за исключением его пениса. Пенис — это, конечно же, символ мужской плодовитости. Но почему Исиде труднее всего дается поиск пениса, несмотря на ее громадную магическую силу, — факт обескураживающий и весьма загадочный. С Юнгианской точки зрения, получается, что поиски Исидой ее мужа и собирание фрагментов его тела представляет собой ее потребность в слиянии со своим собственным мужским Я, анимусом, дабы достичь единения и целостности. То, что она не в состоянии отыскать пенис мужа, говорит нам о том, что есть в мужском начале нечто настолько существенное и противоречащее ее женской природе, чего она не может осознать, и что только при вмешательстве сторонней силы она сможет обрести это нечто и стать с ним одним целым. Эта идея самая что ни на есть алхимическая, поскольку ртуть, друг всех металлов, выступает в качестве

катализатора при соединении «неконтактных» веществ. Перед тем как проследовать дальше по сюжету мифа и сфокусироваться на трансформации Осириса, представим на минуту, какие колоссальные перемены произошли с Исидой, как только она воссоединилась со своим мужем и обрела внутреннее единение со своим анимусом. Это стремление к индивидуации объясняет мотивацию Исиды и невероятно длинный путь, проделанный ею, чтобы отыскать и вернуть на родину тело супруга.

Пенис играет немаловажную роль в процессе трансформации, а потому заслуживает дальнейшего обсуждения. Наверное, никого не удивит тот факт, что в слове *пенис* (англ. «penis») содержится тот же самый корень, что и в слове *pen* («перо» — прим. перев.). Профессор литературы Стенфордского Университета Том Хэйр в своем семиотическом анализе мифа об Осирисе наглядно показывает, как много значений можно извлечь из разных ассоциаций с символом фаллос: семя, моча, «жидкости тела.» Точно так же и перо «производит» слова, которые могут иметь любое количество воздействий на окружающий мир. В египетской символике перо (или стилус), используемое для написания иероглифов, считалось иглообразным клювом Тота в образе ибиса. Без пениса все остальные части тела не могли бы возродиться. Даже магия Исиды не смогла бы помочь ей отыскать и вернуть пенис ее супруга. И снова Тот приходит к ней на помощь. Словно дух-ловкач, он с легкостью проникает в недоступные пределы и передает священный фрагмент плоти прямо в руки Исиды.

Пенис был выброшен в Нил, где его проглотила рыба, а по некоторым версиям — три рыбы. Поскольку эти рыбы уничтожили неприкосновенную плоть, есть их было строго запрещено. Вполне возможно, что образ рыбы появился в мифе благодаря ее физическому сходству с фаллосом — тело рыбы напоминает ствол фаллоса, а спинные плавники — яички. Гораздо позже образ рыбы приобрел более абстрактное значение, когда его стали связывать с Христом, ихтис, и изображать как символ таинства в католической мессе, Евхаристии. Эти образы напоминают о самосовокуплении Атума и культуру каннибализма

в Древнем Египте. Рыба могла стать символом Христа, потому что, не имеющая век, она олицетворяет всеведение, всевидящую силу богов, воскрешающую в памяти Око Гора.

Теперь Исида приступает к восстановлению безжизненных останков ее мертвого мужа. Сначала она опять превращается в коршуна, и, размахивая своими крыльями, не только заново собирает омертвевшие конечности, но и оживляет тело на достаточный срок, чтобы совокупиться с ним и зачать ребенка. Все это описано в гимне времен Нового Царства:

Она покрыла его своими перьями и, замахав крыльями,
вдохнула в него воздух,

Она закричала от радости и положила брата своего на
землю.

Она оживила Утомленного, унеся прочь его истому,
и приняла в свое тело его семя,

[стало быть] готовясь подарить ему наследника.

Фраза «вдохнула в него воздух» многократно повторяется во всей алхимической литературе и прочих священных текстах. Гермес Трисмегист пишет в «Изумрудной Скрижали»: «Ветер носил его во чреве своем.» Написанное относится к Единой Вещи, которая соединяет в себе многообразие всех вещей. В Евангелии от Иоанна, 20:21–22, Иисус является своим ученикам после смерти и говорит: «Как послам меня Отец, так и я посылаю вас. Сказав это, *дунул на них*, и говорит им: „Примите Духа Святого“.» (курсив мой). Более полное представление о значении этих упоминаний о воздухе мы получаем из Упанишад, в которых эта стихия известна как *прана* — сила, необходимая для поддержания жизни, исходящая от Солнца. Мы уже видели в египетских текстах многочисленные отсылки к Солнцу и его энергии, способной оживлять физические тела и пробуждать сознание. В заключительной главе мы снова вернемся к значительной роли бога Солнца Атума как олицетворения Самости.

Именно эти удивительные деяния Исиды раззадорили «распалили» Сета, вызвав в нем бурю негодования. Он не может

поверить в то, что она воссоединилась со своим мертвым мужем и произвела на свет сына. Вместо этого он упрекает ее в распутстве, а ее сына называет незаконнорожденным отпрыском. Как мы увидим позже, его трактовка событий станет основой для обвинений против Осириса на суде. Сет заявляет, что именно он, а не этот сопливый выродок Гор, полноправный наследник престола.

На мой взгляд, самую могущественную силу своей магии Исида проявляет в четырех действиях — собирая части тела Осириса воедино, оживляя его, вступая с ним в сексуальную связь и вынашивая его наследника-сына. Эти события занимают особое место в алхимии. Расчленение Осириса является мифическим олицетворением первого из двух процессов, составляющих алхимическую формулу *solve et coagula* («растворяй и сгущай» — прим. перев.). В лаборатории данная рецептура включает в себя разрезание, расщепление, перемешивание, окисление и растворение, затем следует присоединение, комбинирование, плавление, слияние и «свадьба». Лаборатория — это священное место, в котором первичные силы разделения и соединения практически служат для воспроизведения и преобразования земной материи в одухотворенную субстанцию. «Во многих местах, — отмечает Эдингер, — весь этот *опус* обобщен коротенькой фразой „Растворяй и сгущай“.»

Данные современной астрономии и физики элементарных частиц говорят нам о том, что те же самые силы действуют на каждом уровне реальности, от рождающих звезды квазаров до внутриклеточной механики человеческого тела. Существует общепринятая теория, что с момента Большого Взрыва вселенная начала расширяться и что когда-нибудь она возьмет обратный курс и станет сокращаться. Те же самые два процесса, растворение и сгущение, постоянно протекают при жизни и смерти каждой клетки человеческого тела. Практически невозможно перечислить все феномены, сопровождающие данные явления: спад и рост мировой экономики, океанические приливы и отливы, физическое развитие и умирание, социальная изоляция и интеграция... жизнь и смерть. Древние

египтяне, определенно, обладали поразительными знаниями за многие тысячи лет до того, как они стали идеальной базовой формулой алхимического опуса.

Данный список можно дополнить еще кучей двойственных событий. Философы использовали различные термины для того, чтобы объяснить динамику течения жизни, объясняя, как из физической энергии рождается смысл. Вот несколько примеров: Гераклит описывал *logos* как источник всех вещей, перетекающих из одной крайности в другую — «то, что едино и то, что разбито на части... Одно состоит из всех вещей и все вещи исходят из одной.» Модель Гегеля постулирует синтез как выражение единства тезиса и антитезиса. Египтолог Ян Ассманн уловил суть данного явления и какое значение оно имело для египтян. «Смерть, — пишет он в главе, метко названной «Смерть как Расчленение», — была принципом деления на части, распада, разобщающей дезинтеграции, в то время как жизнь была интегрирующим обновлением, которому присущи всеединство и целостность.»

Смерть для египтян была тайным средством, с помощью которого человек избавлялся от ограничений, привязывающих его к материальному миру, она давала ему или ей возможность следовать курсом бога Ра навстречу звездам. Там, в вечном блаженстве, мы воссоединяемся с богами. Однако толкование расчленения Осириса и воссоединение его частей, которые мы рассматриваем, коренным образом противоречит данному традиционному пониманию египетской космологии. Объяснение Ассманна справедливо для жизни на земле, но не дает более широкого представления о том, что происходит после смерти. Вместо того чтобы идти вслед за Ра, стремящимся к звездам, Осирис «становится землей.» Или, говоря современным языком, он превращается в архетип бессознательного, благодаря чему мы сегодня можем воплотить его дух и устранить разногласие между психикой и материей. Данный путь и является целью современной индивидуации: свобода внутри, а не снаружи, или, как утверждает алхимия, «То, что сверху, аналогично тому, что внизу, чтобы осуществить чудеса Единой Вещи.»

Двойственные события, описанные мною выше, представляют собой различные вариации ритмов жизни и смерти нашего психического бытия. Очевидно, эти ритмы разделения и воссоединения в каждой из ситуаций колеблются не с одинаковой частотой. Мы не в силах представить себе бесконечные поля резонанса, создаваемые непрерывными колебаниями, которые порождаются этими ритмами; и все же, независимо от того, присутствует ли симпатический резонанс или нет, в целом они образуют то, что мы называем реальностью. Помимо этого, каждый человек становится подлинным, только пройдя через процесс индивидуации, при котором происходит развитие сознания, а толчки психической энергии помогают человеку двигаться вперед по жизненному пути, благополучно проходя все его этапы. Благодаря последним исследованиям в области возрастной психологии была разработана данная концепция и описан процесс физического отделения ребенка от родителя (обычно матери), стимулирующий последовательную интеграцию личности, данный процесс известен как сепарация-индивидуация.» Тот же самый процесс, управляющий разнообразной физической деятельностью, также отображает динамику психической энергии среди бесконечного множества противоположностей. Когда ребенка отделяют от матери, его новое индивидуированное поведение способствует обретению независимости; и хотя сепарация-индивидуация наиболее активна в первые годы жизни, она продолжается на протяжении всей жизни человека. Физическая смерть являет собой окончательное материальное отделение от земли, и, как мы уже смогли видеть на примере египетской космологии, она ускоряет дальнейший процесс индивидуации, что в конечном итоге приводит к бессмертию и воссоединению с Космосом (сознательной вселенной).

Эта концепция является не только основой для всех операций в алхимической работе, она также служит наиважнейшим руководством к жизни. Как я уже упоминал во введении, я был крайне изумлен, когда узнал, что эта центральная формула спрятана в мифе об Осирисе. Подобная находка позволяет по-новому взглянуть на алхимию и на тайны Древнего Египта, не говоря

уже о той неоценимой роли, которую эта идея играет в процессе индивидуации. В принципе, процесс сепарации-индивидуации — это психологическое производное от этой самой идеи. Как уже упоминалось, секретность нужна была для того, чтобы защитить и утаить священное знание. Возможно, авторы этого мифа воспользовались ею как устройством для передачи этого мощного сакрального знания тем, кто достаточно просвещен, чтобы распознать его и использовать во благо. Если все так и есть, то им чрезвычайно повезло, ибо до самого конца династического правления мы не обнаруживаем каких-либо литературных свидетельств об алхимии и последующего включения данной рецептуры в наиболее священные тексты алхимического учения. Все, что мы видим в Египетской космологии и истории в целом, в той или иной степени является «бессознательной алхимией» — искусством, которое не до конца было понято, и чье влияние в духовной, архитектурной и погребальной практиках привело к удивительным результатам. И только в IV веке до н. э. алхимия заявила о себе в той мере, в какой мы знаем о ней из памятников письменности, а в следующем тысячелетии она достигла своего подъема в Аравии и Европе.

Прошло немало столетий, прежде чем эта доктрина стала хорошо известна во всем алхимическом мире. Данная концепция была выработана блестящими умами, которым удалось распознать поток психической энергии внутри человека и «стремление» соединить противоположности в неделимое целое. Отец ранней церкви Ориген (ок. 185–254 гг. н. э.), преподававший в Александрии, говорил: «Вы видите, что человек, который считает себя кем-то, на самом деле таковым вовсе не является, однако, похоже, он может сочетать в себе столько личностей, сколько существует правил морали [моделей поведения], подобно библейской притче о безумце, изменяющемся как Луна.» Ту же самую идею чуть позже выразил алхимик Герхард Дорн (ок. 1530–1584), который писал: «Из всех вещей ты не никогда сделаешь Единое Целое, пока сам сначала не станешь Единым Целым.» В основе формулы *solve et coagula* мы находим первичный импульс определенного процесса, описывающего

движение разума и материи, что в конечном итоге порождает единую вселенную, в которой граница между верхним и нижним неуклонно движется в сторону возвышенной комплементарности — то, что юнгианский аналитик Роберт Джонсон назвал «Сознательной Целостностью.»

Жрецы и фараоны Египта, должно быть, обладали похожими знаниями и, возможно, задействовали их в своих духовных практиках. А как еще можно объяснить их глубокое мистическое восприятие и технические достижения, которые и по сей день нельзя адекватно объяснить в общепринятых понятиях? Мы можем только догадываться, сколько изменений и усовершенствований претерпела эта первичная формула при осуществлении удивительных превращений и преображений. Тайные знания подобного рода так и не были представлены в письменной форме, так что вполне возможно, дальнейшее постижение этой древней мудрости навсегда останется загадкой. Пожалуй, данная идея вполне могла оказаться одной из божественных мыслей, которую имел в виду Эйнштейн, когда говорил о своем намерении познать разум бога.

Ранее я описывал супружескую пару, которая отчаянно пыталась справиться с глубочайшим горем, вызванным появлением на свет их мертворожденной дочери. В то время как отцу не хватало эмоциональных ресурсов, чтобы пережить несчастье, мать была обуреваема чувствами. Он пострадал от колоссального прессинга, оказавшего отупляющее влияние на его способность мыслить и чувствовать, в то время как его жена переживала обратный эффект — бурный рост и взрыв эмоций. Ее горе было ощутимым и парализующим. Пройдя через курс терапии, она узнала, что смерть ее дочери пролила свет на целый ряд неудач, с которыми ей довелось столкнуться на протяжении всей жизни. Проекция дочери означала, что она могла начать жизнь заново. Но в отличие от Осириса и Исиды, этой паре был отказано в «наследнике», и на некоторое время, они, казалось, были лишены надежды на возрождение. Затем, после интенсивной терапии, на которую ушел почти целый год, у нее было два значимых сновидения.

Первое сновидение, которое она записала, имело следующее содержание: Меня заманили в фотоателье. Фотограф связывает меня, срывает с меня одежду, насилует, а потом фотографирует меня. Затем он освобождает меня и говорит: «Ты могла уйти в любой момент». Как только я уйду, фотограф превращается в женщину, которую влечет ко мне, и чтобы сохранить хоть какую-то частичку меня, оставляет себе фотопленку. Потом я вижу гравюру, изображающую старика с длинной бородой в какой-то лаборатории. Он помешивает кости в большом котелке, добавляя туда какое-то черное смолистое вещество. Далее я слышу слово *сгущать*.

Эта женщина мало что знает об алхимии, и все же многое в этом сне говорит об алхимическом процессе. Мастерскую фотографа часто сравнивают с лабораторией, изобилующей кислотными ваннами, химическими лотками и стеклянными сосудами. Во внутренней комнате лаборатории, где проявляются кино- и фотопленки, должна соблюдаться абсолютная темнота. Фотограф — это повелитель света, направляющий его луч, снижающий и увеличивающий его интенсивность и регулирующий линзы во время экспонирования фотобумаги, а также преобразующий невидимые образы в видимые.

Многочисленные проявления жестокости, которые приходится терпеть пациентке, являются частью ее процесса расчленения. Наихудшим из них является изнасилование, этот мотив можно часто наблюдать в алхимии. Если не принимать во внимание нравственный аспект, оно представляет собой насильственный, силовой акт, пресекающий всякое сопротивление с тем, чтобы свежая материя вырвалась наружу из бессознательного. В психофизическом плане, сопротивление обусловлено фиксацией на чем-то, что по природе своей неуловимо. Обычно фиксация возникает в результате травматического опыта; она служит защитным механизмом психики, по необходимости «отключающим» ее до тех пор, пока она снова не сможет прийти в чувства, с другой стороны, фиксация помогает справиться с потрясением по мере восстановления самообладания. В то же время, однако, фиксация может привести к задержке процессов

развития, и если травматическое содержимое растворено, оно становится частью человеческой личности. Здесь мы видим, что фиксация имеет две стороны, одна помогает психике, а другая может нарушить нормальный ход развития личности.

Ртуть является отличным примером вещества, имеющего такую двойственную природу, которая проявляется и в позитивном, и в негативном аспектах. Люди с переменчивым характером могут быть как шаманами, так и психопатами, в зависимости от состояния их нравственности. А есть и такие, чей характер мы попросту не можем определить. В таких случаях, чтобы добиться истины, необходимо применить силу. Меркурий, будучи богом-трикстером, зачастую вызывает страшные аварии и переломные события, происходящие для того, чтобы открыть человеку глаза на высшую истину. В нашем случае с пациенткой, сновидение как будто говорит, что она больше не может избегать прохождения через болезненные этапы своей жизни, требующие от нее разрушить эфемерные стороны ее личности, которые мешают ей увидеть ее истинную сущность.

Одним из таких препятствий в значительной степени выступает идеализм. И история женщины, безусловно, иллюстрирует данное предположение. В частности, многие годы она провела в религиозной секте, лидером которой была хорошо известная, харизматичная, властная женщина. Все это время моя пациентка жила в обособленной среде, отрезанной от внешнего мира, оставаясь при этом целомудренной. Все ее попытки утвердиться в своей индивидуальности подавлялись и воспринимались упорным осуждением. Эта ситуация продолжалась двенадцать лет, пока она не решила покинуть секту. Распознав этот идеализм посредством сновидения, ее бессознательное вывело его наружу, разоблачило и уничтожило. Фотограф во сне говорит ей, что настоящие цепи, удерживающие ее в неволе, — это ее раздутое представление об окружающем мире. Другими словами, она сама приуменьшила себя за счет того, что сделала все вокруг себя таким огромным. И в самом деле, она невысокого роста, ее хрупкое телосложение вдобавок еще усугубляет болезнь, негативно влияющая на позвоночник; хуже дело обстояло, пожалуй,

только с ее заниженной самооценкой. Ревность и зависть — это звенья цепи, сковывающей ее ноги, и чтобы она смогла стабильно стоять на земле, эту цепь требуется разбить.

Продолжается сон весьма театрально, с помощью алхимических образов подытоживая свое главное послание. Адепт трансформирует ее тело — *Prima Materia*, представляющую ее материальную основу, которая в алхимии называется *матрица*. Противоядием к идеализму служит прочный скелет, подобный уже знакомому нам позвоночнику Осириса, который послужил опорой для царского дворца, что является метафорой о сотворенном мире. И наконец, данное исцеляющее сновидение завершает алхимический процесс: растерзанная в клочья, она снова «собирает» себя по частям, иначе говоря, коагулируется.

Десять дней спустя пациентке приснился еще один благоприятный сон. И хотя ее познания о древнем Египте были весьма скромными, подобный сон вполне мог бы присниться верховной жрице. В сновидении она видит себя стоящей перед золотым «солнечным трон», на котором с жезлом в руках восседает ее мертвая дочь. В тот момент, пока она стоит там, сокол впицается своими острыми когтями ей в правую руку. А по левую руку от нее расположилась львиноголовая богиня. И, несмотря на то, что она не помнила, что ей говорили, она телепатически общалась со своей дочерью. Богине надоедает этот разговор, и она раздирает грудь и спину сновидицы. В этот момент слово *сгущать* появляется перед пациенткой.

И опять мы становимся свидетелями ритуального действия, разыгранного перед женщиной. Она стоит в центре троицы из небесных светил: над ней ее умершая дочь, Гор в образе сокола находится справа от нее, а богиня Сехмет с львиной головой — слева. Памятуя о том, что души мертвых и боги обладают силой магии *heka*, разумно сделать вывод, что со сновидящей совершают обряд инициации, вселяя в нее магическую энергию. В данном случае психэ предоставляет богу и богине право помочь пациентке исцелиться, потому как одна из функций Гора — провести недавно умерших через первые этапы их испытания, а именно, признание своих грехов. Если им это удастся, он ведет

их за руку к самому Осирису для вынесения окончательного приговора. Сехмет — это богиня, чья свирепость до некоторой степени дополняет скромный характер пациентки.

Еще одна легенда проливает свет на отношения между Гором и Сехмет. Согласно мифу из Книги Врат, «Когда-то египтяне были единственной расой на земле. Гор и Сехмет объединились, чтобы породить народы, населявшие пустыню за пределами так называемой Черной Земли... Гор создал черную расу, а Сехмет сотворила светлокожих ливийцев. Впоследствии эти два бога стали ответственными за безопасность душ своих творений в загробном мире.»

Для моей пациентки было огромным утешением узнать, что два могущественных божества посещали ее дочь. И в то же время ее терзала мысль, что новая жизнь могла изойти только из ее Самости. И как выяснилось, спустя месяц после этого сна муж пациентки лишился работы. И хотя женщина не работала уже почти восемь лет, она нашла в себе силы унять свою боль, усмирить старые обиды, полученные на прежних работах, и вернуться к своей карьере. Она описала свое новое состояние как «чувствую себя более крепкой.» Очевидно, до момента сгущения было рукой подать.

Цель, которую я преследую, рассказывая об этих сновидениях, заключена в желании показать, что расчленение и концентрация — это важнейшие движущие силы, связанные с процессом исцеления и обретением целостности. Они являются жизненно необходимыми операциями, входящими в обряды и ритуалы, предназначенные не только для инициации, помогающей мальчикам и девочкам стать полноценными взрослыми. Эти события случаются в критические моменты развития взрослого человека, когда требуются радикальные сдвиги и перемены, способные устранить преграды, тормозящие дальнейший процесс индивидуации. Пережить опыт полной трансформации личности в течение одной жизни человека вполне возможно. Мы могли бы рассмотреть сложные погребальные обряды, осуществляемые египтянами при подготовке умерших к загробной жизни, на примере одного обряда перехода в царство мертвых,

но в равной степени вероятно, что подобные ритуалы практиковались на протяжении всей их жизни.

Как только тело Осириса снова становится целым, Анубис берет на себя заботу о бездыханном теле и сотворяет первую в мире мумию, подготавливая ее к далекому и многотрудному путешествию в темное царство Дуата. Должно быть, Анубис, применял принципы *solve et coagula*, так как мумификация предполагала процесс удаления (расчленения) определенных «мокрых органов», чтобы предотвратить разложение тела. Кроме того, из ритуала Отвержения Уст мы знаем, что тело мертвого систематически оживляли (коагулировали), чтобы его дух был готов встретить тьму Дуата; все, что растворялось при смерти, восстанавливалось через процесс *coagulatio*. Данный обряд включает в себя «окропление и умащение, часто сопровождаемые молитвами», все усилия направлялись на восстановление духа Осириса, чтобы он стал действующей силой загробного мира.

Solve et coagula — это рецепт развития и возрождения, представленный здесь в сновидениях пациентов и в нашей мифе про Осириса, претерпевающего ряд переходов на пути в подземный мир, где он становится источником для регенерации всего живого. Осирис жертвует своим телом, превращая его в церемонию перехода в иной мир, в котором он представляет собой квинтэссенцию превращения. Анубис сделал свою работу, Исида и Нефтида неусыпно охраняют своего брата, в то время как Гор вырастает в могучего воина, единственная миссия которого состоит в восстановлении справедливости.

СМЕНА БОГОВ

После мумификации Осириса его душа поселяется в преисподней. Несмотря на то, что Сет отныне правит Египтом, он все еще беснуется. Он отправляется на поиски младшего сына Осириса, Гора. Исида спрятала мальчика в папирусном тростнике, но, помешанный на мести, Сет находит его. Потом Сет оборачивается скорпионом, и пока Исида молит Хонсу о помощи, скорпион нападает на ребенка и убивает его. Неспособная оживить своего сына с помощью магии, Исида обращается за протекцией к Тоту. Тот предсказывает, что Гор возродится в образе птицы Бену, и что после недолгого пребывания в Дуат он вернется на землю здоровым, невредимым и готовым выполнить свое предназначение. Тем временем в Дуат Гор сообщает своему отцу о злоумышленных действиях Сета. Впервые Осирис понимает, как глубоко засело зло в душе его брата. После беседы с сыном Осирис заявляет, что Гор готов к тому, чтобы осуществить то, что ему предначертано — отомстить за смерть отца и вернуть себе трон.

Осирис умер и канул в вечность. Хотя мы и воспринимаем мифы как правдоподобные послания из прошлого, они ничего не говорят нам о том, как люди реагировали на подобные истории. Вот крестьянин благоговейно молится Осирису, чтобы бог благословил его поля и послал ему богатый урожай, и вдруг Осириса больше нет. Храмовые надписи говорят: Осирис был

убит, а его мумия покоится в подземном мире. Мы можем только представить, как отреагировал на это народ египетский. Неужели бог, заставляющий Нил выходить из своих берегов, а землю чернеть жизнью, тот, кто пробуждает дух во всем сущем, больше не живет? Его больше нет среди народа — теперь он мертв и обитает в невидимом мире Дуат. Как бог загробного мира, Осирис живет под землей; храм в Абидосе утратил свое божество. Что будет с ежегодным паломничеством? Мы больше не видим и не чувствуем напрямую его власть; отныне его дух управляет потоками жизни, перемещая их по мрачным, таинственным маршрутам.

Известно, что он обитает за пределами нашего мира и что его обязанности состоят из трех частей: он председательствует на суде мертвых; он сопровождает Ра в солнечной лодке во время их ночного путешествия; он является богом трансформации и обновления, «сущности бытия». Поклонение Осирису отныне превращается скорее в абстрактное верование в духа, нежели в живого бога. Он поселился внутри нас и стал аспектом сознания, который больше нельзя увидеть.

Нам остается лишь наблюдать следы его деятельности. Когда утром всходит Солнце, мы знаем, что Осирис снова благополучно пронес свет через лабиринты Дуат. Мы знаем, что Осирис там, где семена пробиваются через землю, пропитанную влагой, и становятся плодоносящими деревьями. Рэндалл Кларк так описывает новое воплощение Осириса: «Он страдает от всей смертности, но в то же время он есть вся энергия возрождения и изобилие земли. В нем сила роста всех растений и размножения животных и людей. Он и смерть, и источник всего живого. Следовательно, стать Осирисом — значит, стать единым с космическим циклом жизни и смерти.»

Будучи мертвым, Осирис пребывает в темных сферах, которые делают нас настоящими, — это тень, бессознательное, Дуат, темные ночи души, сны, загадочная земля и т. д. Соединяясь с ним в жизни и в физической смерти, мы подчиняемся природным ритмам. Когда мы болеем или чем-то расстроены, мы можем быть уверены, что Осирис где-то рядом, ни столько

в роли целителя, сколько как бог, чье знание тьмы бережно несет нас сквозь ночь. Когда мы умираем, он снова приходит, чтобы подтвердить наши заслуги по мере того как мы снова входим в круг творения. Мы принимаем его имя, и его вечный дух воплощается в нас. Осирис стал отражением божественной силы в природе, которая живет в тени коллективного бессознательного. Его воскрешение создало громадный подземный мир, который поддерживает природу и сознательную психику. У египтян человек состоит из нескольких душ, теневая сущность является лишь частью этого мистического измерения. В приведенном ниже списке, адаптированном из книги Рамоны Уилер «Ходим, как египтяне», описаны девять душ, или «части или слои бытия». Поскольку Осирис связан с подземным миром, мы сосредоточимся на тени и на том, чем эта концепция отличается от нашего современного понимания данного архетипа.

Akh: божественная субстанция человеческой души

Sekhem: энергетическая модель божественного духа

Ib и *hatu*: область сердца

Khat: контейнер души, который разрушается

Shuit: живая душа как подтверждение реальности

Ren: магия вашего имени, божественная идентичность

Ba: Вы как тот, кого можете знать только Вы

Ka: Вы, каким Вас могут знать другие

Sahu: естественный предел психического самосознания

В древнем Египте тень имела два значения: *shuit*, одна из девяти душ, которой обладал каждый человек, и *sutekh*, слепые привычки. *Shuit* — это дословное подтверждение существования. В стране палящего Солнца и относительно скудной растительности тень была живым доказательством того, что только плотная материя могла блокировать солнечные лучи. Поскольку этот метод доказательства базируется на вполне конкретной архаичной логике, в нем содержатся некоторые преимущества. Уилер обращает внимание на то, что «тень честно копирует каждое движение и жест. Тень — это уникальное достояние.

Чего бы вы ни теряли в своей жизни, ваша тень будет явным доказательством того, что вы не можете потерять себя.»

Тень *shuit* — живое доказательство нашей субстанциальности, это свидетельство того, что в самые темные наши моменты, когда, кажется, что все потеряно, мы все же обладаем своим телом, с многочисленными шрамами и ранами как символами торжества над испытаниями, которые преподносит нам судьба. Нам не стоит принимать все эти вещи как должное. Но, к сожалению, среди людей есть и те, кто всего лишь робко цепляется за жизнь; и даже физическое тело не способно закрепить их в этом мире.

Такие люди не психотичны и не оторваны от реальности, им скорее не хватает возможности в полной мере участвовать в жизни. Жизнь кажется им нереальной, суровой и недостижимой. Они живут в пограничном пространстве между осязаемым, реальным миром и миром, который они вряд ли себе могут представить. Фактически, их главная проблема заключается в неумении фантазировать. Без малейшей способности к воображению их тело не более чем просто объект, который они одевают и раздевают, а еще таскают туда-сюда. Несмотря на вполне приличный уровень интеллекта, такие люди нередко бывают легкоранимыми, отчаявшимися, не приспособленными к суровым реалиям жизни. Они ощущают себя не в своей тарелке; а если они мечтают, содержание их фантазий раскрывает мир чужой, холодный и странный. Для описания данного типа личности используется масса диагностических терминов: шизоид, «как бы»-личность, ложная самоидентификация, пограничное расстройство личности. Какую бы терминологию мы здесь ни применяли, эти люди страдают молча, в одиночестве. На некотором уровне они осознают нечто, что египтяне понимали под несуществующим, и это нечто есть повсюду, а особенно, в них самих. В их мир, окрашенный в серые тона, никогда не заглядывает Солнце. Им не хватает света для того, чтобы различить собственную тень.

В одном из таких случаев инженер среднего возраста решил по моему предложению посетить церковь в надежде

преодолеть свою оторванность от мира и социальную тревогу. Я был удивлен тому, что он выбрал Буддийский храм, так как сам он был воспитан христианином и давным-давно отрекся от всех прочих форм религий. Однако, несмотря на то, что в храме редко можно было услышать английскую речь, ему там очень понравилось. До того, как наступило Рождество, он посещал церковь уж почти год, а теперь с нетерпением ждал особой службы по случаю праздника. Но когда в рождественский день он пришел в храм, там не было ни души. Он был потрясен и расстроен, а его отчаяние и недоверие к миру только усугубились. Но как только он вышел из церкви, к нему обратился знакомый голос. Это был буддийский монах, который каждую неделю совершал богослужение. Он объяснил, что службы никогда не проводятся в этот день, поскольку в их вере он не считается каким-то особенным. Сказанное было воспринято разумом инженера, но его душа осталась безучастна к словам преподобного. Монах интуитивно почувствовал это, и то, что произошло дальше, иллюстрирует прелестную комбинацию из света и тени. В течение последующих девяноста минут монах совершил полное богослужение для приходского собрания, состоящего всего лишь из одного человека! Воплощая дух Будды, монах откликнулся на требование момента истинным сопереживанием и бескорыстным служением. Это прекрасный пример того, что означает воплощать бога.

Второй тип тени, *sutekh*, есть не что иное, как Сет. Здесь мы узнаем его как тень Гора. В то время как Гор представляет собой борьбу героического эго во имя укрепления идентичности, Сет символизирует бессознательные привычки, которые идут вразрез с процессом индивидуации. Борьба между этими двумя богами — это соперничество двух сил, привычек и воли. Сет принижает сознание и пренебрегает индивидуальным выбором, тогда как Гор олицетворяет развитие, ведущее к формированию уникальной идентичности. В своей мифологии египтяне изображали это противостояние как поединок между Гором и Сетом, каждый из этих богов борется за то, чтобы управлять солнечной лодкой, несущей сознание через пасть мрака.

Уилер сравнивает это состязание между Гором и Сетом с повестью Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». В этой новелле мы узнаем об уважаемом докторе Джекилле, который экспериментирует с зельем, превращающим его в гедониста, убийцу мистера Хайда. Несмотря на отвратительные и безудержные порывы его темной стороны, он испытывает сомнительное удовольствие, совершая поступки, не контролируемые его совестью. Эта история демонстрирует два аспекта человеческой природы, одна из которых поддерживает жизнь, а другая ищет способы, чтобы эту жизнь уничтожить. Эта тема разыгрывается в назревающей войне, с которой еще предстоит столкнуться в нашей мифе Гору и Сету, это будет состязание между созиданием и разрушением, алхимически выраженное формулой «Растворяй и сгущай».

В современной психологии архетип тени имеет два аспекта. Эта та часть личности, которая содержит как наши подавленные желания, так и нашу непрожитую жизнь. Жизнь человека может быть обусловлена решениями, которые он принял, но тогда встает извечный вопрос: как бы могла сложиться моя жизнь, если бы я выбрал другую дорожку, «зная то, что знаю сейчас». Как часто в своей жизни мы действительно делаем выбор? Этот вопрос лежит в основе концепции Юнга об индивидуации. Благодаря непрерывно растущему уровню осознанности мы все больше контролируем свои привычки, обыденный порядок вещей, давление со стороны социума — все, что лишает нас нашей индивидуальности. На сей счет Юнг писал: «Я не есть то, что со мной произошло, я есть то, чем я решаю стать.» Это не означает, что мы способны контролировать все, что препятствует развитию нашей индивидуальности, но, по крайней мере, благодаря росту сознания мы можем лучше понять, как ведет себя тьма. Мы можем пройти через собственный ритуал Отверзания Уст, из которого мы сможем выйти с ответами о бессознательном, научившись сотрудничать с ним, а не боясь, что однажды оно нападет на нас из-за угла.

В первой половине жизни нас определяют другие люди, природа и обстоятельства, но во второй половине мы сталкиваемся

с проблемой самоопределения. Большую часть первой половины жизни мы переживаем как *nigredo*, когда мы беремся за выполнение двух чрезвычайно трудных задач: трансформацию тени и растворение ложного эго. И хотя тень кажется темной, это не обязательно зло, не является она и единственным доказательством нашего существования. Этот архетип, который иногда называют золотой или белой тенью, знаменует собой возможность нового роста и совершенствования. И опять мы вспоминаем алхимиков, которые утверждали, что их золото может быть сделано только из грубого, черного свинца.

В основе этих психологических концепций лежат два типа тени, описанные египтянами. И опять-таки мы обнаруживаем некий первоисточник, из которого на свет появился такой архетип как тень. По прошествии лет многое изменилось; архетипы и наши отношения с ними стали более сложными. Религия изображает борьбу света и тьмы как нравственную битву. Террористы-смертники убивают во имя Бога, а смертоносные летающие беспилотники зловеще им отвечают. В чем, интересно, разница между претензиями на моральное превосходство у каждой из сторон? Традиционные устои способны заставить хороших благодушных мужчин и женщин невольно жертвовать такими дарами тьмы, как сомнение, богобоязненность и покорность. Недостаток самоанализа в критические моменты жизни ничуть не лучше, чем его антипод — чрезмерное самокопание.

Сегодня мы бы сказали, что тьма — это не просто место обитания смерти или даже зла. Очень легко все хорошее приравнять к свету, а тьму очернить как вместилище всего гадкого. Вспоминая образ бесплодной пустынной почвы, почерневшей от питающего ее Нила, мы видим, что у египтян тьма вызывала вполне положительные ассоциации. Питер Кингсли в своей книге «В темных местах мудрости» описывает место, где эти противоположности находят общий язык: «Преисподняя — это не просто место тьмы и смерти. Это только кажущаяся видимость. В действительности же это предельная территория парадоксальности, где сходятся все противоположности. В основе западной, да и восточной мифологии лежит идея, что Солнце восходит из

подземного мира и заходит в подземный мир каждую ночь. Оно принадлежит подземному миру. Вот где его обитель, вот откуда родом его дети. Источник света живет во тьме, как у себя дома.»

Осирис, пребывающий в нижнем мире, по-детски безучастен к событиям, приведшим его туда. А в продолжение истории, Сет находит Гора на острове Кеммис. Пока Исида молит бога Луны Хонсу о защите, Сет превращается в смертоносного скорпиона и убивает ребенка, пока тот спит в крошечной лачуге. Обнаружив своего сына мертвым, Исида немедленно бросается оживлять его с помощью своего колдовства. Но ей не хватает магии *heka*, и она в отчаянии обращается к Тоту. Великий бог снова помогает ей и на этот раз уверяет ее в том, что Гор не умер, а дух его только ненадолго спустился в Дуат навестить своего отца. Гор сообщает Осирису об обстоятельствах, связанных с двумя его смертями — об одной по причине удушья, и о другой — от расчленения. При этом подземный мир (на языке психологии — бессознательное) активизируется и становится жизненно важным источником существования.

Бессознательное не отделено от реальности, а, подобно Дуату, сосуществует с ним. Возможно, Тот был ответственность за то, чтобы отправить Гора в подземелье; он однозначно убеждает Исиду в том, что сын ее не умер, а находится в Дуате. Тот известен своими целительными навыками и как психопомп, провожающий души в царство мертвых. Этот хитрый бог, как и алхимический бог Меркурий, легко и безнаказанно пересекает границы, перенося знания из одного царства в другое. Аналогичным образом Гор становится посланником, чьи слова открывают Осирису глаза на правду. Гор возвращается в свой мир и становится покровителем всех будущих царей (Самостью). Пробудив отца, сознательные и бессознательные сферы психики ожили и отныне несут в себе источник энергии для всех людей. Любой, кто работает со сновидческим материалом и другим содержимым подземного мира, высоко ценит мудрость, добытую из царства бессознательного.

Египтяне понимали всю важность отношений между отцом и сыном, которые благополучно длились и после смерти Осириса.

Когда каждый фараон становился воплощением Гора, египтяне задавались вопросом: а что станет с Гором, когда царь умрет? Неужели тогда Гор тоже умрет? Здесь мифология должна была внести хоть какую-то ясность. Итак, когда фараон умирал, Гор служил духовным стражем следующему фараону, в то время как умерший царь продолжал становиться Осирисом. В конце концов, эта процедура перехода стала эталоном для всех людей, доказавших, что они того достойны; в смерти они тоже становились Осирисами.

Мнимая смерть Гора вызывает интересные вопросы. Если представить, что его сошествие в Дуат произошло физически, тогда что было сделано с его телом? Если тут замешан Сет, мы можем предположить, что произошло нечто более ужасное, чем физическая смерть. Гор пробуждает своего отца, но сам он мертв, или, по крайней мере, так он впервые появляется. Символика здесь довольно прозрачна: жало смерти — это сексуальное насилие, а не убийство.

Х. те Вельде предельно ясно говорит об изнасиловании. Он пишет, что у *Сета, Бога смятения*, «Яд скорпиона — это семя Сета.» То, что те Вельде соотносит семя с ядом, означает то, что вред, причиненный Гору, заключается в себе проникновение и семяизвержение. «Яд» проникает в разум, тело, и душу. Трагическим следствием в случаях изнасилования является зло, причиненное не только телу, оно распространяется и на душу жертвы, не говоря уже о токсическом воздействии на саму личность. Кое-что умирает, когда детей сексуально домогаются или совершают над ними акт насилия. Определенно, при этом у них крадут детскую чистоту. Они становятся обезчеловеченными и неживыми объектами чужого удовлетворения. В этом виде удовольствия нет никакого содержания и уж точно нет любви. Жертва по большей части испытывает бессмысленные ощущения на примитивном, животном уровне, формируя фиксацию, которая может дать о себе знать и во взрослой жизни. Возможно, более травмирующим, чем само насилие, является ущерб, нанесенный личности ребенка. Сексуальное насилие — это ужасный эпизод в жизни ребенка, травма, причиненная его или ее личности,

коверкает, подрывает и искажает будущее поведение ребенка. Как мы увидим дальше, этот пример демонических, сексуальных наклонностей Сета будет далеко не последним.

На символическом уровне осквернение имеет совершенно иной смысл. Герой, избежавший соприкосновения с тьмой, рискует оказаться во власти гордыни, самоуверенности и каверзной инфляции. И опять же мы видим, что Сет, несмотря на свое злопахательство, несет в себе искупительную ценность. Отныне его «семья» живет в Горе, пока он взрослеет. Как ни странно, это самое семья порождает агрессию, которая в итоге убивает Сета.

Тот утешает Исиду, говоря ей, что Гор вернется в образе птицы Бену. Эта деталь указывает на немаловажную связь между Гором-старшим, Гором — сыном Осириса и Исидой. Вспомним, что первый был задуман как птица, существовавшая в начале времен. И здесь опять Тот ассоциирует Гора-младшего с птицей Бену, которая летала над водами Нила, приземлялась на камни и своим криком нарушала первозданную тишину. Крик этот предопределил все, чему суждено было быть сотворенным. Ссылаясь на отрывок из Текстов Саркофагов, Рэндал Кларк отмечает, что эти две птицы «объединены в одну», и в результате оба изображения Гора приобретают космическое значение. Это вполне логично, поскольку Гор-младший в этот момент находится в Дуате. Кларк пишет, что эта птица «взлетает и парит по ночному небу подземного мира, чтобы приземлиться на краю света, принеся с собой сумерки, наступающие незадолго до начала полного дня... Появление в небе Гора как раз перед рассветом знаменует собой начало Нового Года. Правление Сета, отмеченное несчастьями, страхом и неразберихой, требовало появления нового героя-освободителя, который будет править по другим законам. Итак, великая эпоха мира начинается заново.» Иначе говоря, мы обнаруживаем параллельные значения у обоих Горов, несмотря на то, что они появляются в самых разных частях мифа. Их поведение имеет схожий смысл: жизнь создается и воссоздается — сначала с рождением мира, а затем с пробуждением Осириса.

Спустя столетия птица Бену становится Греческим сфинксом, бессмертной птицей, которая поджигает собственное гнездо, превращается в пепел и рождается заново. Феникс является главным символом алхимической трансформации и связан с операцией *coagulatio*. Этот символ поднимает еще одну проблему, которую еще предстоит решить: кто унаследует трон, брат Осириса или его сын. Феникс символизирует престолонаследника, и как утверждает алхимик Деннис Хок, «Наследник — это конечный результат человеческого генезиса: духовной, неуничтожимой формы жизни, в которой облагораживается душа.» Таким образом, вопрос о том, кто придет вслед за Осирисом, представляет первостепенную важность. «Этот феникс, — добавляет Хок, — и будет его наследником.» Отец испытал на прочность своего сына и решил, что он вполне годится на то, чтобы принять власть в свои руки. Но у грозного соперника Гора, Сета, на этот счет совсем другие планы.

Станет ли преемником Осириса Гор, квинтэссенция осознанного эго, воинственный и всегда готовый защитить свое государство, человека и индивидуальную идентичность, или Сет, чья пылающая, серная природа возвращает личность в мир опасности и хаоса.

10

СУД БОГОВ: КОМУ ДОСТАНЕТСЯ ТРОН?

Великая Война между «Двумя Братьями», известными как Сет и Гор, продолжалась в течение восьмидесяти лет. Тот всячески вмешивался в это противостояние и пытался убедить противников урегулировать свои разногласия на совете богов. И хотя обе стороны были согласны последовать этому совету, они все еще рвались в бой. По совету Тота суд обращается к Нейт, богине мудрости, которая решает спор в пользу Гора. Ра не соглашается с вынесенным вердиктом, но его смысленной дочери Хатхор удается усмирить горячность отца. И он приказывает продолжить судебное разбирательство. На этот раз удача улыбается Сету. Но Исида, призвав на помощь свою смекалку, уговаривает суд изменить свое решение. Обуреваемый яростью Сет жалуется Ра, что Исида, оказывая влияние на богов, действует противозаконно. Ра, опасаясь реакции Сета, в случае если тот проиграет процесс, переносит место проведения заседания на остров и запрещает Исиде присутствовать на последующем слушании. Игнорируя приказание Ра, Исида при помощи той же магии пробирается на остров. Оказавшись там, она превращается в некое подобие Нефтиды, которая к тому времени уже не жила с мужем. Сет, одураченный замаскированной Исидой и оказавшийся бессильным против ее чар, дает обещание, что ее сын будет править Египтом, и что никто не сделает ему ничего плохого. Совет богов, вдоволь позабавившись искусной ловкостью Исиды, приказывает Сету, ссылаясь на его же клятву, уступить трон Гору.

Как листья, облетающие с ветхого дерева, многочисленные фрагменты мифа оказываются вовлеченными в культурный, религиозный и политический поток, прежде чем окончательно остановиться и закрепиться в некой повествовательной форме. В случае с нашим мифом его концовка представлена в двух вариантах, одну профессор Армор назвал эпической, другую — сатирической. Поскольку в каждом из финалов некоторым образом отражено мировоззрение египтян, я полагаю, что последнее из упомянутых окончаний может предложить куда больше в плане алхимической интерпретации мифа. В выделенных курсивом предисловиях последних глав нашего мифа представлена сатирическая версия.

Сет, расправившись с Осирисом, готовится убить его взрослого сына Гора, которого он считает незаконнорожденным отпрыском Исиды. Фактически война идет между Сетом и Осирисом, но Осирис мертв, поэтому Гор действует как его доверенное лицо. С этой точки зрения мы могли бы испытать некоторое сочувствие к Сету и понять его ненависть к Исиде, но по мере продолжения истории все еще может измениться. К настоящему моменту Гор стал воином, которому больше по душе был час сражения, нежели день праздника. Предстоящая кровавая битва необходима для того, чтобы определить полноправного наследника престола. Это состязание между варварством и цивилизованностью или, выражаясь в терминах психологии, между первобытной инстинктивной энергией и более осознанным поведением эго. К подобным динамическим характеристикам можно добавить тот факт, что хаос зачастую возникает после смерти великого лидера. В нашем случае бог мертв, и вопрос о том, установится ли новый порядок, будет решен исходом Великой Битвы. Итак, физическая и психическая атмосфера в Египте балансирует на грани.

Спасется ли Египет, сформировавшийся под влиянием учений Осириса, или его погубят безвластие и варварство? Падет ли двор фараона под тяжестью кровавого правления Сета или будет действовать и дальше в соответствии с законом и порядком (Ma'at), установленными Гором? Возникает еще одна менее

очевидная вероятность: сменится ли существующая традиционная линия наследования, которая к тому времени (3000 г. до н. э.) шла по материнской линии, на патрилинейный порядок престолонаследия?

Два сражения решат судьбу Египта — одно имело место на суше, на море и на небе, а другое развернулось в подземном мире. Гор сойдется в схватке с Сетом на земле, в то время как Осирис обеспечит своему сыну твердую почву под ногами. И Исида, и Тот готовят Гора к бою. Исида украшает лодку сына золотыми гирляндами, а Тот наделяет его способностью превращаться в солнечный диск с пламенными крыльями. И все же, помимо всех этих приспособлений, Гору требуется психологическая подготовка. Ни один бой нельзя выиграть лишь мозгами или мускулами. Чем-то принципиально новым была дополнена египетская душа — источником бессознательного. И вот оба противника уже готовы вступить в бой, но тут вмешивается Тот. Ему удастся убедить обе стороны сложить оружие, по крайней мере, на время, и обратиться в суд за разрешением их спора. В мире, где конфликт решался обычно при помощи грубой силы, разбирательство дела во время судебного процесса представляет собой радикальный сдвиг в сознании. Собрались боги, включая Ра в качестве верховного судьи; а Геб, отец Сета и дедушка Гора, следит за ходом заседания. Благодаря Шу, утверждающему, что «справедливость должна восторжествовать над чистой силой», вердикт выносится очень быстро. Гор объявляется законным правопреемником, но Ра недоволен вынесенным решением, отчасти из-за предчувствия жестокой мести со стороны Сета. Но как мы видим, Сет будто не слышит судью и призывает Гора решить их спор в боевой схватке. И снова вмешивается Тот и спрашивает, а нельзя ли решить конфликт иным путем. Суд просит Тота написать письмо с разъяснением ситуации богине Нейт, с давних времен почитаемой как очень мудрой. Она также высказывает свое решение в пользу Гора, а еще вносит предложение подарить Сету двух прекрасных богинь, дабы усмирить его гнев.

Ра, чье могущество ему когда-то сослужило ему хорошую службу, пренебрегает решением суда. Его ярость требуется

хоть как-то унять. Как мы помним, Ра сотворил Хатхор, чтобы помешать кровавой богине Сехмет уничтожить всю человеческую расу. На этот раз Хатхор призывают, чтобы уговорить ее свирепствующего отца. Она очаровывает его своим безудержным танцем, во время которого обнажает свое тело. Прельщенный танцем своей дочери, Ра успокаивается и приказывает Гору и Сету вернуться на суд.

«Оба приятеля» предъявляют те же самые доводы, и на этот раз боги склоняются на сторону Сета. Но Исида не собирается так легко уступать и заверяет судей, что, в конце концов, Гор станет царем. Сет приходит в бешенство и отказывается участвовать в дальнейшем заседании, пока Исиду не удалят из судебного зала. Ра дает распоряжение о смене места проведения заседания. С этого момента судебный процесс будет проходить на острове, а паромщику Анти отдан приказ преградить Исиде путь у кромки воды и удостовериться в том, что нога ее не ступила на борт.

Эти мелодраматические события плохо маскируют реальные проблемы, воспроизводимые в мифе. Если смотреть на все происходящее с современной точки зрения, то это легкомысленное судилище на совете богов выглядит почти комично. Дело даже не в том, что богов так легко сбить с толку, а в том, что их приговоры не исполняются. Вместо этого мы видим, как решение судьи с легкостью сменяется на противоположное. Но игривое настроение исчезает, когда мы понимаем, что поставлено на карту. Мы можем только представить, во что превратился бы Египет, если бы вердикт был вынесен в пользу Сета. Мы получили бы мир, в котором преобладали бы сила, жестокость и разбой. В нем не было бы места для обдуманности, справедливых суждений и человеческих прав; миром правил бы тот, кто обладал самым острым мечом. Несомненно, многие империи усилили свою мощь благодаря кровавым завоеваниям. Анализируя ситуацию с психологической точки зрения, фактически это было соперничество между физической силой и интеллектуальным суждением, эта тема неоднократно повторяется на протяжении веков, как в индивидуальном плане, так и в коллективном

обществе. В предыдущей главе я упомянул о повести Стивенсона, в которой замечательно проиллюстрирован пример одного человека, ломающего голову над той же самой проблемой.

Если говорить простым языком, суть рассматриваемого вопроса заключается в том, следует ли грубой силе Сета обуздать Гора. Сет олицетворяет собой инстинктивные силы бессознательного, тогда как Гор символизирует пробуждение нравственного сознания. Другая сторона проблемы сопряжена с правилами престолонаследия. Кажется, что при всех этих разборках остался абсолютно незамеченным факт, что Сет убил своего брата. Но ведь именно власть Сета — беспощадная инстинктивная сила — могла бы наилучшим образом послужить на благо Египта. И здесь мы должны вспомнить, что правитель всходит на престол через кровопролитие, эта тема предстанет во всей своей красе в следующей главе.

Резкие перемены в судебском мнении не только обнажают неминуемые ошибки, сопровождающие абсолютно новый подход к урегулированию споров, но также впервые раскрывают амбивалентность богов, подразумевающую ослабление их власти. Перед ними встает проблематика, которую вряд ли можно считать однозначной — черной или белой; и Сет и Гор в своих притязаниях на престол имеют одинаково жизнеспособные аргументы. И каков бы ни был итог данного спора, новому богу-царю непременно понадобятся как безличная, дерзкая хватка Сета, так и психологическая стойкость Гора, призванная сохранить Ма'ат. Еще одним немаловажным фактором также должен быть хорошо обдуманый приговор. Будет ли это решение принято мужчинами и ради мужчин, или мы наблюдаем возрождение женского начала? Особо важно отметить участие во всей этой истории трех женских фигур, которые в данный момент своим присутствием умиротворяют бушующие страсти и вселяют уверенность в том, что, в конце концов, цивилизованность возьмет верх.

Первой появляется богиня войны и мудрости Нейт, которая в более поздние времена станет известна под именем София. По просьбе богов Тот пишет Нейт: «Что нам делать с этими двумя приятелями, распри между которыми продолжаются вот

уже восемьдесят лет, а мы никак не можем вынести свое решение ни в пользу одного, ни в пользу другого? Пожалуйста, напиши, как нам поступить.»

Для вынесения решения по данному делу потребуется мудрый совет и метод, способный в полной мере объединить противоположные аргументы. Мы сможем по достоинству оценить выбор богов в пользу Нейт, если лучше присмотримся к представлениям греков о Софии. Наследие Софии имеет давнюю историю, но особо важным для алхимии является ее весьма значимая роль среди Гностиков. Она считалась невестой Бога и ответственной за сотворение материи. Создав четыре элемента стихии, она воплощает и дух, и материю. Она есть Божественная Искра и Вселенский Разум, сокрытый во плоти каждого человека. Эта искра является тайной мудростью, которая будучи однажды осознанной и принятой, воссоединяет индивидуума с Божественным Светом, Богом.

Ответ Нейт был дан без всяких разъяснений. Она всего лишь говорит: «Да будет Гор достойным продолжить дело Осириса. И впредь не совершайте подобных вопиющих актов беззакония, в которых нет справедливости, иначе я приду в ярость и обрушу небосвод на землю. Владыке Мира, Быку, что правит в Гелиополисе, следует сказать: Пополни богатства Сета. Даруй ему Анат и Астарту, двух дочерей твоих, и введи Гора во владения отца его, Осириса.»

Несмотря на сиюминутное согласие богов с заявлением Нейт, Ра противится вынесенному решению. Он опасается, что передача царства в руки Гора обойдется ему очень дорого. Поистине удивительно, что никто иной, а именно Ра, бог богов, так озабочен участью Сета. Однако нам следует вспомнить, что Сет вместе с Ра и Осирисом — это единственные боги, которые по-настоящему бессмертны. Каждый из них обладает неотчуждаемой властью, без которой все сущее в сотворенном мире полностью бы исчезло. Могли бы эти три сущности соответствовать алхимической Соли, Ртути и Сере?

Хатхор, жена Гора Старшего, является вторым «охлаждающим» агентом, умиротворяющим ярость Ра. Используя собственное

тело, она при помощи танца и бесстыдного обнажения поднимает Ра настроение, оживляет его юмор и успокаивает его. В этом и заключается власть секса и убления — подавлять в нас агрессию, при условии, что искусный мастер знает, как обращаться с этими реагентами.

Третья богиня, повлиявшая на ход разбирательства, — это Исида. Ее магия и целительная сила настолько действенны, что ей удается заставить богов изменить свое решение. Она не собирается уступать Сету, и это пугает его больше всего. Подтверждением этому служит тот факт, что лишь она одна ловко справилась с Сетом, ни разу не отступила назад и неоднократно обвела его вокруг пальца. Вот и в очередной мы увидим, как она использует свою способность менять облик, чтобы проникнуть в зал суда. Ее ни в коем случае нельзя недооценивать. Мы были свидетелями тому, как она заполучила секретное имя Ра, а в сражениях, которым еще предстоит развернуться, мы увидим, как она воссоздает поврежденное око Гора. Это исцеление праздновалось по всему Египту, где глаз Гора, или Уаджет, защищал царя в загробной жизни.

Несмотря на то, что в древнем Египте правили мужчины, мы должны помнить, что истоки власти сосредоточены в Великой Матери. Поистине, за всяким тронem стоит женщина! Том Хэйр в своем постмодернистском семиотическом исследовании «Собирая заново Осириса» отмечает, что «расшатывание и разрушение устоявшегося порядка во всей фаллоцентрической иерархии *Камутефа* имеет следующее истолкование: не „бык своей матери“, а „бык есть его (собственная) мать“».

Проблески этой женской энергии мы видим в находчивости Исиды. Она укрощает грубую силу Сета хитрыми и умными словами. Мы видели, как она превращается в коршуна и в старуху, а теперь она принимает облик отлучившейся жены Сета, Нефтиды. В другом варианте мифа она предстает «соблазнительной чаровницей», которая рассказывает Сету свою длинную печальную историю: «Она была замужем за пастухом и родила ему сына. Когда муж умер, сын стал пасти стадо. Но тут появился незнакомец и сказал сыну, что заберет его скот и пригрозил

юноше расправой. И вот обращается она за помощью к Сету, а тот по наивности своей возьми и ляпни: „Как может чужак претендовать на скот, если остался сын хозяина!“»

Из обеих версий можно сделать один вывод: В своих законных аргументах на суде Сет, дядя Гора (то есть жестокий незнакомец из рассказа Исида) подставил сам себя, заявляя, что трон (или стадо) будут принадлежать ему. Гор торжествует, но только потому, что имело место материнское вмешательство. В алхимии, как и во всей египетской истории, роль женщин была крайне недооценена. «Женщины, — говорит Хейр, — имели гораздо больше прав и свобод на якобы тираническом Востоке, каким представлялся древний Египет, нежели, как это принято считать, на демократическом Западе, коими были классические Афины. Но чтобы в должной мере оценить существующее положение, мы не должны игнорировать «андроцентризм», царивший в Египте, а также «абстрактное предпочтение мужской власти в правительстве, экономике и в самых разных видах письменной традиции.» Мы помним, что мастурбирующий бог (Атум) положил начало этому миру, оставив нас «неизбежно зависимыми от союза фаллического тела и бытия.»

«Ритуальный фаллос, — пишет юнгианский аналитик Юджин Моник, — указывает на существенную важность мужского начала как со-творящего фактора в создании всего и вся.» Он напоминает нам о самом раннем сновидении Юнга, в котором он увидел огромный фаллос в подземелье. И только в старости Юнг понял весь смысл данного сновидения. Он связал фаллос с алхимическим богом Меркурием, трикстером, играючи балансирующим на грани жизни и смерти. «Дух Меркурия — это мужской инстинкт, дух, закупоренный в мужском теле, стремящийся выразить себя через фаллос. Выпущенный на свободу, Меркурий „становится живительным началом всех тварных вещей.“» Атум несет в себе эту двойственную сексуальность, необходимую для воплощения всего сотворенного. «Атум, — говорит Хейр, — фактически может быть охарактеризован как „тот, кто сам себя породил, извергнув семя в Гелиополе. Он взял свой фаллос в руку свою, вызвав извержение

Рисунок 10.1 Меркурий

семени, и так родились близнецы — Шу и Тefнyт“ (Тексты Пирамид, 1248a—d). Тщательно исследуя иероглифы, описывающие эту сцену, Хэйр раскрывает существенное значение этих сексуальных образов, в которых фаллос олицетворяет мужское начало, а рука — женское. В какой-то момент эти два понятия неразличимы: в более широком смысле эти иероглифы означают развитие, включающее в себя «процесс материи и процесс сознания.» Подобно своему предшественнику, Тоту, Меркурий в типичной для себя плутовской манере объединяет психику и материю в один принцип, из которого появляется все творение.

Значение фаллоса как доминирующего образа египетской космологии закрепляется в поклонении ему во время праздников Хеб-Сед, которые устраивались в эпоху Среднего Королевства. Маскулинность всегда особым образом выделялась во время династического правления, в то время как фемининность была скрытой энергией, которую нельзя было недооценивать. Наглядным примером тому служат богиня Хатшепсут, примерившая на себя мужской образ, а также Эхнатон с его «естественным переворотом», оба эти фараона подчеркивают выдающиеся качества мужской власти. И хотя в суде мужской авторитет был очевидным, в повседневной жизни женщины были уравнены с мужчинами. В любом случае нам стоит более пристально рассмотреть, каким образом проявлялся в данной культурной среде специфический и менее заметный феномен женской власти.

Наиболее явным проявлением женской силы является ее сексуальность. Во всех египетских мифах богини прибегали к магии соблазнения и коварству, дабы быть просвещенными и иметь влияние на мужскую братию. Женщин преимущественно изображают поклоняющимися богам и украшающими их собою. Менее очевидной представляется их мутабельность и способность к изменению формы — легкость, с которой женщина, подобно воде, адаптируется даже к самым безнадежным обстоятельствам, а ее женский дар отождествления с силой помогает ей добиться своего. Все эти качества представлены преимущественно в Исиде. Она во всем непостоянна, как и сам Меркурий!

Если женщины, стоящие за треном, являют собой силу, даже более мощную, чем власть жрецов, то их место в суде может быть скорее вопросом стратегического позиционирования, нежели притворного угодничества.

В то время как по обыкновению мы ассоциируем фаллос с мужской символикой, при более близком рассмотрении мы можем открыть в нем ранее невидимые аспекты женского начала. Ранее мы наблюдали, как алхимики оперировали даже с крохотными крупичками золота, глубоко скрытые в первичном металле — свинце, чтобы вырастить это семечко в золото. Точно также и фаллос обладает феминными признаками, которые служат исходным материалом, позволяющим адепту приступить к уравниванию разума (мужское начало) и души (женское начало), чтобы сотворить лазурит. Гермафродит символизирует данный сплав в своей самой грубой форме. Ртуть обладает теми же самыми атрибутами бисексуальности: подвижная текучесть фемининного и энергичный дух маскулинного. Каким же образом два эти два, казалось бы, противоположные сексуальные аспекты сочетаются в фаллической символике Меркурия, покровительствующего бога алхимии? Тот же вопрос можно задать относительно Осириса, поскольку мы уже видели его и смиренно лежащим, и прочно стоящим (в вертикальном положении), что и отображено в колонне Джед. Просматривая юнгианский список характерных черт Меркурия, Моник отмечает интересные идеи, управляющие фаллическим поведением:

Во-первых, Меркурий изображается как мужчина. Он истолковывается как мужчина даже в своем дуалистическом аспекте мужчина/женщина или когда выглядит, как женщина... Во-вторых, Меркурий чрезмерно идеалистичен — он ходит взад и вперед, он поднимается и опускается так же необъяснимо, как это делает фаллос. В-третьих, как трикстера Меркурия можно сравнить с фаллосом, что прикидывается вялым, выглядывает из-под покрова крайней плоти, прячется между ног и делает вид, что ему ни до чего нет дела.

Играя в джентльмена, он готовит почву для соблазнения. Обхаживая свою жертву, он пускает в ход весь арсенал любезностей, чтобы добиться ее расположения. «Могу я угостить Вас ужином?» «Как насчет того, чтобы выпить?» «Хотите прокатиться?» У меня есть дочь. И иногда во время телефонных разговоров я слышу их завуалированные предложения. У меня есть и сын. Но когда ему звонят девушки, все обстоит иначе. Они интересуются, как у него дела, и чем он занимается, они могут даже манипулировать, но они не так часто имитируют фаллическое поведение.

Скрытность, застенчивость, покорность и притворство — все это аспекты мифологической женственности, здесь мы видим неотъемлемую часть ежедневной жизни фаллоса.

Принимая во внимание особенности женской психики, нам будет проще понять кажущуюся пассивной природу Осириса. Он не столько жертва Сета, сколько податливая материя в руках бога, который находит удовольствие в разрушении. В своей здоровой форме этот процесс включает разделение, *separatio*, которая сводит расплывчатые идеи к содержательным заключениям. Мы ни разу не видели, чтобы Осирис затевал драку. И все же в его инертности заключена его сила, дарующая ему все необходимое для осуществления индивидуации — в большей мере для общечеловеческих целей, нежели ради личной выгоды. Размышляя над некоторыми ключевыми событиями, мы вспоминаем появление Осириса на вечеринке у Сета, его «пребывание в спящем состоянии» внутри дрейфующего гроба, объятия дерева акации, его расчленение и обольщение Исиды. Каждый из этих случаев пронизан неподдельным ощущением смирения и молчаливого согласия. Обычно мы воспринимаем пассивность как слабость, но это справедливо только когда она остается бессознательной и неэффективной по отношению к процессу индивидуации. Для того чтобы воплотить такого бога, мы должны учитывать его «индивидуацию», пока он созревает до космического архетипа. Все, что он делает, он делает не ради

собственных корыстных целей, а на благо всего человечества. В конечном итоге дух мертвых прибывает в Дуат, подходящее место, в котором он может править как бог мертвых и повелитель бессознательных сил.

Несмотря на наши попытки точно описать, как эти древние люди управлялись с этим сексуальным комплексом — маскулинностью и феминностью, — мы видим, что нам действительно не хватает слов, чтобы уловить суть этой сизигии, которая образует ось мира. В то время как культурные, политические, исторические и религиозные факторы оказывают свое влияние на то, как проявляются данные силы, эта извечная монада не изменяется вовсе. Гор как мифическая репрезентация осознающего эго пытается вписать этот комплекс в рамки закона и порядка, в то время как Сет, чья первобытная энергия берет свое начало в неразбавленном виде от природы, борется за сохранение инстинктивной основы сознания. Здесь две правды, и наша задача — свести их отношения к взаимодополняемости. По мере завершения мифа мы увидим, как разыгрывается эта психическая борьба, но каким бы ни был исход, в конце концов, мы столкнемся с неудобной истиной, заключенной в тайне, которая определяет природу человека, и все, что составляет сотворенный мир.

11

MA'A-KHERU

Отмена приговора приводит Сета в бешенство, а о его ненависти к Исиде и говорить не приходится. Он объявляет войну Гору, который с радостью принимает вызов. Их соперничество оборачивается вереницей кровопролитных сражений длиною в восемьдесят лет, за время которых каждая из сторон поочередно празднует победу. В одном из таких столкновений Сет атакует Гора, но Исиде опять удается вмешаться и перехитрить Сета. Но, в конце концов, в спор вступают боги, которые настойчиво вопрошают, почему Сет не позволяет суду урегулировать их спор. К их великому изумлению, Сет соглашается остановить войну и признает решение судей в пользу Гора. Птах радуется тому, что справедливость восторжествовала, но ему не дает покоя то, что Сет не получил свою законную долю власти. Прозорливый Ра понимает, какую службу может сослужить ему Сет со своей воинственной натурой. Он берет его с собой в солнечную ладью и использует его по мере необходимости для запугивания людей и врагов. Гор, объявленный законным наследником престола, спускается в Дуат, чтобы разбудить своего спящего родителя. Получив новые полномочия, Гор оживляет душу Осириса, и сообща они приносят новый порядок и в верхний, и в нижний мир.

Армор говорит об эпической версии конфликта между Гором и Сетом как о затянувшейся кровавой битве. Сцены этих

сражений сюрреалистичны, каждая из воюющих сторон превращается то в крокодила, то в бегемота. Гор преобразается в пламенный крылатый диск, чтобы ослепить воинов Сета, лишая их возможности узнавать друг друга, и тем самым сбить с толку войско своего врага. Однажды Гор, перепутав одного солдата с Сетом, разрубает его на четырнадцать кусочков. В другой раз Гор захватывает Сета, связывает его по рукам, а Исида охраняет его, пока Гор преследует вражескую армию. И тут идея власти диаметрально меняется, на сей раз Сет сбивает с толку Исиду своими мудрыми речами. Толковый воин учится копировать тактику своего врага!

Обращаясь к сестринским чувствам Исиды, Сет упрасивает ее ослабить веревки, которыми связаны его руки, и в итоге сбегает из плена. Узнав об этом, Гор приходит в ярость и отрубает матери голову. Теперь Гора трудно отличить от Сета. Тот бросается на помощь и заменяет голову Исиды головой коровы — случай, когда Исида и Хатхор соединяются в одной богине. В финальной битве смертельный гарпун Гора поражает Сета, принявшего облик красного бегемота. Острие гарпуна пробивает ему череп, и он умирает. Это классическая история о торжестве добра над злом; сражение выигрывает наиболее физически сильный из двух противников.

Несмотря на простоту данной версии, она поднимает ряд очень важных вопросов, которые указывают на процесс индивидуации. Мы в который раз явственно видим, как Исида, исполняя свою материнскую функцию, защищает своего сына, что в конечном итоге приводит к тому, что Гор отрубает ей голову. Данный поступок, несомненно, является сепарацией (перерезание пуповины), необходимой для Гора, чтобы стать самим собой. Возможно, впервые мы видим Исиду слабой и очарованной Сетом. В результате обезглавливания свирепость Исиды сменяется более мягким материнством Хатхор, богини с головой коровы. Мы также видим у обоих воинов существенные потери телесного свойства. Гор теряет один глаз и в какой-то степени утрачивает способность божественного видения, в то время как Сет теряет часть своего мужества. Когда либо разум, либо

душа достигает своего высшего предела, можно ожидать эффект *энантиодромии* (стремительного разворота к противоположности, которая восстанавливает равновесие). Здесь мы видим, что Гор и Сет уже почти готовы стать одним целым. Джозеф Кэмпбелл поясняет: «Говоря мифологическим языком о неизменной диалектике временной последовательности, когда все явления происходят попарно, Гор и Сет находятся в бесконечном конфликте; тогда как в сфере вечности, за завесой времени и пространства, где не существует дуальности, они пребывают в согласии.»

Несмотря на всю жестокость этих мифических битв, война, описанная в сатирической версии, дополнена иронией, сарказмом и едким остроумием — все это наводит на мысль о том, что эта Великая Борьба — пародия, ценность которой заключена в ее символизме. Безусловно, самая абсурдная сцена в упомянутой сатирической версии происходит во время мнимого перемирия. Сет предлагает Гору прекратить борьбу, но мы вскоре понимаем, что это всего-навсего уловка. С несвойственным и необъяснимым для себя доверием, Гор соглашается с Сетом и принимает его предложение, что на физическом уровне означает, что они укладываются вместе. Одно дело — сложить оружие, но возлежание рядом друг с другом перемещает миф в область символического фарса. Безусловно, подобный вид компромисса совсем не вяжется с враждебностью Гора, проявляющейся на протяжении всего мифа. Скорее всего, это художественный прием, используемый для создания сцены, в которой Сет переживает свое окончательное поражение. Том Хэйр подытоживает то, что происходит далее:

Сетех (Сет) любезно приглашает Гора к себе домой, а Гор не только принимает это приглашение, но и остается в доме Сета на ночь. А ночью Сет предпринимает попытку изнасиловать Гора, вводя свой пенис промеж бедер Гора, но Гор избегает проникновения и ловит своей рукой сперму Сета. Он убегает к своей матери, Исиде, чтобы сообщить следующее: «Иди и посмотри, что Сет

сотворил со мной!» И когда он разжимает перед ней свой кулак, она издает пронзительный вопль, отрубает ему руку и бросает ее в реку. Затем она магическим образом восстанавливает ему руку и, смазав его пенис, помогает Гору мастурбировать с тем, чтобы собрать в сосуд его семя. Она берет сперму Гора и идет в сад к Сетеху, чтобы разбрызгать ее на грядку салата, из которого он ежедневно делает себе кушанья. И когда в тот же день Сетех поел этого салата, он тем самым оплодотворил себя семенем Гора.

Подобные гротескные выпады мы можем наблюдать в сценах водевилей; семенем здесь играют, как в «горячую картошку».

Но шутки в сторону, ибо предпринятое изнасилование таит в себе немаловажные последствия. Есть весомые доказательства тому, что в Древнем Египте гомосексуализм считался табуированным. В таком случае не удивительно, что боги реагируют на него с таким отвращением. Следует добавить, что расплате за гомосексуальную связь подвергалась только жертва данного действия, а не сам насильник. Другими словами, Сет пытается выиграть суд, выставив Гора гомосексуалистом. Не очень сведущ был Сет в проделках Исиды, пока не оказался беременным семенем Гора — таков сюрреалистический образ того, как в результате сумбурных обстоятельств происходит иногда соединение противоположностей. Гор протестует против обвинения, а Тот требует вызвать сперму Гора в качестве свидетеля. Но Сет уже больше не может скрывать тот факт, что он одурачил Гора, и в свою очередь, снова был облапошен Исидой.

Прежде чем продолжить эту причудливую историю, вспомним, что это не первый случай, в котором Сет пытается изнасиловать Гора. Ранее мы уже ввели Сета в образе скорпиона, жалящего малолетнего Гора. Любопытным является тот факт, что этот самый арахнид был очень любим никем иным, как Исидой! В любом случае, «мы видим, что Сет», по словам Х. те Вельде, «испустил свое семя в Гора: „Семя Сета находится в животе Гора с тех пор как Сет выпустил его в Гора.“» Далее,

много позже, из мифа мы узнаем, что Сет выбивает Гору глаз, а Гор, в свою очередь, отрывает Сету яички. И хотя многие египтяне считали, что Сет был кастрирован, при более пристальном исследовании данного момента становится очевидным, что Гор «перехватывает семя из яичек Сета.» Во время этой последней встречи семя Сета вновь оказывается «перехваченным» и извергается прямо в руку Гора. Закрывая глаза на этический и даже сексуальный аспект данного обстоятельства, мы могли бы расценить эти посягательства со стороны Сета как необходимость соединиться с Гором. Ранее я отмечал, что это была предыстория появления обоих богов в недуалистической загробной жизни. В удивительном анимистическом мире Древнего Египта, где мы ранее успели засвидетельствовать потенциальное присутствие духа безмятежности, нам уже не должно быть в диковинку услышать, как Тот призывает к ответу семя. «Выходи, семя Гора». На что семя отвечает: «Откуда мне появиться?» И к всеобщему удивлению, семя всплывает из короны Сета в виде лучезарного диска. Тот поспешно снимает этот диск и возлагает себе на чело. После этого события в преисподнюю отправляются несколько писем. Тут выходит Осирис и «напоминает богам, что он создал ячмень, пшеницу и скот, и если бы не он, у них было бы средств к существованию, добавляя также, что Гор — его законный наследник.»

Когда судебное решение выносится в пользу Гора, Сет предпринимает последнюю попытку вызвать его на бой. К этому моменту боги уже порядком подустали. Исида волочит Сета, скованного цепями, в зал суда. Атум-Ра в своем финальном обращении к Сету спрашивает, почему тот не уважает решение великого собрания. И вдруг картина происходящего внезапно меняется, и мы видим, как Сет, этот пламенный бог, бившийся за власть на протяжении восьмидесяти лет, соглашается прекратить борьбу и признать за Гором право законного наследования трона Осириса во веки вечные.

Что это за финал истории? Почему Сет резко капитулирует? Что означают эта попытка изнасилования? И в чем смысл показаний семени? Почему Сету сохранили жизнь? Пока мы не

ответим на эти вопросы, этот миф будет не более чем безумная фантазия.

На момент активного вовлечения Сета в тотальную войну, Гор уже предстает взрослым мужем. Отец его пребывает в подземном мире, а нам ничего не рассказывается о том, как воспитывался Гор. Кроме Тота, вооружающего его магическим диском, и Исида, украшающей его военный корабль, мы ничего не знаем о внутренней психологической подготовке, которая превратила его в воина. (Это выглядит странно, так как мы располагаем данными о том, что некоторые фараоны для подавления своих врагов воплощали дух Сета и Нейт.) Нет сомнений в том, что Гор еще не имеет опыта ведения боя и плохо подготовлен к тому, чтобы сойтись в схватке с Сетом. Эта борьба Двух Собратьев направлена не только на то, чтобы решить, кто будет наследником трона, она служит неким психологическим полем, на котором Гор держит экзамен не как полноправный сын Осириса, а как самостоятельный взрослый человек. Я использую здесь слово «человек», а не «бог», потому что эта битва больше походит на человеческую, нежели божественную. Гор очеловечен и готов служить образцом для каждого будущего фараона. В отличие от своего отца, Гор энергичен и решителен; даже несмотря на то, что его мать, Исида, неоднократно спасала его, он изо всех сил старается стать самодостаточной личностью. Можно сказать, что поскольку Осирис сошел в подземный мир, Гор начинает вершить на земле свою власть; отныне он становится силой трона фараона. Осирис активизировал бессознательное, и теперь Гор должен занять свое место в центре вновь сформированного принципа, то есть осознающего эго. «Осирис — это вчерашний день; Гор — день сегодняшний.» Данные действия показывают, как эти архетипические боги, занимая каждый свое место, создают экологию современной психики и цивилизованного общества.

Чтобы утвердиться в своем положении, Гор доказывает то, что он законный сын Осириса, своим неизменным стремлением отомстить за своего отца. Как уже отмечалось, он в прямом смысле содержит в себе сульфурическую энергию Сета. И дабы

не опускаться до уровня своего дядюшки, он должен ради благой цели подавить своего врага. Правосудие, а не возмездие, должно привести его к своей цели. Он должен действовать, как зрелый воин, а не как рассерженный мальчишка. Для этого он должен отделиться от своей матери и восстановить зрелые отношения со своим отцом. Однако без постоянных провокаций Сета он был лишен возможности достичь этих целей. Именно подначки Сета приводят в движение процесс сепарации-индивидуации, который в конечном счете превращает Гора в идеального фараона. Вот в чем заключается особая роль Сета в психике. Он подводит нас к границе безумия и при этом вынуждает нас переосмыслить себя самих. Он есть наша тень, олицетворяющая хаос и смуту, необходимые нам в будущем для восстановления порядка.

Описывая путешествие героя, художница Дороти Норман характеризует Сета как «тень Гора, бога притеснений, сеющего трудности и беспорядок, которые должен устранить герой в человечьем облики. Это то самое нейтральное качество Сета, что побуждает Гора к самосовершенствованию: стать восходящим, идти по пути героя.» В ненависти к Сету и в желании устранить его есть нечто заманчивое, но процесс сепарации-индивидуации включает в себя как темные, так и светлые аспекты личности. По этой причине Гора всегда предостерегали от убийства Сета, ибо, убив его, он уничтожит важную часть самого себя, без которой он никогда не достигнет освобождения.

Эта битва за обретение Самости имеет огромное значение на любом из уровней реальности, будь то интрапсихическое структурирование отдельной личности или объединение сил высшего и низшего миров. И снова Дороти Норман напоминает нам, что «фараона в Египте рассматривали как *воплощение в одном лице двух богов, Гора и Сета*. Или, как писал Генри Франкфорт, египетский царь отождествлялся с Двумя Владыками, „антагонистами, Гором и Сетом.“ Так оно и было, но „не в плане того, что его считали инкарнацией одного, а также... и другого богов“, скорее всего он воплощал сразу их обоих как пару, как уравновешенные противоположности. Так возник древний титул царя: „Два Властителя.“»

Данная сцена утрачивает некоторую свою нуминозность по причине того, что эта ситуация знакома многим, кому доводилось пережить разлучение с матерью, будь то родная мать индивида или тот, кто выполняет похожую роль. Борьба между Гором и Сетом представляет собой становление индивида, обособленного от той личности, которая была фактически ассимилированной с его или ее служением коллективу, или, в частности — фараону. Имитация изнасилования — это не просто художественно обрисованная попытка Сета взять реванш, но что более важно, ритуальное действие, в котором Сет старается *внедрить мужественность* в молодого Гора. Это также объясняет попытки Сета соединиться с Гором: психологически тень стремится раскрыться перед эго, но подобное действие не должно совершаться насильно; эго должно быть готовым к встрече со своей тенью и ее устрашающим содержимым.

Данный вид ритуального изнасилования мы видим в обрядах инициации, во время которых старшие соплеменники занимались сексом с юными мальчиками. Обрезание является еще одной неотъемлемой частью обрядов, направленных на отделение мальчика от матери, в результате которого он обретает ярость, необходимую для того, чтобы обескураживать неприятелей и безнаказанно убивать. В некоторых племенах Южной Африки только что коронованному королю давали небольшой тотем его матери, чтобы тот носил его на поясе, но в то же время ему запрещалось впредь иметь с ней какие-либо контакты. Считалось, что он обладает «быком матери», сокрытым в нем самом.

Рассказывая «Историю о Двух Братьях», Хэйр так описывает главного героя Бату: «В нем заключена божественная сила.» Позже он говорит, что жена Баты «несет частичку от каждого бога... в себе», что свидетельствует о ее необычайной красоте. Что касается Хатшепсут, то приняв мужской облик, она была уверена, что породила новый миф, в котором Амон соблазняет ее: «Он тотчас приблизился к ней, исполненный страстью, Он положил Свое сердце на ее сердце, и явил Себя ей в Своем лике Бога. И когда Он предстал перед нею, она пришла в восторг от Его совершенства. Любовь к Нему пронзила ее тело.

Если быть совсем конкретным, то для обладания сверхвозможностями процесс воплощения бога является обязательным. Соприкоснувшись однажды с царским семенем своей божественной тени, Гор, воспрянувший духом, воплощает идеальную модель власти. Отныне он становится фараоном, а затем покровителем всех фараонов. «Солнце и тень» соединились в его божественном теле. Теперь, когда он обращается к суду, это уже не молодой воин, стремящийся отомстить за убийство отца, а человек, который «провозглашен праведным.» Я использовал эпитет *ma'a-kheru*, имеющий значение «признан истинным», чтобы, прежде всего, указать на гармонию между словами и сердцем человека. Это происходит по-разному. Мы наблюдали это у детей, сообщивших царице Астарте о странной женщине (Исиде) на пляже. Тот частенько прибегал на помощь Исиде, когда слышал правду в ее голосе. Та же самая правда проявлена в сцене битвы Двух Собратьев, когда инстинкты уже бессильны, и герой начинает говорить правду с искренней убежденностью. Вот почему Сет неожиданно подчиняется суду, этим же объясняется непоколебимость богов в своем окончательном решении. Сет возвращается в свою вотчину как повелитель бурь, помогая Атум-Ра в его еженощной борьбе со змеем Апопом, а Гору тем временем предстоит выполнить еще одну миссию, прежде чем мы перевернем последнюю страницу этой легенды.

Несмотря на то, что понятие *ma'a-kheru* является юридическим термином, оправдывающим притязания Гора на престол, он сохраняется на протяжении всей египетской истории и имеет куда более широкое применение. Семиотический анализ большинства египетских слов раскрывает более глубокий их смысл, который зачастую приводит к более объемному их пониманию и употреблению. Так, к примеру, первая часть фразы относится к *Ma'at*, богине истины, справедливости и мирового порядка. Но, помимо этого, она представляет собой принцип и «новое видение совершенной индивидуальной жизни», которые служили нравственным эталоном развития сознания на протяжении всей длинной и бурной истории Египта.

Многочисленные тяжбы между Гором и Сетом напоминают нам о последнем и очень важном испытании, с которым сталкивается в конце своей жизни каждый египтянин. Душа умершего представляла перед Осирисом и взвешивалась на весах, на одной из чаш которой лежало перо *Ma'at*, символизирующее высшую справедливость. В итоге выносилось решение, обладает ли человек достаточной целостностью и благодушием — признаками индивидуированной Самости — чтобы войти в вечное царство благословенных мертвых. *Ma'a-kheru* характеризует человека, который обрел гармонию с собственным сердцем, а не просто слепо повиновался государству. Сердце, а теперь даже и семя, были интегрированы в личность, что было явным указанием на то, что человек больше не является отдельной единицей, которая должна безропотно подчиняться богам или фараонам.

Не прибегая ни к духам природы, ни к царю, человек имеет возможность пребывать в Боге, ибо Бог находится в пределах досягаемости каждого индивида. Люди более не характеризуются в понятиях их функций, скорее отдельный человек определяется новым уровнем сложности, и таким образом, индивид может отвечать требованиям социума или же оказаться несоответствующим им. Сет символизирует упрощенность старого мира, в котором человек был либо с ним, либо против него. Однако Гор — более сложный персонаж, олицетворяющий собой объединение глубинных ценностей, а вместе с ним и процесс индивидуации, который «воспитывает» варварскую тень, обитающую внутри каждого из нас. Он превосходно воплощает собою *Ma'at*, привнося полноту и завершенность в этот мир, в котором царит порядок.

Победа Гора — это торжество человечества над природой и социумом, освобождение воли человека и признание его неповторимости. С поражением Сета отныне каждый человек способен превзойти собственные страсти, влечение плоти, а также собственными усилиями добыть себе вечную жизнь. Причина рождения Гора от мертвого царя таится в том, что он «существует в этом мире, но не принадлежит ему.» Из семени Осириса была создана модель мужественности, зачатая

отцом-разумом и матерью-душой. Гор является связующим звеном между своими прародителями и всеми будущими фараонами. Его нуминозное рождение, его околосмертные переживания, его спуск в преисподнюю, а также его встреча с тенью являются отображением обряда посвящения, необходимого для порождения высокосоциальной и целостной личности. «Один из основных феноменов тотемизма и всех ритуалов инициации, — говорит Эрих Нойманн в своем классическом труде «Происхождение и Развитие Сознания» — заключается в том, что тотем, иначе говоря, предок, воплощается в прошедшем через инициацию потомке, находя в нем новое обиталище и одновременно представляя собой высшее «я». Результат подобных превращений можно проследить на протяжении всего пути Гора как героя, начиная от его сыновства и взаимосвязи с апофеозным отцом Осирисом и заканчивая Христианским Воплощением и феноменом индивидуации в современном человеке.

Индивидуация в этом мифе достигается путем сублимации природы и мира инстинктов одновременно с символическим возвышением отца и интегрированием его духа в каждую личность. «Именно Осириса, — пишет Дороти Норман, — должен воскресить Гор: а именно, то, ради чего мы живем, — воплощение полноценной жизни. Осирис — это цель, достигнутая посредством борьбы, это первостепенная миссия, обладающая движущей энергией, направленной на осмысленное возрождение.»

Получается, что прошлое представляет собой пятитысячелетнюю историю об индивидуации, эволюции и инволюции, которая и по сей день продолжает возвращать совершенную личность. Конечная задача Гора заключается в воссоединении с отцом и в воплощении его власти и мудрости. «Всякий царь, — добавляет Нойманн, — когда-то был Гором, а ныне становится Осирисом; каждый Осирис был однажды Гором. Гор и Осирис — одно целое.» Гор и Сет — одно целое. Осирис и Исида — одно целое, каждый из них — это жизненно важный элемент неделимой личности современного человека. О *mysterium coniunctionis* (таинство

воссоединения — прим. перев.), ставшее золотым канонем алхимии, наиболее выразительно сказано у Гермеса Трисмегиста: «И то, что вверху, аналогично тому, что внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи». Человеку, признанному праведником, не страшны никакие преграды на пути его становления нерушимой частью целого творения. Это неизблемый закон жизни и смерти. Каким образом нам удастся пройти жизненный путь, оберегая внутри себя эту самую непостижимую из истин, остается загадкой.

12

ВОПЛОЩЕНИЕ БОГА

Человек, познай себя... тогда ты познаешь бога.

— *Надпись на внутренней стене храма*

Там, где все кончается, все бесконечно начинается.

— *Гермес Трисмегист*

Миф об Осирисе является прообразом современной человеческой психики и процесса индивидуации. Он указывает на критически важную трансформацию сознания, которая началась в древнем Египте около пяти тысяч лет назад. Зародившись в первобытную эру Неолита, самые ранние зачатки стойкой цивилизации срослись с очень недружелюбной окружающей средой; и в условиях пустыни стала не только бурно развиваться племенная жизнь, но также стала формироваться элементарная структура сознания. Все это произошло в динамично развивающихся природных условиях, откуда необычные родоплеменные традиции из таинственной Африки перекочевали на север, чтобы помочь созданию династической империи, которая будет доминировать в мире в течение трех тысячелетий. Тотемы животных, духи природы, магия, а также ключевая роль института царей были теми самыми элементами, которые оказали влияние на формирование древнеегипетского управления, религии, психологии и культурных убеждений.

Фараон был центром древнеегипетского общества. Как мы уже знаем из текста данной книги, его роль была тройкой: (1)

он отвечал за строительство храмов, жертвоприношение богам, а также за все, что «позволяло богам и богиням чувствовать себя на земле, как у себя дома»; (2) через почитание богов и вознесение молитв он обеспечивал движение вселенной в верном направлении, — чтобы Солнце поднималось на востоке, а заходило на западе, и чтобы Нил время от времени наполнял влагой опаленную Солнцем землю; и (3) он привел в действие самый главный миф, который укрепил египетское государство.» В каждом из этих случаев главный долг фараона заключался не только в общении с конкретными могущественными богами, но и в том, чтобы быть, собственно, фактическим воплощением богов. В этой достопримечательной легенде, повествующей об Осирисе, я попытался отразить особую значимость фараона, так как мы, выражаясь современным языком, гораздо лучше приспособлены для понимания архетипов, чем древние боги и цари. Как я уже отмечал, эти мифологические персонажи уже давно обосновались в нашей психике — их духовное присутствие впечатляет куда больше, чем их реальное историческое существование. Но для древних египтян царь был живой Самостью, а, воплотив Гора, он «объединил в одну общность божества, людей и преобразенных мертвых.»

Мифология древнего Египта возникла из двух абсолютно разных культур, разделенных священной рекой. Культурологические отличия поделили страну на север и юг, а Нил расколол пустыню на восток и запад. Разобценные земли остро нуждались в воссоединении. Нил с его ежегодными разливами имел огромное значение для выживания людей, независимо от того, на каком берегу они жили. Помимо обширных, плодородных земель, примыкающих к реке, была необитаемая красная пустыня. Земледельческие общины создавались по берегам Нила, но за пределами этой узкой окраины плодородных земель могли выжить только кочевые племена. Как мы уже видели, Осирису приписывали оживление этих сельскохозяйственных общин, в то время как Сет господствовал над дикой песчаной сушей.

Не менее разительным был контраст между Верхним и Нижним Египтом. Нижний Египет располагался на севере, в плодородной

дельте Нила, где, благодаря близости к Средиземному морю, климат был более мягким, нежели на юге, где дули суховеи. Традиционной столицей Южного Египта был Мемфис. Согласно Мемфисской Теологии, в Первые Времена в Египте бурно произрастал папирус. Верхний Египет протянулся еще на семьсот миль к югу до границы с Нубией, родиной двух озер, питающих Нил. Современный город Асуан является традиционным разделительным пунктом, Фивы служил как столицей, так и религиозным центром Верхнего Египта. Обладающие самыми различными представлениями о жизни, это были Две Земли, которые каждый фараон, начиная с Нармера, стремился сохранить как единое государство. Поэтому становится понятно, какая общечеловеческая миссия была возложена на фараона — поддержание баланса между земной и психической энергиями. В его руках находилась политическая и духовная судьба будущего Египта. С этой точки зрения легко признать тот факт, что политика фараона акцентировалась на порядке и постоянстве; даже незначительные изменения могли легко нарушить хрупкое равновесие и низвергнуть весь Египет в хаос. Несмотря на усилия фараонов оставаться устойчивыми к требованиям, предъявляемым к ним отовсюду, они по-прежнему вынуждены были адаптироваться к неконтролируемым силам природы. Оглядываясь назад, мы осознаем присутствие коллективного бессознательного в качестве одной из сил, формирующих те или иные события. Почти в середине долгого династического правления Египтом эти силы стали достаточно мощными, чтобы разорвать цепь традиций, которые хранили целостность Египта в течение почти 1500 лет. Если говорить конкретнее, за все правление Эхнатона в 1353—1336 гг. до н. э., охарактеризованное как период эволюции и инволюции, в истории и обычаях Египетского государства произошел колоссальный диссонанс. Его разрыв с традицией ознаменовал собой резкий уход от давней ориентированности на устойчивость; сопротивляясь переменам, многие фараоны до Эхнатона оберегали египетское общество от распада.

Вдобавок к тому, что Эхнатон имел странный и непривычный внешний вид, у него еще были непонятные, загадочные, а кроме того, пугающие взгляды на традиционную религию.

Он провозгласил Атона, солнечное божество, верховным и единым богом. Власть, сосредоточенная в руках одного бога, привела к разбалансировке всей структуры традиционного египетского пантеона. На протяжении тысячелетий общая вера в многоликих богов и их разностороннее участие в повседневной жизни египтян служила тем самым хрупким мостиком, что соединял Верхний и Нижний Египет. Именно благодаря богам и «общине божеств» под управлением фараона мельницы не переставали вращаться, Нил продолжал течь, а ветры дули.

Все это изменилось с приходом к власти Эхнатона. Централизованная власть Атона подразумевала не только снижение значимости всего египетского пантеона, но и фактическое уничтожение большей части его мифологии. «Вытеснение Осириса, — пишет египтолог Сирил Альдред, — предполагало, что весь пантеон, включая богов погребения, должен быть разогнан, а на его место должна прийти новая религия. В итоге ставка была сделана на бога Солнца, устранившего лунного бога Осириса, а вместе с ним ту огромную роль, которую он играл в жизни египтян, земной и загробной. «Все упоминания об Осирисе, равно как и о прочих богах из его цикла [Эннеады], были изъяты из погребальных текстов, а осирийский эпитет „оправданный“, имеющий силу „умершего“, был исключен из имени всех усопших.» Отныне Атон, саморожденный бог, не имеющий жены, царствует вместе с Эхнатомом, его супругой Нефертити и их детьми, которые и стали новым святейшим семейством; по существу, Эхнатон заменил собою Осириса, Исиду и Гора. Апофеозом происходящего является то, что царские особы воплощают то, что ранее было строго привилегией богов. Никто более не видит богов в их животной ипостаси и не читает магических заклинаний, дабы воплотить их реальный облик. В символическом смысле Луна затмевается Солнцем средь бела дня, это явление, которое достигнет своего апогея с рассветом Христианства.

Новая мифология, возникшая во время правления Эхнатона, утверждала, что жизнь и смерть — это всего лишь погружение в сон каждую ночь и пробуждение в лучах утреннего Солнца. В будущем именно к Атону и иногда к Эхнатону должны быть

Рис. 12.1. Эхнатон, поклоняющийся Атону

обращены молитвы и почитание со стороны живых и мертвых, поскольку и царь, и его бог являются отныне их вечными стражами. Люди были обеспокоены этими революционными новшествами, так что по большей части, все проекты Эхнатона потерпели неудачу. Его провал во многом был обусловлен тем, что его мифология была неполной и незаконченной.

Как мы теперь знаем, индивидуация — это процесс, основанный на интеграции света и тени, Я и Эго, Осириса и Сета. «Понятие всеобъемлющего Бога обязательно должно включать его противоположность», — пишет Юнг. Поэтому для того, чтобы постичь всю полноту противоречивости, а, следовательно, и психологическую действительность, принцип совпадения противоположностей должен быть дополнен принципом абсолютной оппозиции.» В нашем случае Самости в образе Атона была передана единоличная власть. Если бы Эхнатон нашел более важное место в своей мифологии для темных богов вроде Осириса, он добился бы большего признания. И хотя правление Эхнатона длилось всего семнадцать лет, и после его смерти прежние традиции были вскоре восстановлены, оно, я полагаю, имело длительное воздействие на египетскую психику.

По мнению Альдред, Эхнатовское «вероучение раскрывает попытку обосновать убеждения, которые сложились в ходе естественного развития, начиная с доисторических времен. Оно стремилось установить связь мира мертвых с миром живых, а также всего человечества и природы со всеобъемлющим, непостижимым архетипическим богом.» Рационально обоснованные верования были современной концепцией, которая не только противоречила всеобщей вере в различных богов, но также призывала людей к размышлениям о себе самих. Преисподняя, в которой проходил ритуал взвешивания души, определявший судьбу человека, исчезла навсегда. С приходом Эхнатона мы наблюдаем первые проблески сознания, а вместе с ним — необходимость освобождения. Эта многосложность возникла путем провозглашения, а не благодаря постепенному знакомству с новыми мифологическими событиями. Атон был выделен как абсолютный небесный властитель, важность прочих богов была

значительно приуменьшена. Эхнатон предпринял смелый шаг, которого теологи до него тщательно избегали: он заявил о существовании одного истинного Бога. Как говорит Зигфрид Моренц, египтяне «не хотели мириться с уничтожением отдельных богов, но и не могли оставаться безучастными к созданию нового иерархического пантеона; они отважно продвигали идею о том, что наряду с многочисленными богами есть некий главный всеединый бог.» Эхнатон именовал его Атоном.

Люди были просто не готовы к такому скачку, хотя некоторые, конечно же, слепо принимали идею Эхнатона, в то время как другие относились к нему терпимо, выказывая свою притворную верность ради материальной выгоды. Вскоре после смерти царя пронеслась волна возобновления обрядов почитания богов, призванных восстановить прежний порядок. Но процесс был уже запущен, и ничего нельзя было изменить. Сегодня мы сравнили бы эти метаморфозы с процессом индивидуации, который базируется на постулате, что в каждом мужчине, женщине и ребенке есть стремление к развитию своей индивидуальности. Отныне индивида уже нельзя удовлетворить лишь гарантиями физического выживания и развития, ибо бессознательный процесс вовлечения в отношения между высшими и низшими видами реальности уже уронил свое семя в человеческую психику. В древнюю эсхатологию Старого Царства было добавлено новое измерение личной, психологической глубины. С приходом Эхнатона исчез мир, который населяли объекты Самости, вместо этого стало возможным возникновение индивидуальной души, принадлежащая конкретному индивиду, существующая отдельно от коллектива и принадлежащая как миру сознания, так и миру бессознательного.

Сравнивая гробницы Старого Царства с теми, что были построены во времена римских завоеваний, мы находим существенные изменения в форме и в декоративном оформлении наружных предметов искусства. Антропоморфный гроб, вырезанный в форме человеческого тела, начал появляться во времена Среднего Царства. Некоторые исследователи полагают, что данная конструкция берет начало от гробницы, которая была

сделана специально для Осириса, и в которой он и был похоронен. С дальнейшим развитием индивидуальной психики в римскую эпоху на крышках саркофагов стали рисовать портреты лиц умерших. Подобно ранним маскам мумий, эти Фаюмские портреты служили защитой лица умершего. Я даю данный обзор в качестве частичного доказательства того, что отчетливые изменения в погребальном творчестве возникают по мере того как индивидуальная психэ отделяет себя от коллективного сознания.

Кроме того, я утверждаю, что критический рост когнитивного развития, постепенный переход от конкретного мышления к абстрактному, объясняет появление индивидуальной психики. На языке алхимиков абстрактное восприятие — это *separatio*, позволившее Эхнатону вычленить одного бога из числа многих. Такое изощренное символическое мышление было гораздо шире того, которым оперировал среднестатистический египтянин. И хотя люди опасались, что многие тысячи других богов канут в небытие, на самом деле, эта кардинальная перемена представляла собой проникновение этих самых богов в бессознательное. И действительно, они не умерли, вместо этого начался длительный процесс, в котором внешние боги превратились во внутренние архетипы. Старые боги, подобные Осирису, в некотором смысле, воскресли.

Немало тысячелетий прошло, прежде чем миф об Осирисе достиг такого уровня, что люди пришли к пониманию, что боги Эннеады — это психические сущности, а не бессмертные божества. Этот сдвиг в сознании, я полагаю, начался с падения Эхнатона. Впоследствии Книга Мертвых перестала быть руководством, предназначенным исключительно для служения умершим, и постепенно стала учебным пособием для живых. Разумеется, миф об Осирисе не был статичным документом, напротив, он претерпевал изменения, соглашаясь с политической необходимостью, и на протяжении многих тысячелетий реагировал на острые потребности коллективного бессознательного. С самых ранних времен Осирис был единым богом, как и все боги Эннеады. Он был богом мертвых; Гор Старший — предвестником

творения; Сет — богом грома и ураганов; а Исида являла собой один из аспектов Великой Матери. Но поскольку индивидуация предполагает движение от простых форм к более сложным, эти боги больше не могли сохранять свое уникальное положение в египетском пантеоне. Простое объединение богов было недостаточно символичным, чтобы можно было передать всю сложность, возникающую при развитии сознания. На сегодняшний день нами остро ощущаются перемены, требующие пересмотра и оценки тех явлений, что отделяют индивида от государства. Подобный сдвиг в сознании подразумевал постепенное переосмысление человека, а точнее, отделение его (или ее) функциональной составляющей от той его части, что мыслится как индивидуальность со своим разноликим внутренним миром.

Мы можем вспомнить, что первоначальный иероглиф, обозначающий бога, *pteh*, указывает на некое нуминозное присутствие, которое служит скорее функцией, нежели статической божественной сущностью. В этом качестве Осирис, бог преобразования, во многом действует точно так же, как и процесс индивидуации. И хотя функция и протекание процесса невидимы невооруженным глазом, они, тем не менее, оказывают мощное влияние на физический и психологический мир. Подобные события тот час же можно заметить в современной жизни, в которой глубинная психология и когнитивная наука влияют как на физический мир, так и на внутренний мир психики, раскрывая колоссальные телесно-чувственные аспекты бессознательного. Сегодняшние исследования психоидного измерения позволили открыть мир субатомных частиц. Место, в котором происходит взаимодействие материи и сознания, становится все более доступным.

Мы наблюдаем за тайнами, которые некогда почитали египетские жрецы, а алхимики постигали интуитивно. Мы воплощаем то божественное сознание, которым формально обладали исключительно фараоны. Разница заключается в том, что сегодня божественное сознание появляется не при посредничестве *heka*, а скорее всего, оно достигается путем сочетания эмпатического взаимодействия с богами (архетипами) и современными

психологическими процессами. Новая единая философия воплощения породила области исследований, которые формируют нынешний мир.

Большая часть этих современных достижений берет свое начало из истории и мифологии, которые мы изучаем в данной книге. Одна старая, мудрая поговорка гласит: «Сегодняшняя магия — это завтрашняя наука». По существу, магия сыграла решающую роль в радикальном переходе от коллективного бессознательного к постепенному пробуждению индивидуального сознания. В главе 4 я описывал, каким чудом, наверное, было для древних египтян наблюдать за метаморфозами, происходящими на их глазах, когда пшеница и ячмень превращались в муку, а сок винограда — в божественный эликсир. Эта магия зависела не столько от божьей милости, сколько от знаний, которыми обладал тот, кто «колдовал» на кухне. Направлять по руслам воды Нила, орошать землю, заготавливать семена и собирать урожай, — все эти, казалось бы, простые задачи представляли собой действия, заменившие магические повеления целенаправленным распределением природной энергии.

Осирис и Исида научили людей искусству использования вод Нила и возделывания земель. Эти знания озаменовали собой начало великого прогресса в развитии сознания. Что касается того, как человек добывал себе пропитание, то боги здесь представляются не просто некой умозрительной силой, что действует исключительно по собственной воле и только тогда, когда им это угодно. То, что ранее считалось божественной силой, теперь, в некоторой степени, находится в руках земледельцев, пекарей и поваров. При достаточном уровне самообеспеченности человек был менее зависим от государства; наличие полных кладовых создавало условия для развития здорового рынка и ведения торговых отношений. В то же время, божественно определяемая судьба человека более не была функцией фараона, отныне каждый человек обладал правом прямого доступа к Богу (Атону), в этом заключен колоссальный сдвиг, определяющий будущую (загробную) жизнь каждого индивида.

В результате всевластные боги стали более абстрактными и постепенно утратили свою роль в алхимическом процессе. Осирис, который раньше был богом мертвых, теперь является богом изменений и преобразований — алхимическим богом вроде Меркурия. Сет уже не просто бог грозы и бурь; теперь он становится ночным палачом Апопа, змееподобного врага сознания. Исида начинает выступать не только в роли жены и сестры, но и как мать и даже творящая богиня, которая воссоединяет части тела своего мертвого мужа и оживляет его. Гор Старший, сливающийся с молодым Гором, водворяет на земле новый жизненный порядок. Гор представляет собой рождение нового человека, который управляет земным порядком, руководствуясь отцовской властью над подземным миром. Вполне возможно, что идея нового человека, второго Адама, происходит от Гора, ибо в нем мы обнаруживаем основополагающие черты, додуманные и конкретизированные более поздними традициями: кабалистами с их концепцией Адама-Кадмона, Гностиками с их доктриной об Антропосе, а также алхимиками с их *filius philosophorum*, «первым человеком света» — Меркурием. В целом, то, что я описываю, является формированием психологического мира, в котором боги превращаются в архетипы, а мрачный подземный мир — в самые ранние истоки личного бессознательного.

Если бы Юнг продолжил свои исследования в этой области, он бы не только нашел доказательства, подтверждающие его теорию о индивидуации, но и открыл бы самую архаическую структуру человеческой психики. С его гением он непременно бы смог представить энциклопедическое доказательство того, что Ра является персонификацией Самости. Он, несомненно, пошел бы дальше и обнаружил, что Гор — это прототип архетипа эго, а Сет — архетип тени. Осирис, скорее всего, окажется *Prima Materia*, которая трансформируется из пассивного недифференцированного состояния в законченный и цельный образ философского камня. Поскольку Юнг полагался, главным образом, на средневековую алхимию, я думаю, что наибольшую пользу он черпал из истории Древнего Египта, где зародилось

и культивировалось Царское Искусство. Как я и предполагал в начале этой книги, сознание — это непрерывный процесс развития, перемежающийся разрушениями и воссоединениями; миф об Осирисе указывает на многочисленные ключевые этапы этой эволюции. Это и в самом деле бесценный алхимический миф о существовании, дарованном нам (в первоизданном виде) самой природой и отточенной человечеством.

«Эволюция, — как заметил духовный учитель Эрнест Холмс, — это время и процесс, через которые идея развивается до состояния своего высшего проявления.» Идея в нашем случае заключается в творении индивидуальности (будь то индивидуальность отдельного человека или целого народа), которая соединяет в себе мужское сознание духа разума и женское сознание души. Пробраз той же самой концепции мы наблюдали в *coniunctio* (слияние — прим. перев.) пассивного (инь/душа) Осириса и активного (ян/разум) Гора, еще более усовершенствованного посредством *heiros gamos* («священный брак» — прим. перев.), соединяющего его с Ра, то есть с Самостью. Очевидно, эта концепция еще не полностью реализована, и на ее проведение в жизнь, как говаривал Юнг, может уйти еще около шестисот лет. Но на том этапе, на котором мы находимся сейчас, процесс индивидуации обязательно должен включать в себя работу с психоидной сферой, в которой таинственным образом сходятся психэ и материя. Вместо мумии, переносящей душу в иной мир, рядом с нами в этот самый момент присутствует нематериальный мир. Этот духовный мир состоит из многослойного бессознательного, которое содержит в себе личные и коллективные сферы реальности. Этот сосуд наполнен сновидениями, синхронизмами, воспоминаниями, случайностями и совпадениями, предчувствиями, мечтаниями, дежа вю, иллюзиями, — всем тем, что заимствовано из этого мира, и тем, что приходит к нам из других реальностей. А поскольку источник возникновения древних мифов нам неизвестен, сегодня мы живем в мифической реальности, в которой ежедневно сталкиваемся с вещами и событиями, которые не можем никак объяснить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двумя столпами алхимической работы являются теория и практика. В подтверждение данного тезиса мы проделали огромную работу, описывая обстоятельства, породившие миф об Осирисе, а также изучая эту легенду с использованием юнгианского и феноменологического подходов. И вот мы подошли к самому концу книги, но перед нами встает резонный вопрос: как же на самом деле мы могли бы воплотить Осириса? А между тем ответы на этот вопрос содержатся в самом мифе. В самом начале сказания об Осирисе мы узнали, что он был рожден в течение дополнительных пяти дней, которые были созданы богом-трикстером, Тотом. Вот та самая главная подсказка, благодаря которой мы можем выстраивать внутренний облик Осириса. Мы начинаем свою практическую работу, отталкиваясь от обычного времени и двигаясь вглубь воображаемого времени. Это не так сложно, как кажется на первый взгляд, если учесть, сколько времени из нашей обыденной жизни мы проводим в бессознательном состоянии. Выражаясь иначе, прежде всего мы должны научиться воплощать самих себя, чтобы построить храм, в который можно будет пригласить дух Осириса. Закрепляя сознание в своем теле, мы оживляем свое физическое бытие. Настраивая часы времени на время земли (естественное движение Солнца и Луны, смену времен года, возникновение приливов и отливов и т. д.), мы находимся «здесь и сейчас». Время очень динамично, но мы можем, если немного попрактикуемся, уберечь наш мозг от бесцельных блужданий и вернуть его на место. Наша цель не в том, чтобы сократить или расширить свое представление о времени, а в том, чтобы просто

быть здесь и сейчас. Как ни странно, наилучший способ достичь этого я нашел в повышении осознанности тех моментов, когда мы не воплощены! Отмечая про себя эти интервалы времени, мы очень тонко и малозаметно возвращаем свое внимание к текущему моменту, и вот мы уже пребываем в наиболее эффективном состоянии сознания, позволяющем проникнуть в воображаемый мир.

Когда Осирис родился, он был почти неотделим от земли — он был духом почвы, которая заставила его переродиться. Мы совсем забыли о том, что мы сделаны из глины, а эта глина образовалась из звездной пыли. Разум забывает, но наши тела помнят. Тело существует только в настоящий момент, и, напрягая память с целью вспомнить его историю, начиная с нашего самого первого воспоминания, мы начинаем заново осознавать свое тело, беспрестанно повторяя тысячи подобных операций. Тело оживляется духом в тот самый момент, когда в него входит сознание. Аналогичным образом египтяне фиксировали тот же самый момент, когда лучи утреннего Солнца на рассвете пробивали кромку горизонта.

Помимо того, что мы должны в определенный момент воплотить себя, то же самое мы должны сделать и с физическим пространством. Слишком часто мы воспринимаем свои тела всего лишь как исполняющими ежедневные функции. Для воплощения пространства мы должны сфокусировать свое внимание на постоянные ритмы тела. Отслеживание вдохов и выдохов, работы пищеварительного тракта и выделительной системы, наблюдение за размеренностью походки, частоты моргания глаз и т. д., — все это напоминает нам, что наши тела находятся в синхронических отношениях с планетой. Некоторые шаманские практики утверждают, что мы вполне можем ощутить землю, вращающуюся под нашими ногами, если будем развивать подобного рода тонкое сознание.

Настройка тела на частоты вселенной приводит к сжатию эго; оно заглушается и становится ничтожным. И чтобы избежать распада в данном процессе, эго должно быть достаточно сильным. Звучит забавно, но, покорно принимая на веру, то, что мы можем никогда не узнать, о чем и было заявлено в начале этой

книги, укрепляет наше эго. Принизая собственную значимость, мы создаем вокруг себя достаточно большое пространство, способное вместить бога. И когда мы всецело проникаемся идеей присутствия бога, мы становимся сосудом, готовым принять духа божественного. В примерах, приведенных выше, мы воплощены в наибольшей степени — время и пространство локализованы внутри нас. Подобные упражнения предполагают неторопливую творческую деятельность, требующую от практикующего целеустремленность, дисциплину и решимость. Результат подобной практики описан в Каббале: «Иметь представление об этапах творческого процесса означает то же самое, что иметь представление об этапах возвращения человека к истокам всего бытия.» Именно в этот момент между сознанием, цивилизованным миром и темным бессознательным миром, мы встречаемся с Осирисом.

Еще одно слово, близкое по смыслу с воплощением, — *воодушевление*; если первое помещает время и пространство внутри тела, то второе оживляет его при помощи души. Воодушевление — это творческий процесс, подразумевающий постижение внутренней жизни своего тела, как если бы это была некая общность, объединяющая собой психические и физические компоненты. «Душа рождается, — пишет ученик Юнга Томас Мур, — в сырой и твердой земле, в сфере обычного опыта. Без этого воплощения мира не могло быть и души. По этой причине египтяне упоминали о жидкостях, сперме и крови, как о физических носителях мыслей и эмоций. Говоря о божественном творце Птахе, в своей книге «Древнеегипетская Религия», Франкфорт пишет: «Он сделал их тела (статуи) похожие на те, что были угодны их сердцам (то есть, формы, в которых они желали быть проявленными). Поэтому боги поселялись в их телах, сделанных то из дерева, то из камня, то из глины, — из любого материала, что произрастает на нем, и в котором они обретали себе форму.»

Оживляя тело сознанием, мы наполняем *akh*-душой или тем, что мы называем благоволением; боги вливаются в нас, и все в нашем мире становится одушевленным. Мы начинаем жизнь со слабого самосознания; тело выполняет свои основные функции без всякого осознанного мышления, если оно вообще

присутствует; но по мере роста сознания оно способно постепенно вовлекаться в тело, не просто реагируя на его базовые физические нужды, а в большей степени уделяя внимание его духовным потребностям. В *Corpus Hermeticum* Тот рассказывает нам, как подготовиться к воплощению бога: «Не блуждайте в поисках Бога; а сидите спокойно дома, и Бог, присутствующий повсюду и не ограниченный крохотным вместилищем, как демоны, придет к вам. И сохраняя в смирении плоть, обуздайте также ваши страсти, и желания, и радость, и гнев, и печаль, и двенадцать частей смерти. Таким образом, взяв контроль над собой в собственные руки, вы призовете божественное, и оно снизойдет к вам, поистине к вам придет то, что есть повсюду и нигде.»

Мы должны быть достаточно сдержанными, чтобы душа, так же, как и дух Осириса, пожелала войти в Храм нашего физического существа. Вполне вероятно, что именно по этой причине алхимики выбрали себе образ камня, символизирующего цель их работы: камень неподвижен — его жизнь заключена в невозмутимом безмолвии. Камень кажется безжизненным — удачная метафора для тех из нас, кто совсем лишен души, и в то же время камень — это идеальный сосуд для восприимчивости. Этим объясняется полная глубокого смысла рецептура алхимика шестнадцатого века Герхарда Дорна: «Преобразуйте себя из мертвых камней в живые философские камни.»¹⁴ Лазурит — это живое воплощение земли и неба. Для создания этой символики использовался самый главный образ — образ Тростникового Поля. Это «поле» бессознательного вобрало в себя все самое лучшее возлюбленной земли Египетской и вечность небес.

Тишина не всегда приходит по своему желанию. Чаще всего злоупотребления, травмы и кризис застают нас врасплох; какая-то часть психики при этом автоматически выключается и кажется мертвой, отвергнутой, парализованной и отрезанной от сознания. О том же самом говорит нам миф, когда Сет схватил Осириса и запечатал его в свинцовом гробу. Каким страшным показался бы нам мир, будь мы внезапно и полностью отрезаны от семьи и друзей. Единственным спасением, за

которое мы могли бы зацепиться в данной ситуации, — это то, что мы не одиноки в этом саркофаге. Нам может показаться, что все потеряно, и ничего более не существует. Но пока мы осознаем свое собственное *присутствие*, остается надежда, и в самый тяжкий для нас час какая-то таинственная сила вселенной переходит на нашу сторону. Бога, может, и невидно, но присутствие его ощутимо. Он как свет во тьме, и с этим светом рождается надежда, что следуя своей дорогой, мы достигнем наилучшего мира.

Дни и годы могут пройти в этой «темной ночи души». Подобный опыт описан в первых строфах поэмы Святого Иоанна Креста:

Рис. 12.2. Тростниковое Поле.

В ночи благословенной
я лестницей спустилась потайною —
о жребий мой блаженный! —
окутанная тьмою,
когда мой дом исполнился покоя.

Ночною тьмой хранима,
таясь, я никого не повстречала
и я была незрима,
а путь мне освещала
любовь, что в сердце у меня пылала.

В конце концов, мы причалим к далекому берегу, предвещающему новую жизнь. Осирис достиг Библоса, будучи далеко от родины, и здесь, на чужбине, прекрасное дерево акации обнимает его, наполняет силой его тело и по существу возвращает его к жизни. Он принимает вертикальное положение и становится устойчивой колонной. Мы воплощаем ту же самую силу, не позволяя страху смерти сокрушить нас. Ежедневно признавая существование смерти, мы открываем ее мрачную прелесть и преобразующую силу. Подобная стойкость позволяет нам перенести отчуждение от родного дома, обеспечивающего нам ранее покой и уверенность. Мы хоть и все еще пребываем в пасти тьмы, где доминируют депрессии, одиночество и оторванность от мира, мы знаем, что это не единственное наше место в жизни; мы можем быть подавлены, но не окончательно раздавлены.

Это чужая земля, но нет на ней места, лишённого природы. Она обнимает нас, обновляет наш дух и вселяет в нас надежду. Инстинкты — это сила, порождающая архетипы. Постепенно мы начинаем расправлять свои плечи и обретаем свой «костяк» и самые сильные свои стороны, которые могут нам помочь выдержать тяжесть этого мира.

Исида забирает мертвого мужа домой; вряд ли она догадывается, что худшее ожидает ее впереди. Но когда мы разорваны на части и разбросаны по миру, время как будто останавливается. Для кого-то это психическое расстройство,

для других — духовный кризис, который является важнейшим этапом в воплощении бога. В нашем мифе тело расчленяется с какой-то целью. Если его не отрывать от земли, оно умрет в ней и никогда не будет иметь шанса на воскресение. Оно станет рабом привычек, страстей, обыденности, ...рассыпаясь при этом в поле времени и пространства. Смерть здесь является неотъемлемой частью вхождения Осириса в вечное царство. «Выражаясь словами Гёте, *stirb und werde*, умирай и становись.» Для того, чтобы стать частью высшей реальности, нужно умереть для этого мира. Это тяжелое испытание не должно быть принято ни через самоубийство, ни через мученическую смерть, ибо в обоих случаях имеет место бегство от жизни, ограничение, отсекающее нас от бытия, физического и божественного.

Осирис — это модель послушания. Он смиренно принимает все ужасы, происходящие с ним, точно, как *Prima Materia*, претерпевающая лабораторные муки. Такая сознательная жертва призвана служить примером для личной индивидуализации. Она оправдывает всю боль и страдания, которые мы ежедневно переживаем, чтобы переступить порог этого мира и оставить его, будучи более мудрыми и просветленными. Смирение и вера в данном процессе позволяют любви войти в сосуд. Тогда Мать обнимает нас и берет на руки. Единственная цель ее заключается в том, чтобы мы принесли в этот мир что-то новое и неповторимое. Мертвые хотят от нас того же самого. В «Красной Книге» Юнг показывает, что мертвые хотят, чтобы мы взяли на себя их неразрешенное бремя. Нам остается переосмыслить свои жизни, всецело принимая судьбу своих предков. В этом случае индивидуация формируется Матерью (*Anima Mundi*) и душами умерших, которые хотят, чтобы мы успешно и достойно воплотили в жизнь их замыслы. Аналогичным образом мы умираем, но связи между нами продолжают существовать некоторое время, соразмерно тому содержанию, которым мы наполнили эти отношения при жизни.

Подобно тому, как Осирис умирает, не переставая при этом существовать, мы также продолжаем жить за пределами физической смерти. Имея живую связь с бессознательным, мы

не удивляемся ни смерти, ни тому, что, как предполагает Юнг, мы вечно будем одиноки! Мы подготовились к этому переходу — еще одной точке сжатия, с которой мы уже ранее сталкивались по самым разным причинам. Как преисподняя для Осириса, бессознательное становится для смерти убежищем, пока мы живем. Вот он, неисчерпаемый источник и учитель. Смерть служит нам напоминанием, что земная жизнь ограничена, и мы должны наслаждаться каждым конечным моментом перед тем, как войти в царство вечности. Понимание этого придает особую красоту всему, что происходит в нашей жизни. Тьма только усиливает значимость жизненных ценностей. Смерть придает свету нотки мягкости. Меланхолия индийской флейты, сигнал туманного горна, слезы в кинотеатре — вот они едва ли осознаваемые радости, что исходят из самых потаенных уголков нашей души. Тьма добавляет загадочности нашей душе; она придает личности разноцветье. Даже грустные и угнетающие события воспринимаются спокойнее, потому что напоминают нам, что жизнь колеблется между радостью и печалью; причем каждая из этих крайностей и ограничивает, и расширяет противоположную. Таков динамический порядок жизни, который египтяне считали главным правилом *Ma'at* — неизменная цикличность присутствует повсюду во вселенной.

Мы умираем несколько раз, прежде чем полностью воплотить Осириса. Младенец умирает в нас, чтобы позволить родиться ребенку; ребенок умирает для того, чтобы подросток мог следовать дальше по пути индивидуации; подросток уступает место взрослому и в итоге — старости. На каждом повороте жизни действуют такие силы, что тянут нас назад, а есть и более мощные, что толкают нас вперед. Это жало Сета, которое заставляет нас стряхнуть с себя идиллический мир детства и вооружиться зрелой системой взглядов на жизнь. Если мы будем и дальше плыть по течению и не поменяем свой детский образ мыслей и поступков, мир это сделает за нас. Нас могут уволить с работы, или жена уйдет к другому. В таких случаях мы ощущаем себя, как будто нам в лицо плеснули холодной водой, но одного шока недостаточно, чтобы сделать переход к взрослой жизни. Цель

состоит не в том, чтобы погубить невинность детства, а в том, чтобы преобразовать старые энергии в новые. Не уничтожай, но трансформируй! Тогда то, что ранее, к примеру, было импульсивностью, превращается в непосредственность, сомнение становится любознательностью, а хаос преобразуется в бесконечные возможности для созидания.

Но прежде нам нужно принять еще один бой: тень всего невидимого, все тайные амбиции и темные желания следует извлечь на свет. Мы тратим непомерно много времени, тщательно утаивая эти вещи. Стыд не дает нашей тени стать осознанной. Эта битва продолжается долгие годы и, кажется, никогда не закончится. Потому что, с одной стороны, эго решительно сопротивляется и дает отпор всему, что бросает вызов его авторитету. С другой стороны, тень не особенно требовательна, ибо ею движет стремление к индивидуации — помочь человеку обрести целостность.

Очень важно осознать, что «благодать может снизойти только на того, кто несовершенен и готов признаться в собственной убогости, уродстве и ущербности.» Джерри Фьеркенстад, цитируя алхимика-богослова, конкретизирует этот важный момент: «Для нас это непостижимая тайна: что даже наше зло, даже наша склонность противостоять целостности подвергают нас Божьей любви. Он заставляет нас испытывать такую сильную любовь, которую не способно вызвать в нас даже собственное стремление к совершенству. Бесстрашная смиренность, наряду со спокойствием, — очень важное качество, позволяющее благодати сойти в сосуд, нами подготовленный.

Секретный агент, который приносит мир этим двум благородным воинам, тени и эго, является трикстером. В мифе этот поединок олицетворяют Сет и Гор, которые не в состоянии прийти к миру. И именно Тот, плутоватый бог с головой ибиса, призывает Нейт, дабы прекратить кровопролитие. А когда, наконец, в спор вступает Осирис и объявляет Гора своим законным сыном и наследником трона, Тот повторяет слова Осириса о «признании истинным», и дело благополучно разрешается.

Тот, как Гермес Меркурий, является прислужником Самости. Он обладает мудростью, позволяющей противоборствующим

сторонам прийти к созидательному решению. Если, к примеру, мы неосознанно боремся со злом, мы рискуем погрязнуть в нем и никогда из него не выкарабкаться; поэтому здесь необходим посредник, способный вмешаться в конфликт, не будучи в нем задействованным. В момент вмешательства Тота как раз Самость и выносит решение. Самость не принимает ни одну из сторон, потому что этих сторон у нее так много, что все они имеют право на существование. Поэтому Самость, как говорил французский богослов двенадцатого века Ален де Лилль, описывая Бога, есть «разумная сфера, центр которой находится повсюду, а края ее — нигде.»

Для того чтобы воплотить Осириса алхимическим способом, нам нужно применить изречение «Сошествие Святого Духа, Восхождение Души». Проще говоря, эта инструкция требует сжатия духа и расширения души, предписание, напоминающее рецепт *solve et coagula*. Плотное тело может превратиться в тонкое только посредством «воздымания», будучи возвышенным, чтобы каждая клетка нашего тела, разума и души была легкой, как перышко. Другими словами, мы должны обратить вспять естественный порядок — *Opus contra Naturam* (работа против природы — прим. перев.) — для достижения алхимической трансформации. Тело воскресает, а земля становится живым духом.

Смерть и воскресение Осириса — это религиозный акт; возможно, происхождение самого слова *религиозный*, означающего «связывать» и «восстанавливать связь», имеет отношение к разрушению и возрождению наших темных мыслей и чувств. Мы видели, как алхимический бог становится «одухотворенной землей», благодаря многочисленным действиям, описанным в этой книге. Самым жестоким моментом данного процесса является его расчленение. Осирис должен отказаться от грубой материи земной реальности, чтобы подняться в духовное царство. Подобные испытания назывались Мистериями из-за тайны, охраняемой каждым «религиозным языком». Как показывает практика, эта область является наиболее естественной в психологическом опыте, потому что дух более не находится «где-то там»,

но воплощен внутри нашего существа. Боги, обитавшие в каждой клетке, никуда не исчезли, но им нужно наше преданное участие, чтобы снова стать живой частью процесса жизнедеятельности человека.

Психэ обитает в психоидном измерении, где дух и душа встречаются, вступают в брак и превращают личность в единое интегрированное и просвещенное существо. Эта интеграция описана в заключительной сцене, когда Гор, олицетворяющий земное время, обнимает душу своего отца; преходящее соприкоснулось с вечностью. Наше физическое бытие статично, и то, что нам нужно, — это энергетический процесс превращения, индивидуирующий сознание. И снова текст из *Corpus Hermeticum* прекрасно иллюстрирует данный процесс:

Итак, Вечность в Боге, мир в Вечности,
Время в мире, становление во времени.
Вечность укоренена в Боге,
Мир движется в Вечности,
Время течет в мире,
Становление происходит во времени.

Иначе говоря, если мы достаточно неподвижны, — неподвижны, как труп — вечность входит в нас. Тогда бог может войти в нашу сущность, принося вечность нашему разуму, а также опыт непрерывного творения. Превращение — это не то, что начинается и заканчивается с нашим временем на земле, а скорее, то, что является эмерджентным свойством вселенной.

Осирис — это имя, которое мы используем для обозначения архетипического бога в том качестве, в каком он ощущается во времени в этом мире. Это бог, который чрезвычайно нужен нам в нашей современной жизни, в которой регенеративные науки физически изменяют человеческий ландшафт. Несмотря на существование многочисленных медитативных практик, связывающих нас с «превращением», мы остановились на Осирисе как архетипическом символе, который разъясняет древний способ осмысления сознания, его уменьшение и расширение,

его страдание и бессмертие. Отныне мы можем воспринимать Осириса как алхимический образ, символизирующий вечность во времени, бесконечный процесс превращения и индивидуирования, в которых рождение и смерть суть всего лишь указатели вдоль дороги.

Секрет алхимической трансформации раскрыт нам через «превращение Осириса» и раскрытие тайн регенерации. Этот древний бог Осирис, сын земли и неба, очень похож на нас, и мы, подобно ему, умираем и возрождаемся. Его миф является формулой для достижения мечты алхимика — о превращении плоти и трансформации духа в бессмертное целостное существо, которое выходит за пределы земного существования. Легенда об Осирисе показывает нам, как осуществляется данная трансформация — как само тело, благодаря которому мы существуем на земле, одновременно является средством, позволяющим нам воплотить бога.

КЛУБ КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ

ГАДАНИЕ НА ТАРО

ПРЕДСКАЗАНИЕ НА
ТАРО — ЭТО СЕРЬЕЗНАЯ
ДУХОВНАЯ ПРАКТИКА,
ПОЗВОЛЯЮЩАЯ ВАМ
РАЗВИТЬ СВОЮ ИНТУИЦИЮ
И ПОЛУЧИТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
О БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ.

Обучение работе с таро, годовой расклад, расклады на личные отношения, психологическое тестирование с помощью Таро — это и многое другое вам предлагает **Анна ТХЕН**, Таролог, ученица Олега ТЕЛЕМСКОГО и специалист в области карт таро.

Стоимость расклада 1500р.
Для переводчиков Касталии — бесплатно.

ann.muw@gmail.ru

АСТРОЛОГИЯ

АСТРОЛОГИЯ — древнейшая духовная традиция, позволяющая найти своё место в мире и познать свою Истинную Волю. Анализ натальной карты — одна из важнейших духовных и психологических практик. Это самый короткий путь самопознания. Известно, что Карл Густав Юнг обязательно составлял для своих пациентов натальную карту, которая помогала ему лучше понять клиента, а клиенту — более кратким путём прийти к своей Самости.

- Стать вашим проводником на пути самопостижения и истолковать символическое послание вашей космограммы готова **Мария КОРОЛЁВА**, почётный астролог и астропсихолог нашего клуба, ученица Олега Телемского, выпускница астрологической академии.

Чтобы узнать, как записаться на консультацию, что в неё входит, сколько стоит и в каком формате осуществляется, напишите по адресу **m.koroleva@land.ru**.

Стоимость гороскопа колеблется от 2 000 до 6 000 рублей.

ЮНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ ПО СКАЙПУ

Если вы испытываете проблемы с своей душой. Если в вашей жизни образовалась пустота. Если не складываются личные отношения, а смысл жизни полностью потерян. Наконец, если вы просто хотите познать себя —

ВАМ НУЖЕН ЮНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ.

Высокие технологии позволяют проходить анализ не выходя из дома — по скайпу.

И один из лучших Юнгианских психологов предлагает вам свои услуги. **Дарья КОРЕНЬКОВА**, лидер и координатор Белорусского отделения Касталии, психотерапевт со стажем по специализации «Юнгианский анализ и Гештальт Психология» предлагает вам свои услуги.

Писать loft11korenkova@gmail.com и aton93@yandex.ru
(необходимо написать на оба мейла).

Стоимость одной сессии в 50 минут — 1500руб.

АНАЛИЗ СНОВИДЕНИЙ

Издревле мир снов привлекал человека своей тайной. Наши сны, где за одну ночь порой мы проживаем целые жизни, представляют собой удивительную реальность, существующую по своим законам. Ученые, маги, пророки на протяжении всей истории прислушивались к снам и пытались постичь их тайну. Счастливые и ужасающие, простые и причудливые, близкие к повседневному миру и сказочные.

Такие разные и такие удивительные. Юнгианская психология создала свою уникальную систему понимания снов. Эта система, далекая от популярных сонников, позволяет нам понять мир наших снов и услышать то послание, которое дает нам наша душа через сновидение. Если вам снятся значимые сны, и вам нужна помощь мастера, имеющего опыт и образование в этой области — вы можете обратиться к юнгианскому аналитику Касталии **Анне Симбалайн** которая проводит анализ снов. В отличие от психотерапии, в данном случае все может ограничиваться одним сеансом, на котором вы представляете свое сновидение (по скайпу или по переписке), и в течение часа вам помогают понять его послание.

ДОРОГО. КАЧЕСТВЕННО. СЕРЬЕЗНО.

По всем вопросам, о реальности мира снов пишите
Анне СИМБАЛАЙН по адресу anncymbaline@gmail.com.

КУРС ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЮНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ»

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ МААП и САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ИНСТИТУТА ЮНГА

ДЛЯ КОГО: Слушателем может стать каждый, кто интересуется психологией. Психологи любой модальности, социальные работники, а так же лица с любым высшим, а также с неполным высшим или средним профессиональным педагогическим, психологическим или медицинским образованием.

ЗАДАЧА КУРСА: Знакомство с современной аналитической психологией и получение практических навыков психологического консультирования.

Полученные знания могут использоваться в психотерапии и для индивидуального, семейного консультирования, психолого-педагогической работы, также в области управления человеческими ресурсами, PR и рекламы. ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ ВЫДАЁТСЯ ДИПЛОМ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКЕ УСТАНОВЛЕННОГО ОБРАЗЦА.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ: Занятия проводят сертифицированные юнгианские аналитики – члены IААР (Международной ассоциации аналитической психологии), практикующие психотерапевты. Преподаватели курса имеют большой опыт проведения выездных семинаров и учебных программ в городах России и ближнего зарубежья.

ФОРМАТ:

Форма обучения: Очная. Программа рассчитана на 2,5 года (500 академических часов). Занятия проходят по субботам и воскресениям, один раз в месяц в соответствии с расписанием, с 10.00 до 18.00

АДРЕСНЫЙ БЛОК:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ЮНГА
Санкт-Петербург, Петроградская наб., 42
Тел: (812) 972-16-77, e-mail: jungterra@mail.ru
Наш сайт: <http://jungterra.ru/>

НАШИ ПАРТНЕРЫ:

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

(www.maap.ru)

ВНИМАНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ! ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аналитическая психология — направление, разработанное выдающимся швейцарским психиатром К. Г. Юнгом в первой половине XX века путем дополнения и прогрессивной переориентации психоанализа Фрейда от анализирования причин неврозов к содействию развитию личности в целом. Ученики Юнга соединили его идеи с более поздними достижениями в современном психоанализе и других течениях практической психологии. В настоящее время юнгианская школа, являясь одной из самых крупных и широко известных мировых школ психотерапии, может быть смело названа вершиной в ее эволюции, как самый глубокий и универсальный подход.

Юнгианский анализ изначально предназначался для самопознания и помощи пациентам. Однако, владение юнговской теорией личности, теорией архетипов коллективного бессознательного, типологией, методами работы с образами, символической игрой, толкованием сновидений, диалого-диалектическим подходом в межличностном взаимодействии может найти применение в самых разных сферах помимо аналитической психотерапии.

Эти находки могут быть использованы в краткосрочной терапии, коучинге и консультировании разного профиля — детском, семейном, организационном, профориентационном. Журналисты, социологи, политологи, философы, религиоведы, литературные критики и искусствоведы

также активно обращаются к идеям Юнга и его последователей.

ОБУЧЕНИЕ аналитической психологии — это возможность не только разобраться в себе и освоить самое лучшее, что есть в психоанализе и практической психологии, но и стать гуманитарием широкого профиля.

Занятия проводят **международно признанные** аналитики, являющиеся членами IAAP (Международной Ассоциации аналитической психологии), практикующими психотерапевтами и преподавателями факультета психологии МГУ и других московских психологических и психоаналитических институтов.

Занятия проводятся в течение двух лет в удобной сессионной форме семинаров и тренингов 2–3 дня в месяц по выходным. По окончании программы студентам выдаются сертификаты о повышении квалификации **государственного образца**, и они получают возможность дальнейшего профессионального развития в юнгианской школе.

МАОП участвует в организации российских и международных конференций, реализует различные гуманитарные и издательские проекты, сотрудничает с другими мировыми юнгианскими институтами. Преподаватели МАОП имеют большой опыт выездных семинаров и учебных программ в других городах России и ближнего зарубежья.

Колледж Телема 93

приглашает на лекции

 Магия в теории и на практике

Магическая Каббала

Демонология

Таро Тота

Талисманная магия

Сексуальная магия

Колледж "ТЕЛЕМА-93" ставит своей целью
ПОМОГАТЬ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ
в ИЗУЧЕНИИ МАГИИ И МИСТИКИ, а также
в ПОСТИЖЕНИИ ИНЫХ СЕРЬЕЗНЫХ
ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
Востока и Запада.

Наши странички в интернете:

Портал: <http://www.thelema.ru/>

Сообщество в ЖЖ:

http://community.livejournal.com/ru_thelema93/

ВЫ МОЖЕТЕ ЗАПИСАТЬСЯ В КОЛЛЕДЖ
ПО АДРЕСУ INFO-THELEMA@MAIL.RU
ИЛИ ТЕЛЕФОНУ: +7 (926) 214 24 68

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект
со множеством граней:

- Ежемесячно обновляемый
эксклюзивными переводами САЙТ
WWW.CASTALIA.RU

- Еженедельно собирающийся
КЛУБ КАСТАЛИЯ,
где читаются лекции
о самых разных эзотерических
и психологических
традициях

- ШКОЛА КАСТАЛИЯ,
регулярно проводящая
открытые обучающие лекции и семинары

МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!

Воплотить Осириса: Секреты
алхимической трансформации